

НИЗАМИ

ХАМСӘ МИНИАТУРЛӘР • ХАМСЕ МИНИАТЮРЫ

NIZAMI

KHAMSА
MINIATURES

«ЖАЗЫЧЫ»

НИЗАМИ
ХЭМСЭ
МИНИАТУРЛЭР

НИЗАМИ
ХАМСЕ
МИНИАТЮРЫ

NIZAMI
KHAMSA
MINIATURES

НИЗАМИ КӘНЧӘВИ

ХӘМСӘ
МИНИАТУРЛӘР

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

ХАМСЕ
МИНИАТУРЫ

NIZAMI GANJEVI

QHAMSA
MINIATURES

A-22943

ЈАЗЫЧЫ

БАКЫ
1983

Составитель, автор предисловия
и аннотаций
Керим Керимов

Научные редакторы
Абдулвагаб Саламзаде
Джангир Каграманов

Художники
Н. Бабаев
Ю. Сальников

Фотографии
И. Рубенчика

© Издательство „Языки“ 1993

Ду[я] адаби[ят]ынын корифе[л]ариндөн бири, Азербайжан халгынын буюк мутафаккир шайри Низами Кочковинин [арадычылыгы ирси ду[я] бади мадания]т хазинасини да[ва]яно осорларда зинкилашдырмишди[р].

Низами «Хамсе»сизин дахила олан, өзундө Шәрг поэзиясынын эн [үксөк навал]жетерини, зинкин шифа[н] ха[л]г адаби[ят]ы он[и]наларини чомашдыран, идеја-эстетик көздөтөн сон дөрөчө көзөл, мислсиз поемалар [Ахын во Орта Шәрг адаби]ят]ы во иччосинотинин ичкишафына буюк тәсир кәстәрмиш во бу күн дә кәстәрмәкдәдир. Шәрг поэзиясы көйкәшавында эн парлат уадузлар сайман Низами «Хамсе»сизиндики поемалар шәрг поэзиясынын бир чөх классикалари үчүн үткәвимәз [арадычы] алман монбәји олушду[р]. Мо'лум одадугу кимки, Фирдоусинин «Шахнамә»сизиндөн совра эн чөх нәзира Низаминин «Хамсе»сизинә [азыламышдыр].

Биз дә бу нәзирәләр шәргин көркөмди мутафаккир шайрлари Хосров Дәвләви, Фәдуррабман Чам, Әлишәр Навәи во башга классикләри тәрифиндә гәләмә алмышдыр. Бу, тәсәдүфи дә[й]ләл, Ова көрә ки, «Хамсе»дәки мутәрәтти иттиман-фәлсәфи во бәди-эстетик идеја[л]ары окс етдирән, иччибәлиги во көзләлиги, азалыгы во ешти тәрипнүм едән, рәйкәралыгы во инкүзәлуәүгү гарыш, о дөвр чәви[ят]тин бәр чүр вәсғәналарына гарыш чыгыш едән поемалар әдмәләри дөгрәк во [Ахын олуш, даим әһәливиә бүтүн тәбәгаларинин дигтәттин] өзүнә көлб етмишдир.

Низами «Хамсе»сизиндики поемалар мусәлман Шәрг халқларынын итәби сәниетинин, мивәтүр рәссамлыгынын, тәсвири во декоратив-тәтбиги иччосинотинин мутәлаиф новәларинин ичкишафына буюк, фә[й]далы тәсир кәстәрмишди[р].

Мутәлағәсиз дә[й]ләл бәларик ки, антик мифология гәдими [унав иччосәгәти үчүн чәббәлән]и во әсәс [К. Маркс] одадугу кимки, Шәрг поэзиясы дә шәрг иччосәниәти үчүн чәббәлән во әсәс рәлуәну о[н]авышдыр. Ахын шәрг поэзиясы, эн әһәл, онун эн гиймәтәли ичкис олан Низами «Хамсе»сиз шәрг иччосәниетинин әсәси олмагдәл әһәл, да[в]а бир мүйүм во чәтүн вәлифини [еринә] еттирдән. О, тәсвири иччосәниәтин өзүнүн [ашама]г бүтүгү гәзәмәси үчүн мүйүрәз едирди.

Мо'лум одадугу кимки, тәсвири иччосәниәти ичкишафына мәнә олан дини идеологиянын көкүм сурәтү [чөх чәтүн бир шәрәтдә шәрг мадания]ттинин тәрәтпәлвәр нумә[й]идоләри — буюк әдмәләр [Ибн Сина], мутафаккир шайрлар [Низами, Чам, Навәи], рәссамлар [Дөст Мәһәмәд, Сәдигбә] Әфшәр] ичсәлмә икәнбәорчү мейләринә гарыш чыкыр, тәсвири иччосәниәти [ашама]г үтрүндә мүйүрәз апарырдылар. Олар иччосәниәти көрмәклиги дәрк етмәлиги тәсвири формаларынды[р] бири, гүдрәтәли идеја-эстетик во етик тәрибә вәсғәси кимки гиймәтәлидирдәләр. Иччосәниәти тәсвири олмасы онун эн мүйүм мөзә[и]тти һесап едәләрди.

Низами үчүн тәсвир етмәк бәчәрыгы — көрмәклиги көзәлән гәвуналары әсәсиндә дөйүшдирмәкә гәбна олан ичсәлмә буюк истә[д]әдә сәһиб олмасы дөмк әдм. Шәрг рәссам Мүнзирин, Шәнурун, һәйкәлтарәш Фәрһәди, әфсәнави Мәнинин сәһрәкә сәниетинин буюк шөгәл гәләмә аламышдыр. Низами «Хосров во Ширин» поемасында рәссам Шәнуру, онун сәниәткарлыгыны тәз-тәз, вәләмә тәрипнүм едир:

Зирәк, шәккә чәкән, гәләми итк,
Хәләлән чәкәрдә нәк бир сурәтк,
Зәриф киләрдә о хәләл шәрәрдә,
Суләрәм үстүнә нәкшә сәләрәд!

Бәмин поеманын бәшгә бир [ериндә] Низами рәссамын е'чәзкәр истә[д]әдәмә-дән данышдыр.

Адин бәши чәкәсә һәрәкәт едир
Гүш гәләмә чәкәсә тәз үтүб кәдир.³

Шәнурун дивән илә шәрг Фәрһәдин сәниәткарлыгыны тәрипнүм едир:

Күдүккә бәшәрләр сәниәткармәт,
Зирә күш гәйрәб [үкәләр] бәлмәт...

Низами, Хосров во Ширин
Баха, 1962, сәһ. 36.

Низами, Хосров во Ширин
Баха, 1962, сәһ. 33.

Шәир Хәвәрнәт сәрајини дивәрләриндә Јәдә кәзәлини фәсуһкар сурәтләри, гәбрәмнәләрнән мөһабәт вә иҗмәдијәни тәһриһун едәт өз сәһнәләри тәсвир едәләнш шәкәлләрә мөфтун олуһдуһр.

Нәзімнәннән поемаляриндә бәдиә јарәдчылығ ривә һәјәтин өзүнәмәхсүс тәғләди кәми гәһмәтләндириләр; тәсвирләр вә кәрчәкәлик арасында сон дәрәҗә бөјүк јәхынлығ вәрдәр. Мәсәлән шәир Јәзыр ки, Искәндәрә кәрүб гөрхүја дүшүн әдәлләр дивәр үзәринә чәкәмиш рәсм кәһи јәрәриндә доһуб гаһырлар...

«Искәндәрнәмә» поемасында Рум вә Чин илгәшләриннән јәрмәшнә әјрмәчә фәсли һәср едәләнмишдир. Шәир елә орадачә рәсәм Мәни, онун ечмәкәр сәвәти һәғһиңдә сүстәл һекәјәт дәннәшәр.

Кәһирләл бу мисәлләр кәстәрди ки, Нәзімә рәссамларнән јарәдчылығһын, тәсвирә иҗәсәвәтин бәдиә иҗмәкәләрнән јүксәк гәһмәтләндирилмишдир, бу сәвәти объект иҗәкәклиғи дәрҗә етмәјин мұһүм вәсәтәси һесәб етмиш, ону јәшәтмәк, иҗмәшләп етдирмәк үчүн мұбаризә апармышдыр. Тәсвирә иҗәсәвәтин иҗмәшләп-фәһидә Нәзімә «Хәмсә»снәннән әһәмјәтлән чәһәтләриндән бири бундә ибарәтдир.

Чәх тез бир замәндә кәшиш шәһрәт гәзәнмиш Нәзімә «Хәмсә»снәннән өмәкә поемалярнән китәб сәвәтинән иҗмәшләпнән биләвәсәтә күчүл тәсвир кәстәрмишдир. Бу әсәрләр истәдәдлән хәттәләрин, илгәшләрин, мұзәһһәбләрнән, мұчәлләдләрнән вә бәшгә китәб сәвәти устәдләриннән кәркәки, биржә јарәдчыл әһәмјә илгә јарәдчыл шәјән илгәдәрдә гәһмәтлән әлжәмәснәннән, илүстрәсијә чәкәмиш әлжәмәләрнәннән мейдәнә кәлмәснәндә гүдәртлән әһәмјә олуһдуһр.

Бөјүк Нәзімнәннән фәлсәфи-дидәктик, романстик мөһәббәт, тарихи гәбрәмнәл-ығ поемалярнән рәссамлар үчүн түкүнмәз јарәдчыл илгәм мөһәбәти олуһдуһр. Бу поемаляр рәссамларнән зәһки вә фәјдәдлән мәтәрәллә тәһмин етмиш, онларнән сәвәтинән јәнв, ориғинал мөтивләрәл, мұтәрәғтә һумәнист идәјәләрәл зәһкиләшдирмишдир. Нәзімә «Хәмсә»снәннән мөшһүр, дәрјән мизмүнә мәлик сүҗәтләри, һәм тәһрифидән сәвәлиә сәһминән образларнән рәссамларнән јарәдчыл тәхәјҗүлүнә бөјүк тәсвир кәстәрмиш, чәхлү иҗәсәвәт әсәрнәннән мейдәнә кәлмәснән сәбәб олуһдуһр.

Нәзімә мөтивләриннән рәссамлар вә хәлг сәһнәткарларнән арасында кәшиш шәһрәт тәһмәснән елә ондән кәрмәк олар ки, «Хәмсә» бәшә чәтдирмәләндән сәврә, онун сүҗәтләри вә образларнән чәх тез бир замәндә тәҗәбә миннәтүр рәссамлығдә дејилә, һәм дә тәсвирә вә декоратив-тәтбиги иҗәсәвәтинән мұхтәһәф нәвәләриндә өз әһәмјә тәһмәшдир. Гәһмәтлән декоратив-тәтбиги иҗәсәвәт ошјәләриндә вә бәдиә сәвәт нүмүнәләриндә, бәдиә кәрәмикә вә мөтәл мөмүләтләриндә, сәрәјләрин иҗмәшләпнән Нәзімә «Хәмсә»снәннән мөвзүсүндә сүҗәтлән композисијәләрнәннән тәсвирә бөјүк јәр тәтүрдү.

Мәрағәл бұрасыдыр ки, Нәзімә «Хәмсә»снәннән сурәтләр вә мөтивләр тәҗәбә шәирнән вәтәни, ортә әсәрләр Әзәрбәјҗән иҗәсәвәтиндә дејилә, һәм дә онун нүдүдләриндән чәх-чәх кәһәрдә, Јәхын вә Ортә Шәртин бир чәх өлкәснәндә кәшиш јәһымлән шәһрәт гәзәнмишдә.

Нәзімә «Хәмсә»снәннән мөтивләри әсәснәндә илгә әсәрләрнән вәрәдә, вә вәхт вә иҗәсәвәтинән һәмси формасындә јарәдчыл мәсә суалынә иҗдә чәвәб вәрмәк гәјр-мүкүндүр. Бәлә фәрз етмәк олар ки, Нәзімә поемалярнәннән әлжәмәләриннән илүстрәсијәләр чәкәмишә бу поемалярнән мейдәнә кәдјә илгә вәхтдән бәшләнмәр. Гәјд етмәклик ки, Јәхын замәнләрдәкә Пәрис иҗмәли китәбханасындә сәхәлән 1360-чы илән әлжәмәсә Нәзімнәннән ән гәдмә әлжәмәсә һесәб олуһурдү. 1410-чу илдә Искәндәр Султән үчүн һәзирләнмиш «Антология»нәннән илүстрәсијәләрнән һәмси әсәрләрә чәкәмиш илгә миннәтүрләр сәјмәрды. һәзирдә мәлүм олуһдүр ки, Тейһән унивәрситәти китәбханасындә сәхәлән 1318-чи ил тарихи әлжәмә «Хәмсә»нән ән гәдмә әлжәмәсәдыр. XIV әсрнән 60-чы иләриндә һәмси әлжәмәснән чәкәлән миннәтүрләр илгә илгә илүстрәсијәләрәндир. Бу илгәлә бәлә, «бөјүк Әзәрбәјҗән шәириннән илүстрәсијә чәкәмиш дәннә гәдмә әлжәмәләриннән» илгәк едәләнәс еһтмәләм ² һәғһиңдә Б. П. Деннәкнән фикри һәлә дә гүвәдә гаһыр.

Дәрдүдән дә, XIV әсрнән 60-чы иләриндәкә Нәзімә «Хәмсә»снәннән әлжәмәләринә илүстрәсијәләр чәкәмишәснән илгәмәт чәтвәдир. Көрүнүр, бәлә әлжәмәләри олуһдуһр, ләкин онлар бизм дөрүмүзә гәдәр кәлиб чәхә биләнмишдир. 1210-чу илдә устә Шәмсәддин Хәсәннән тәһрифидән илгәлиән кәрәмик бәшгәб Нәзімә «Хәмсә»снәннән поэтик сүҗәтләринән иҗәсәвәтдә бәдиә иҗәдәснәннән дөрүмүзә гәдәр кәлиб чәхмәш ән гәдмә нүмүнәләриндән биридир. Нәхшләрәл бәзәдәлимиш бәшгәбдә «Хәсрә вә Шәриһ» поемасындә ән чәх јәһмәлән вә сәврәләр тез-тез тәсвир едәлән эпизод — Хәсрәвүн чинән Шәриһнән кәрмәси эпизоду тәсвир олуһмушдир.

Түрмәнвистән ССР-дә Хәуз-хәндән тәһмәшмиш, XIII әсрнән әвәләринә илгә сәхсә күзә Нәзімә «Хәмсә»снәннән сүҗәтләринән декоратив-тәтбиги иҗәсәвәтдә

Әзәрбәјҗән ССР-дә Нәзімә
Кәһмәлән дәннә Әзәрбәјҗән
Әдәбиәти Мәдәснән

(Нәзімә поемә)

Мүһәр әзәрбәјҗән сәвәтинән
тәһриһүр нән Нәзімә
Кәһмәлән ӘН
Әзәрбәјҗән сәвәти ССР
(нәзімә поемә)

The Azerbaijan SSR Academy of
Sciences (The Nasimi Museum)

Б. П. Деннәк XV—XVII әср-
ләрдән Әзәрбәјҗән вә Шәриһ
иҗәсәвәтиндә Нәзімә Кәһмәлән
сүҗәтләринән «Нәзімә миннәт-
үр» IV Бәһрә, 1948, сәб. 72.

акс етдирилмасина даба бир гадим нумуна hesab едилар. Оуну узаринда Бисутун дагыны Јаран афсананы габрман Форфадин атын истурканда Јахылдан Ширини хилас етмеси енизоду верилмишдир. Ширини атын биринде чунинча алыб апаран Форфадин тосвир едан бу сюжет соварлар миннатур россамлыгда эн чох истифадо олунан эн энован мовузга чевирилмишдир. Мегаля муаллифинин фикричюна, Хауз-хавдан тапавымиз куза «эн кечен XIII эсрин биринчи ийрими илани акдир».¹

«Хосров ва Ширин» поемасынын 1181-чи илдо тамамландыгыны, оуну сукетларини неэ артыг 1210-1220-чи иллордо керачим ма мулат узаринда тосвир едилдигини назоро аласг, бела бир нотичога калмак олар ки, бу поема чени 20-30 ил орзиндо такча шаирин автонинда дејил, оуну буюдуларындан чох-чох узаларда, токча шаирлар ва шеир хаваскарлары арасинда дејил, нам да россамлар ва декоратив-татбиги ичмасонот усталары арасинда бојук шифрат газавымиздир. Анкор форфадин, «Хамса»-даки сюжет ва образларын шаклиди китаб шаклинда тосвир едилмадан, декоратив ичмасонот ошјаалар узаринда тосвир олунмасына да инамгаг чотиндир. Бела форэ этмэк олар ки, Низами «Хамса»-сини олжамааларына илустрасијалар хамин эсэр тамамланан кими ва гејд олунан керачим ошјаалар узаринда нахшлардан эвал чакимеја башланымиздир. Ола билсин ки, бу олжамаалариндан бирини чакимин илустрасијалар Хауз-хавдан тапавымиз куза ва Шамсадин тарафиндан шилемини бошга узариндаки тосвирлар учун прототип ролуну олнамиздир.

Догруду, «Хамса»-даки сукетлар ва образлар XVI-XVII эсарларин декоратив-татбиги ичмасонотинда до кениш јайлмышдыр: инак ва махмер парча узаринда тез-тез «Мачнун сајрада», «Ајдан даванин устунда Мачнуну Јанмы кејдир», «Ајдан ва Мачнун бејанлар аргасында», «Хосров чимен Ширин керур» ва с. сукетлар тосвир олунурду. Бу чур фигура парчалар арасинда I Шаб Аббасын сарја устасы, јоздан нахшшбонд Низами эсарларын сон дороча кезек декоратив ичрасына керо, мисалсин бадин сарват hesab олунур.

Бунулва бела, Низами «Хамса»-синин сукет ва образлары оз пардаг ва кениш ифадесини китаб илустрасијаларинда — Јахын ва Орта Шаргин миннатур россамлыгинда тапмышдыр.

Классик Шарг поезијасында эн чох назиро Низами поемааларына јазмадыгы кими, китаб сонетинда до илустрасијалар олжамааларын эксоријоти Низаминин «Хамса»-сина авддир.

Шаргда Низами поемааларына јазман назирлар сонеткарлагь синиагы hesab олундугу кими, «Хамса»-даки сукетлар эн јакшы миннатурлар чакимиси да россамлар, россамлагь мактоблары учун четин, анкор шорфан вазифо сайламырам. Мишвур Јахын Шарг миннатур мактоблары, бабела ва мактобларин ајры-ајры тапымини, исте дадалы сонеткарлары шарг адабијатинин ики эн бојук абидасино: Фирдоусини «Шаһнаме»-сина ва Низаминин «Хамса»-сина илустрасијалар чакимиси сајансино бир нов јаршы кириндилар.

Мујтејид едилмишдир ки, чакимини илустрасијаларын сајана керо, Низами поемааларын олжамаалары Фирдоусинин «Шаһнаме»-синден сонра икнини Јери тутур. Демак олар ки, дујянин бутун бојук музејлоринда, китабханаларинда ва шахси коллексијаларинда — Лондонда, Парисда, Нју-Јоркда ва Вашингтонда, Истамбу ва Тебранда, Габиродо ва башга шаһарларда Низами «Хамса»-сина XIV—XVII эсарларда Јахын ва Орта Шарг олжааларын мухталиф миннатур россамлагь мактоблары тарафиндан чакимини илустрасијалар гејди олжамасы сахланывлар. Буларын арасында Тэбриз, Шираз, Иерат, Машаад, Исфahan, Бухара ва башга миннатур россамлагь мактобларинин исте дадалы, керкамлы россамлары, илгашларын ва башга сонеткарлары тарафиндан ичра едилмиш китаб совоти ичинилари до вардыр.

Бозаланк 1317—1318-чи илларин олжамааларына XIV эсрин 60—70-чи илларинда чакимини илустрасијалар [Тевран университетинин китабханасы] Низами «Хамса»-сина чакимини эн ерким миннатурлар hesab едилар.

ССРИ-нин коллексијаларинда, асас етгинларда Ленинграддаки М. Ј. Саатков-Шедрин адмова кутланы китабханади Низами поемааларын илустрасијалар гејди олжамасы вардыр.

Гејд етмејидијик ки, ССРИ-нин олжамаалары коллексијасында Низами поемааларына чакимини эн ерким миннатурлар баъды сахланывлар. «Искадарнама»-сини 1418-чи ил тарихан олжамасы Низами адмова адабијат музејинин коллексијаларына дахилдыр.

Низами поемааларын илустрасијалар тарихини ајрасинда «Хамса»-сини 38 миннатурлар боздалмиш 1431-чи ил тарихан олжамасы [Ленинград, Довлат Ериштајлы], 56 миннатурлар олан 1490-чи ил тарихан олжамасы [Москва, Шари Халгалары Ичмасоноти Довлат Музеј], миннатурлар шаргин керкамлы россамлары К. Беһзад ва Гасым Эли тарафиндан ичра едилмиш 1494-1495-чи ил тарихан олжамасы [Лондон, Британија музеј], Бухара мактоблани 1648-чи ил тарихан олжамасы [КАК, Дорн 66] ва бозин башга олжамаалары бадин чабатдан даба дојорин ва маргады олжамаалары hesab едилар.

«Хосров ва Ширин» поемасынын XV эсрин эвалларина анд олжамасы [Вашингтон, Фрир галерејасы], «Хамса»-сини 1539—1543-чх иллари анд машвур нусхеи [Лондон, Британија музеј], миннатурлар XV эсрин сону, XVI эсрин эвалларинда Тэбриз миннатур россамлагь мактобланин нумажилдари тарафиндан ичра едилмиш. «Хамса»-сини 1481-чи ил анд ол жадур ва машвур олмајин, лажик надир олжамасы [Истамбул, Топтавы музеј] кими китаб совоти нумуналарын сон дороча маргады бадин тарихи сарват hesab олунур.

Шарг халгаларын миннатур россамлагь тарихинда шар бир мактаб китаб сонетиндо оз дојручугу россамлагь сајансидаки нахшларини даба парлагь шаклда акс етдиран 2—3 шаб эсари јаратгымиздир. Бир чох тадгитативчын фикричюна, «Хамса»-сини хуеуси оларга Таънисиб шаб учун назирламыш 1539—1543-чх иллар тарихан олжамасы эн јакшы олжамааларын бирини, она чакимини миннатурлар неэ шарг россамлагьнын эн камил эсарлариндан сайламыр. Догрудан да, сон дороча дојабдан тартибаты ила фэргланан бу надир олжамасынын миннатурларин «такча Тэбриз мактобланин эн јуксак илгишав марбодасини дејил, нам до XVI эсрадо бутун Азэрбајчан ва шарг россамлагьнын эн керкамлы абидасино»².

Низами поемааларына чакимини миннатурларин «индекссини инак дафа јаратмыш олан А. Додуходжеванин hesabамаларына керо дади шаирин совет ва харици коллексијалардаки поемааларын олжамааларына 2057 миннатур чакиминишдир .

Гејд етмэк лажымдыр ки, сон дороча јатчмак, кичик олам бу раган јалым му-олифлар эн олам олжамааларына анддир. Такча Истамбулдаки Топтавы музејиндо Низаминин поемааларын 1600-дан чох миннатур чакимини 67 олжамасы сахланывдыгыны, инаш едилмиш каталогларда харици коллексијалардаки олжамаалары нахмысын гејд олунмадыгынын назоро аласг, Додуходжеванин кесторини раган бир неча дафа артыра да биларик.

Миннатур россамлагьди Низами поемааларындаки образларын ва сукетларин бела шифрат газавымини, кениш јайлмышын «сирри» эвалдир! Шубунасыз, бу, токча намин эсарларин бутун Шарг аламы учун мувертот бунимист илжааларга долу олмасинда, оларда орта эсарлар Ширинин табъатлы илжааларыны, истемгер олунан халкын арту ва истекларинин оз парлагь ифадесини тапымасында, оларын аилмагы ва милобати тэроничу етмесида, буларда зуам, ичтимди эдалатгилеји гаршы етираз садаларынин сајанмасында дејил. Низами «Хамса»-синин сукетларын она керо севимини, она керо такрарланымиздир ки, дади шаирин эсарларинин метафораларда долу дили, поетик ифодо воститларинин зинкилди, бадин форманы бонгилеји россамлар мувајиф шивирдан, образлы ифодо ваститси, декоратив дилиги форма тапмагда комаж етмишдир. «Хамса»-даки мотивлар бир до она керо севимини, буларона она керо дафаларда илустрасијалар чакиминишдир ки, буларын сон дороча хојатин, намыја догма, реал ва тосвир олмушдур. Демекли, адаби сукетларин бадин шарин о гадар четимли тэротмишдир, она керо ки, шаирин тосвир етдији шар бир енизодан намын маозирсини токча пешкаж россам дејил, он адм охучу бела хојалында асанымла чамилдари билимиздир.

Илустрасијачи россамын јарадчымы иши бир до она керо јункулашларин ки, шаир эсарлариндо етраф мујиттин керчик, реалист олжамаларын тосвир едилди. О, ош, дојун савиларинин, тикбогон курушмаларын, адаби-наусири моламаларинин, зијафатарин, мухталиф мазмулу мишдет савилоринин ва с. догит тосвирини зер-

Б. Н. Денкеш. XV—XVII эсарлар Азербайжан ва Шедри ичмасонотинда Низами Килиди сукетларин «Низами шеърини», IV, Баъды, 1987, с. 101.

А. Н. Додуходжеван. Орта эсри Иран миннатур россамлагьнын адаби сукетларин ифадеси (Авторферези А., 1976, с. 64).

А. Н. Денкеш. XII—XIII эсарларин ичмасонотинда Низами Килиди сукетларин «Низами шеърини», IV, Баъды, 1987, с. 101.

мин, буларни чапм мнзрасини Јаратмишир. Низаминин поемалари россамлар гаршисинда јашадылары мувир чаминга хејан дорочадо угуи олан кениш бајат ва мншат панорамы ачырды. Буна коре до, адаби сужети тасвир едорик, рссам ејин заманда, мхссус оладуу дорвун ва чамингајатин керчоклијини акс етдиримин оладуру. Миниатурларин заманидан ва Јарадылама моканидан асылы оларат, ејин адаби сужетларини трактовакисини да чох вакт дојинмеси мхъз буниула изаи едмаландыр.

Ејди етмок лязымдыр ки, Низаминин ајры-ајры поемалярини бззи сужетларин рссамларини асрларинини текчо мазмууну ва идеја истигамтини муајри-лашдириминин, бадин форманын икинчишарна ва то'сирини кестирмишир. Эјанилик учун бир нечо мисал кесторк. Баграм шаһын афсанови тасвирини — Хаврирот гасрини тасвир едорик, Низам овуи диварларымы бозајин нефис, козла шакълалардин, нахшлардан дашшыр. Диварларла шакла, шаһын, овуи јакын адамларынни габраманлыгларынни абдалашдырмак, онларла шћротлашдырмак учун чокланрды. Масалан, рссамларла Баграмын он вакты бир охла нам журу, нам до ону овланн ширн едурмесини абдалашдырмак эир едмалашды:

Хаврирот ичинда чокиси диварда,
Шир дашлар куру, кут гасм диварда,
Чокиси шак ок стар кут ила шире,
Кенб ок овлари шиллер јери!

Башга бир мисал. Оталардан биринин диварларында једди козолан шакъл чокламашды.

Бир поемада уст чокнидан устад,
Једди шук козолан, једди шоризда,
Ортада чаклаш севим бир чан,
Кизиллар рбидыр, иклер о чавин,
Дурал ичинамдыр козла кезери,
Мушки хаттан алыш, зият гезери!

Корундуу кичи, бу адаби сужетларин бадин шарни гатијан четлилик тортмир. Бу сужетлар ваики онларла чакламин миниатурларин мазмууну муајрин едир, нам до композисија сечнокда ва образлары вернокда рссамла конкрет кюкк кесторир.

Миниатурларин Јарадыламасы заманидан ва моканидан, нам до рссамин фари ситкармагындан асылы оларат, кениш јайланыш бу сужетларини ифада тортн гисман дојинше до, овларын учуин композисија схемн о'т'овани олмушдур.

«Баграмин бир охла асылы ва куру едурмесин» сужети Низамн «Хамса»синин 1539—1543-чу илалар анд машур Лондон мхсасинда, XVI асрин коркомаи Азербайчан рссамы Султан Махаммадин ишнда даба парлат оксини тапмышир. Эсэр ифада тарзинин лакониклијини, композисијанын сон дорочо саделијини ва монументаллыгы, Баграм шаһын фигурунун ифадалаијини ила фэргаланр.

Баграм-Курун једди козолан шакла чокламин отага кюамосини тасвир едир икинчи сужет 1410-чу ил «Антология»синин елжамасында, намолум Шираз ситкармынн миниатурунда даба каниа формада вераминшир.

Асанамга рссамамы асрларини чеврида билан, рссамла миниатурун накык сужетини, нам до тасвир формасын керо билан адаби эпизодлары Низаминин башга поемаляринда да тапыа олар.

«Хамса»даки поемаларын хамисина нисби суретдо, аз ва ја чох илустрасија чокламышдыр. Тебидир ки, һамин поемалар ичарисинда он аз илустрасија чокламин «Сирлар хазинаси»дир. Эсас магалатларини фалсафи-дидактик мазмууну, онларн мураккаблијини ва шаринин мучеррадијини мувафиг тасвирини форма танмада рссамны Јаратдычы икналарынни мохдулашдырмишир. Лакин, молумдур ки, ијрини соботиин һар бири онун идеја мазмуунуну поетик шаклда ифада едан наивитал тамаландыр. Конкрет поетик формада ифада олунмуш мхъз бу ифратл наивитал шарин идејалярини реал шарин образларда тохассуи етдирмакда рссамларла иккан веришир. Бу идејалар исэ барабарлик ва адалат таблн етдијини

но, јохсуларни йугутуу горумага, залым феодалм тун етмомеја чыгардыгына керо до «Низаминин поемасы она тез бир заманда буюк шћрот тапандырдыла, бутун алчаддымашларла ва ташыр олунмушларла ону сединромк иди»¹. Каскин ифаедичи мазмууну ила фэргаланн «Султан Санчар ва гарин» «Фунуриран ва икн бајгущун соботи»на, «Зуамкар шаһ ва дуд дашинин гочин»а, «Икн мушдыр алыини бабсинно ва башга магалат-ношћотларла илустрасија чокламасын мхъз бунила элагеландирмак лязымдыр.

Һамин эпизодларын тасвирн кесторир ки, Низаминин табигчы гуманист идејалары рссамлар учун догма, энзз иди. Фарз етмак олар ки, чохдан отмуш асрларин бу чур ифаедичи адаби мавзуларынн шилмакка, рссамлар до һакимларини хагла, раијитла ештијатлы олмага чыгармак истеминшлар.

Панорама музеевди Низамини Кошманн ашды

Баш Низамини Кошманн ва Музей ичинин Низамини

The Nizami Museum (Hall in the Nizami Museum)

догдулар, миниатур рссамларынн образлы ифада тарзинин мхъду шћртн-декоративн икналарн рссамла адаби мотиин ифаедичи пифосуи тасвир етмак икканы веринди, лакин о азин иди ки, охучуја јакшы молум олан сужетлар һокман онун тохейлууну ојаднаг, она шарини чосаратан чыгармышларынн хатырла-дачакдыр.

Бу сужетлар о гадар до чох шиланмешидир. Корунур, рссамлар сифаршин чи феодалм гозбондирирмакди чокиминшлар. XV асрин аввалларинда ширалы рссам торофинди, 1545-чи илдо бухарали ситкар Маммул Музоббид торофинди [Парис, милан китабхана] ва коркомаи Тебриз рссамы Султан Махаммад торофинди «Сирлар хазинаси» ајажамасына чоклаи миниатур «Султан Санчар ва гарин» мавзусында маратм миниатурлардан һесаб олунур. «Хамса»синин 1539—1543-чу илалар анд машур Лондон елжамасы учун Султан Махаммадин чокимш оладуу миниатурлар јуксак бадин ифадалаијини ила фэргаланр. Сон дорача саделијини ва архаиклијини ила фэргаланн биринчи миниатура, чохфигура до савбисин тасвир едди Музоббидини асрин ила мугајисадо Султан Махаммадин иши миниатур рссамламыда һамин сужетини акс етдирмамешини классик нумувадыр.

Низаминин икинчи асри — «Хосров ва Ширин» поемасына «Сирлар хазинаси»на нисботин даба чох илустрасија чокламышдыр. Сасивлар салгансы ва хаат равајатларн асасында јазылмыш, идеја мазмууну керо тамамла олоржинла олан бу поема миниатур рссамларны јени демократик ва гуманист идејаларла, орижинал образларла, романтик мохаббат сужетларини ила ээикнлашдырмишир.

J. E. Bergs, Низамини 1956, сиб. 100

¹ Низамини Једди козолан ББКМ, А. шорини, 1941, сиб. 51

² Елн орда, сиб. 56

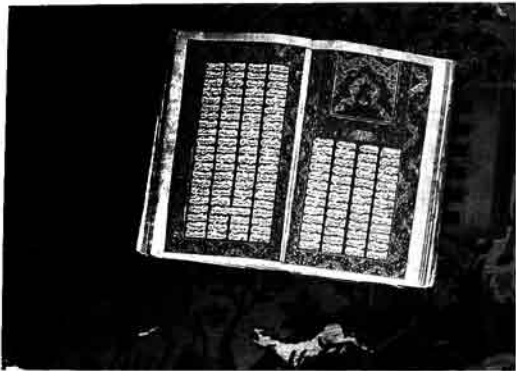
Дотрудуур, бə'из суратлар, о чўмладан поеманын баш гйбраманналарынын суратлары ои'ошви иди. Оилар натгында шифади хаал ровајотлари мовчуд чим, бə'ијук Фирдоуси өзүнүн өмэкс «Шайхнама» епосунда аз да олас, онлардан динишишимшди, оналарын образларына тасвири ва декоратив-тəбитини иччосинот абјадолариндо, надир Һалларда олас да, раст коламек олуруду.

Дакки бə'ијук Низами бу ровајот натгында деймандоларини һеч бирини тəкрар етмə'орəк, тамамлаа јени бир поема — һэр шəјə галиб калди мəшаббат поемасы јаратди. Ј. Е. Бергеласи дејдијини кəра, шəрј поезијасынын бу иччиси тəкчə Азəрбайҗан адабијатынын деймал, дүрјə адабијатынын эи бə'ијук шедеврлариндан биридир'. Иисави шəхсијəти өз характерини бəтүн эјддијəтијан чəбəтлэри ила реал, аз чəкчəбəтлэ шəкјлдо мəйз бу поемада нал дүфə кəстарилишидир. Буна кəрə да,

И. Е. Бергеласи «Кавказский
эпос» сүрəти мустəларинди

Старинная рукопись «Хамса»
Низами Гянджеви.

Ancient Manuscript of «Khamsa»
by Nizami Ganjvi.

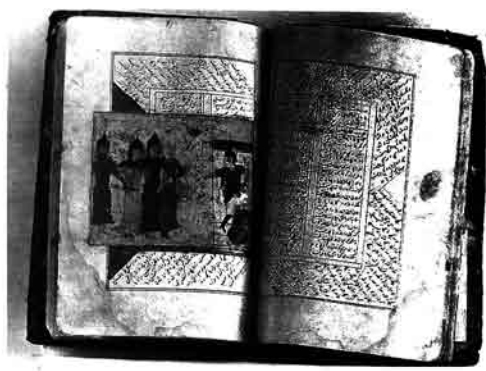
даһи шаһри тəрəшүмү етдији сүјет ва образлар тез бир заманда рəссамлар үчүн сөвилм мөвзүја ва гйбраманналар чєрилади. Поеманын эсас гйбраманналары Хəсров, Ширини ва Фəрһадда алағадар сүјетлар хуусиснаа тєз-тєз тəкрар олуиуруду. Низами «Хамсəсəсини илаустрасијааи алајзамналарыни нал дафə дахлаи едвимиши «Хəсровуи чимəл Ширини кəрмэси», «Ширини сүд арҗаны, Фəрһадни јанываи кəлэмэси» «Фəрһад Бисутун дагында», «Фəрһадни Ширини хилас етмэси» ва башга сүјетларə оларди да сонрадан эи'ошви сүјетларə чєрилмишидир.

Низами «Хамсəсəсини эи мəшүр сүјетларинди бири — «Хəсровуи чимəл Ширини кəрмэси» сүјетини трактəвкэси буна пəрəг мисал ола билар. Мүхтəлиф дəврларини ва мəктəбларин рəссамлары бу мəшүр сүјети мүхтəлиф чүр шəрј етмəја, ола јени-јени тасвири нэзирлэди чəкмəја чалмишидилар. Буниула бəлə, бə'из Фəрһад фəрғлар ва сүјетини јарадымч сурəтдə јенидэн иллэимсина бахмјарат, XV—XVI асрларда Тəбрик, Ширэз ва Иерит рəссамлары тəрəфинди јарадымч миниятурларини аксəрјəтинин бəдди шəрһиндо, үмүми композисија схеминдо ва сүјетини образды ичрəсиндо мүйјөн эи'ошвилик мүшавидə едилар.

«Хəсров ва Ширини» эи еркөн 1410—1420-чи илэр алајзамэсинда һэмни сүјетини трактəвкэсиндэн бəшлэмэси (Фрир галерејасы) дэмəк олар ки, бəтүн миниятурларда абваат мүхтəлиф тəрздə тəсвир олуиунуш мəнзəрə фонунда чəрəјан едилар. Гəјалды, јахуд да алачғ сыра дағлар, уча чинларлар, һэмини јаншыа, гамотал сєрə ағачлары ва чичəк ачан ағачлар, ал-эванн коллар, кумушү арҗ, доланбач чəј-

лар — бəтүн буналар фусуиҗар бир мəнзəрə јаредилар, бу мəнзəрə фонунда: ашагыда чимəл, јарымчылап Ширини ва онун аты, јухарыда нсə он'ошви жєстлə, һəрəкəтлə — шавəдот барығатыни дийлэмəклə Ширини кəлэмэлијивə һєјрəн оладуғуну ифадə еди ва үстүндə отуриуну Хəсров тəсвир едимишидир.

Дэмəк олар ки, бу мөвзүја һəср олуиунуш бəтүн миниятурларда композисија схемини эсасы сабит галыр. Јалмыз мəнзəрəнини деталлары, элементляри, фигурларын тəсвири, риньялар ва с. дəјшлр, һэмни сүјет өз клавеси тəччəсүмүгү «Хамсəсəсини иадир 1530—1543-чү илэр алајзамэсини Азəрбайҗанлы кəрмэми рəссам Султан Мəһоммэдин чакини оладу мəшүр миниятурда ташымыдилар. [Домоин, Британия музеји]. Зəрифалијивə, образды, декоратив ифадə тəрзэва кəрə, бу миниятур шəрј рəссамлығынни иччəлариндэн бири һесаб едилар.

Низами Гянджи «Хамсəсəсини
эдиш лəрзэи мустəларинди

Старинная рукопись «Хамса»
Низами Гянджеви.

Ancient Manuscript of «Khamsa»
by Nizami Ganjvi.

Гəјд етмəк азымыдилар ки, дикəр адаби сүјетларини шəрһиндо оладуғи ким, бу сүјетини да тəсвириндо, аз да олас, бə'ијук сərbəстлэклəрə јəв вєрилимшидир. Мəсəlэн, Азəрбайҗан ССР Елмлар Академијасы Республика алајзамнары фонунда Низами «Хамсəсəсини 1936-чы ил тарихил алајзамында [М-207] вама'ум рəссам бу сүјетə илаустрасија чакьрди Хəсровуи шəкјлини вєрмэдэн, јалмыз чимəл Ширини тəсвир етмəклə кифəјəтлэрин.

Эбəттə, миниятур рəссамыда Хəсров сурəти ила алағадар сүјетларини һамысы јени, орижинал оламмишидир. Бə'из сүјетлар эи'ошви, кєниш јайламыш олдмэс да, онларини прототиплары олуиуруду. Шүбһэси, бу чүр сүјетларə чакьлэн илаустрасијаалар башга адаби эсəрларини ејни сүјетларини тəсвир ва композисија схемини принсипини бу ва јə дикəр дəрəчəдə тəкрар етмишидир. Мəсəlэн, «Хəсров Ширини» гəсри јанында» мөвзусинда бəтүн миниятурлар, сүјетини тəсвиринə кəра Низамини адаби минауиуиуи мүшавидə едилар.

Поемадан билирик ки, Хəсров Ширини гəсри јанында хəјан дəјаныб ону ичəри бурэхмэсини хайиш едилр. Өзү да бу, гыш фəслиндə, ахшамусту, тар јаған заман баш вєрир. Миниятурларда нсə айналат, бир гəјдə оларат, бəварда, кунюшыл бир хундо, кəзəл мəнзəрə фонунда тəсвир едилар. Башга сəбəблар да дахла олмағл, бизə елə кəлир ки, буиун эсас сəбəб олуи ки, рəссамлар һэмни сүјети тəсвир едиркөн коруиур, прототип ким, Кермэнини 1936-чы ил тарихил мəшүр алајзам-

Ј. Е. Бергеласи Низами, М.,
1966, с. 124

дана Мусоёда Султанининг эъқиди «буна!» Бумаюни тасри [онинда] миннатурудан килсифда тилишилэр.

Тасвир ички ахлоқ Низомий поэмалари васитасида кэлмиш, он эшон олмаган сўзларни алоҳида ўзгучу таърифини — эрфоний Фариҳдин рашадоти ила баъзи шиърлардан мустақил алоҳидаги маъналар. Шарҳ поетиясида илк дофа Низомий дўшман ила даъим эъдишмиш ва миннатур россамалыа бурдадан кэлмиш Фариҳдин сурути фариҳда қомилжигида кейфийотча йети инсан суратлар. О, эмэки халяги мушаррафоджидир. Овуни характерийотча буюн чоботлар биза йети тилан йети довр адабияти иштиоб довринуи адабияти катырладыр. О, хартирофан иккишар етими инсан, буюк, исте дадам сөнотлардыр — о, махир дашнона ва йекалотаршадыр, амд, намусл, ноҳай, часаротга ва гуваити инсандыр. Рассамлар эрфоний дашнона-стир таърифан эъдишме, йекалотаршан сөнотларини фоаийотча, содабай аштинги фариҳда одамунга йекар эъдишмиш йекарларинда Фариҳдин сурутиний моъи бу чур тасвир едилер.

Мустақил мактабларини россамалари ижед-естетик чабатдан саръас-хесаби-стир мизларда қомул, тоқрасиқ иллустрасија ва мустақил миннатурлар йаратмишлар. Алакин бир шей шубҳосидыр. Фариҳдин сурути, овуни фоаийотга ила алағадар сўзлар тарҳми тарафидан сөнотча ва тез-тез тоқар едилан эдоби ноузулардандыр.

Бу заман чоҳ марғам ва дитоталайт бир факты геъд етмак зурюдир. Бело эдоби шиърларини ва буварыла алағадар иконографик ва композицияги схемаларини тасвир о гадар кучул, о гадар сабит омушдур ки, буварлар Хосров Даблаванни ва Элишир Навоинини ерчи мовида суклетларини тасвир едди бир чоҳ миннатурларни композициясында ва ифода тартибда назоро чарпан из гошумдур. Бувуни сабоини бир да овунила илал етмак эълэмидир ки, сада, эмэки хаг ичарисиндан чыхмиш Низомийини Фариҳдин сурути сада россамалари буюк шаир Даблаван ва Новаин ардхамчалларини тасвир етдиларки Чин шаһзадас сурутиндан даба доғма, даба даъим омушдур.

«Хосров ва Ширин» мюкзусида айры-айры миннатурлар узоринда дейнамадан геъд едик ки, буварыни он еркан шумуларни 1410—1420-чи иллорда Тэбриз ва йекар мактабларини россамалари тарафидан йардамламилар. XV эсрин аввалонда чыкмиш миннатурлар сырсында «Хосров ва Ширин»ни XV эсрин аввалонда анд, ила дофа исте дадам сөнотшунас Агаогу тарафидан¹ ва 1510-чу ил «Антология»сында дэрч едилмиш айрыча эълэмасида чыкмиш иллустрасиялар [онлар чоҳ 5-дир] хусусида гийметлардыр. XVI эсрин миннатурлар арасында Топгам мюзеини дин «Хамса»ни 1581-чи ил анд иллустрасиялары, XVI эсрин орталарында нама-лум тэбризлы сөнотларни чықарди «Ширини Бисутун дагыча, Фариҳдин йанчи каломсы» суклетли миннатур² ва «Хамса»ни 1539—1543-чу иллоро анд Лондон мюзосияни иллустрасиялары буюк марат доғур.

Низомийни овуни буюк поэмасы олан «Лејай ва Мочуну» дунја одбийа-тыниши он кезеде ичлариндан йекаб едилар, часаротла демок олар ки, бу эсон Јазын ва Орта Шарҳ хагаларыны одбийот ва ичсонотиныи иккишарини эвэлэки поэмалары ичсонот билваксита даба буюк ва кучул тасвир кестрмишдир.

Мо'лумдур ки, мюкзу — Лејай ва Мочунун фариҳда тарихи эвэлэчэ шаири чабл етмишдир, чунки о, поема]а реал, чалыи нојат рајисно катирмоја, сарай мючасарыни, шаънафотларны, он совабарларни тасвир етмоја, доғма тобютигич — чыккал багаларни, кэ] чыккалларны ва с. кезаларны тэршунум етмоја имкан йеридыр.

Бу дэстада во бат, во учалыи бат,
Но чалыи, во шороб, во тошботлак вар,
Гумсала, дашмагы калам кедорик!³

Бува бахыларар, даба шаир Эробистан чедларини гуму кими бу гуру мову асысында Он Шарҳда овуни бутун эсорлариндан даба мюшур олан давијана, со-комни бир поема йаратылмадыр.

«Лејай ва Мочуну» йардамлы эдоби ноузларини саръим дэгит кесторик чыкки одаду кымы, бу поэманыи сукжет ва сурутарларини тасвирини йекар едилмиш

миннатурларни ва декоратив табиғий ичсонотики мустақил иновларини да миз-дарларны, тоқмиши да олас, мюшаррафларны геъри мушкулдур.

«Лејай ва Мочуну» поэмасы, баббот совабарларини саръим образлары, онларын фариҳча ите тарихчиси тез бир заманда россамалар дэрин рабобити таъинмиш, миннатур россамалыда тамамла йекар, эржавак йекар йардамламыш учун укунмоз маъна омушдур.

Экар башта поэмаларыи асар таърифанларны [Байрам Кур, Хосров, Иккин-дор, Фити ва б.] ва онларла алағадар айры-айры суклетларни тасвир мушун дэри-чоде он эшоний сони]и дашинлардыр. «Лејай ва Мочуну»ни демок олар ки, бутун сурутарларни ва суклетларни Јазын ва Орта Шарҳ хагаларыны тасвир ичсонотики моъи Низомийни поэмасы саръисинда дама омушдур.

Поэманыи, тасвир ичсоноти ила дофа Низомий «Хамса»-сини иллустрасияны наъазмасы васитасида дама омуш «Лејай ва Мочуну» миздосида суклетли-дин тутмуш баббот таърифанларини фариҳча омушудик ан кезеде суклетларни, хусуси «Мочуну» сойрада таърифи йекарларини арасында, овуни Лејай ила, оз атамла ила керушмос, «Мочуну» Лејайни чадары гарышмишда», «Лејайни назары йекар-нында» ва бир чоҳ башта адрэитчи шиърлар тез бир заманда йарайчанмы, Иран-нында ва Орта Асияныи миннатур россамалыда кичиш йекарды. Тез-тез алам Мочуну сурути миннатур россамалыда чыда, овунимахус чоботлар каб едик. Мочуну — элдан дүшмүш, таъригалары чыкмиш, ариг бедожи, узундан эълэмчиси [атак бир сурут кими тасвир олушуруу. Чоҳ вахт о, чыр-чыдыр чында, йарымчалыт акил-]еда, овуни руни вэи]итини екс етдилар, алајай сојд атакчаларыи атында, сабрада йекарлар арасында, йакуд да замчирманниш ваде тасвир едилар. Низомий «Хамса»-сини мотивлари асында йардамлыи Мочуну сурути, буюк те сир кучу-но малик образ кими, Шарҳ россамалыда даба кичиш йекармишдир.

«Едди кезеде» поэмасынии бир чоҳ миннатурларини асар с табирлаб Байрам-ини тарихчиси ила алағадар миннатурларини сукети он чоҳ овуни таърифанлыгыны, йекарлајини ва часаротини тасвир етмишдир. «Фити оид», «Байрамни эждаба ила вуршмасы», «Байрам шир овунда» ва с. асар шиърлар Низомийи гадар да тез-тез тасвир олушундур. Метал узоринда, бодий керамика йекарларини ва башта декоратив ичсонот ивалоринда бело тасвирлар ерды. Тасвир ичсонотики исо бо суклетлар дэфоалара Фариҳдинни «Шаннама» эсорини чыккал миннатурларда йерламилдыр.

Алакин миннатур россамалыи иккишарыда Низомийни бу поэмасынии обонийотга тоқма бело эшоний суклетлары иккишарында мушудилармы. Мо'лумдур ки, «Едди кезеде» ики сукет элти — Байрамни тарихчиси ва эсар алағадар олмадан бир сыра элаво новелларлар узоринда гурумушдур. Элаво новелларлар иллустрасиясында демок олар, бутун россамал, бир гадар олар, Байрамни «Едди нагын» шаһзадеси ила йедад кунбаздо вахтыны кечирмеси совабарына устулук йеридилар.

Поэмалда дейлар ки, Байрам шаб оз арваллары — йедад шаһзадэ гыз учун йедад кунбазан кезеде сарай тикдилар, бир кунбаз байгании кунуну ва овуни ила алағадар навети — улдуз мувафит раикэ маъналар, бир кунун Байрам шаб башта йанча алага бар кунбазо мувафит раикэда аибас кейинлар йедад кезедедэ бирини йан-чыи кедир. Маънада Байрам йејиб-ичиб, мусгит дивилар, сойра бар шаһзадэдэн марғам бир нагыл дауышмасыны халиш едилар.

Бутун мактабларини россамалари элаво новелларлары мурачат едилар, эдотен бу сукетин биринчи йарышыи чыкмиш, шаһзадэ гызларны таъригалары чоҳ олар йаралара дитот йетирилдилар. Бу, тасвирда дама, Рассамалар йамин сукетларини сарай йагълыгыны реал лавиларини кими гебул етимиш ва бувары дэифот, мусгит маънасы, маъаббот сөнотсы ва с. фариҳда даи мюшот сөнотки кими йеририлдыр.

Кичиш йагълыгыш бу сукети иллустрасия чыкаркан, россамалар тэдриччи мюшун сдем йардамлардыр. йамин сдем композицияны асымыи ташма едилар айры-айры россамаларны үсулбуида, мотобидон ва фариҳ табиай]итиндан асыман олар, саръисе йекабсы мустақил вариантларда йеририлдыр. Кунбозин марказонда, 2—3 кювизи ва мусгитларини атошисинда Байрам йедад кезедедэ бирини дауыш-тышыи нагыл дивилар. Заман кедакчи кунбозин гурулушу ва декоратив бозэди, нахшлары, дэјиниклар]а угрејин, канзилары ва мустақил алағадар чалыи мусгитларини саръи дэјиниш, асар таърифанларини образлары мустақил чур тасвир едилар, нојабот, колорит, ичре тарзи дэјинишдыр.

¹ «The Khan and Sheik Mansur in the Freezer Cell», «Art Islamic», vol. 1, p. 100.

² «Кунбаздо шаһзадэ атошисини», «Советский восточный архив», № 1, 1959, стр. 101. Истамбулде, Топгам мюзеинда саклан-ныр.

³ «Низомий. Лејай ва Мочуну», Москва, 1959, сар. 30.

Ади рәссамлар бу сәһнәләр чох вәхт тәкмиҗәт вә чыныгычы композиция схеминда тәсвир етдәләрди Һади, дорин дүшүпди, даһи иһтеҗадлы рәссамлар муҗ-җан едәмиһи гаҗаҗ чәрчәһиндәди чәһәрәтлә қавара чыһыр, бу схемин јазыаз аһры-аһры һиссаларин деһиҗ, оһу бүткәлчәди һинсин чәһәтәдәди дәһиҗдирди, бу әдәби сүҗетин јени үсәлүбдә тәсвир едирдәләр. XVI әсрин оһувчү иләләриндә Тәһрир рәссамлары Шейх вә Дорһин Мәһмәддә торәһиндә иҗра оһувһиһ. Топғамы муҗеһиндә сәһәнәи Низами «Хәмсә-һинин 1481-чи ил тарихил әләҗәмәһиниһ минијатурәдәи буна әһи кәтәл мисал оһи билди. Һәһин минијатурәдәдә мөһү кәһин әһспектә вериләр — шаһин әләһмәһи тәһтәһидә һәҗәт әләһәһи фонунда тәсвир едәләр, бу минијатурәләр һәһин сивиләһин тәләбәһинә вә идеолоҗияһинә уһғүн кәһидәһи әһһәмә-руһиһәдәдир.

Поәһмәһин әһһәһ, әһә хотһи — бәһи гәһрәһмәһи Бәһрәм-Куруи тарихчәһи рәссам-лары мәһмүһи чәһәтәдә һәһди мәрәҗәди сүҗет веридди. Бәһрәм-Куруи гәһрәһмәһиһә вә шүҗәһтиһә әһд чөһүл рәәд вә фәһһәһтиһәк еһһәд рәссам-лары бөһүк һәһмәд, әһрәһл мөһкәдә гәһрәһләнәл тәсвиринә мәрәһәл верир, оһлары кәтәл әһһәләр јарәт-мәҗә руһләнәдирдәди.

«Јәдди кәтәл» поәһмәһиниһ бәһә мәһләү оһән минијатурәли һәд Бәһрәм-Куруи гәһрәһмәһиһәһиндәди бәһһ едәһ «Шаһнамә» әһһәрһиниһ минијатурәһиниһ мәрәһәһиһәһи кәһтәһир ки, буһләр мөһү еттибарилә уһғүн кәһһәләр дә, мәһмүһ вә сүҗетин тәсвиринә еттибарилә, Низами әләҗәмәһиһә чөһкәлән минијатурәләр «Шаһнамә»-һиниһ минијатурәһиндәди һәһрәһчәһләмәҗ дәрәҗәдә фәһләнәһр.

Нүмунә үчүн «Бәһрәм-Куру вә Фитһи оһ замәһи» вә «Бәһрәм-Куру вә Азәдә оһ замәһи» минијатурәһини һәһрәдән кәһчәһк. һәр иһи минијатурәдә «Шаһнамә» вә «Хәмсә»дә мөһтәһлиф чүр тәрәһиһм оһуһән Сәһәһи шаһи Бәһрәмһи әһһәһән шүҗәһти тәсвир едәмиһшидир. Бу сүҗетин тәсвиринә әһһәнәһи сәһиһә дәһиһиһәр, оһа дәрәһтәһ-тәһтиһи һиҗәһһәһтәһи мөһтәһлиф һөһләһиндә — Сәһәһләрини күмүһ бәһ-гәһләһриһдә¹, кәрәһиһ мәһуәләһрәдә, үстү фигурәлү пәрчәһләрдә вә и. ә. рәһт кәһмәк оһләр.

Дәкәһрәтиһи сәһәтиһи даһи әһһәк әһһәләриндә вә «Шаһнамә»дә чөһкәмиһиһ иләү-һтрәһһәһләрдә бу мөһү Низами «Хәмсә»һиниһ минијатурәһиндәди фәһлги сүрәтдә, әһһәнәһ вә Фирәһкәһи поәһмәһинә уһғүн мөһкәдә тәсвир оһуһиһмүдәр. «Шаһнамә»-һиниһ рәссам-лары әһ чөһ Бәһрәмһи өз кәһһәһи Азәдәһини һәһрәһчәһләмәҗиһәдән гәһ-ләһмәһи мөһментәһи чәһһиһиһләр.

Бәһрәмһи бир зәрбәһкәдән рүмүлү гүһм
Сидәләҗәб бәрбәһи тәрәҗә дүһмә.
Әһһәһи о «һүлүһүһи үһһү» сүрүб
Гәһләһриһи, сәһәһиһи, дүһү тәһ-тәһә етдә².

Дәһә бәһиндә чәһән вә мусһиһ әләһтиндә чәһән Азәдә бу мөһментәдәкә һәһди һәһләрдә тәсвир оһуһиһмүдәр.

Мәһләү оһдугу кәһми, «Хәмсә»дә бу әһһәнәһи сүҗет тәһәмәһлә бәһгә чүр шәрһ едәләр. «Шаһнамә» әһһәрһидәки Бәһрәмһи гәһдәрәһиһ вә әһһәл, чәһәрәтән кәтәһли фәһһәһи тәләһи, шүһбәһиһ, һүмәһһиһи шәһрини мутәрәғиһи идеәләһри һәд сәһләһиһиһи. О һәд Бәһрәмһи әдәләһтәһһиһи һәд, һә дә сәдәҗәтән Фитһиһини оһүмү һәд рәһмәһһәһтә иһтәһиһди. Буна кәрдә Низамиһини Бәһрәмһи, тәһһиһә еттибарилә, бир гәдәр јуһшәҗ, әһһәл әдәһмдәр. Гәһләнәдәди замән Фитһиһи оһү оһдүһүр. Биләһр ки, киһи әрәдә әл гәһләһрәһ, буна кәрдә бу һиһ өз сәһрәһкиһи тәһһиһ-рәһ. Бу һәһрәһчәһләмәҗиһи кәһләмәҗ тәләһи һәд, мәһләү оһдугу кәһми, чөһ јәһһи кәһиһәр.

Әһһәнәһи сүҗетини һәди әдәби шәрһи, шүһбәһиһ, минијатур рәссамыһдә һәһи композиция схеминиһи вә һәһи оһразы һиһәнә һиһәнә мөһдәһә кәһмәһиһә сәһбә оһдү.

Гәһд етмәк ләһһәмдәр ки, Низамиһини поәһмәһиндә Бәһрәм-Куруи һәкәһ-јәтә чөһ әһһәнәһи дәһи, һәм дә тәһәмәһлә һәһи, ориҗинал еһһәдләрдә шәрһ оһу-һиһмүдәр. Рәссамлар бу поәһмә һиһәһтрәһһиһә чөһрәк әһһә дигһти әһһәнәһи мөһ-зәһәләр вәһһәләр дә, чөһ вәхт һәһи еһһәдләрдә дә мәрһәһти едирдәләр. Нәһиҗдә тәһкә китәб иләүһтрәһһиһәһиһә дәһи, тәсвиринә вә дәкәһрәтиһи-тәһтиһи һиһәһәһтиһи бәһгә һөһләһриндә дә, мәһмүһ еттибарилә, тәһәмәһлә һәһи, ориҗинал сүҗетләр мөһ-

дәһә кәдди. «Мәһрәм Симһарини фәһһәһи оһүмү» «Бәһрәм-Куру Хәһәрәһгә һәһрәдән», «Бәһрәмһи бир оһлә шәһри вә куру вәһрәһиһә», «Бәһрәм шәһ вә чөһән», «Өкүзү гәһ-дәһрән Фитһи» мөһзүү вә бәһгә сүҗетләр хүһһәһлә кәһһи һәһмәһи. XV—XVII әһһәләрини һиһијатур рәссамыһиһәдә бу мөһзүүлә чөһлү әһһә јәрәдәһиһиһәр. Мөһтәһлиф мөһкәләһрини рәссамыһиһә уһғүн композиция схемини сәһләҗәб, һәһи сүҗетләһрини тәрәһтәһкәһиһиһи дәһиһәкәд чөһ вәхт бөһүк муһәфәһәһиһә гәһ-һәһрәдәләр. Оһлар фәһмә вә бәһди һиһәд еттибарилә, иҗра тарихини һиһәһиһи һәд фәһләнән һәһди әһһәләр јәрәдәһрәдәләр. «Хәмсә»һини 1339—1343-чү иләр тарихил әләҗәмәһиһән Сүләтән Мәһмәддәди «Бәһрәмһи бир оһлә шәһри вә куру оһдүрәһиһә» сүҗетини, XV әһһәди 1410-чу ил «Аһтәләҗәһиһә» һиһәһи әләҗ-мәһиһән һәмәһүм Ширәз рәссамыһиһи «Бәһрәм-Куру Хәһәрәһгә һәһрәдән» сүҗә-

тини, 1508-чи ил әләҗәмәһиһән [КӘК] «Бәһрәм-Куруи һиһи шәр әһһәһдән тәһ кәһрәһиһә» сүҗетиниһи вә с. бәлә минијатурәлә мисал кәһтәһиһә оһлар.

Низамиһини бөһүк еһһәһәһиһ «Иһкәндәрһәмә»дә мәһмүһчә әһһәнәһи вә һәһи оһән һәһди һиһдәрдә сәд дәрәҗә мөһтәһлиф мәрәҗә сүҗет вәрдыр. Шүһбәһиһ, бу тарихи романыһи иләүһтрәһһиһә әләҗәмәһиһәдә [хүһһәһлә оһуи һиһиһи чәһһиһи һиһәһиһә сәһбә оһән «Шәрәһһәмә»дә] әһһәһиһи сәһрәдәһиһи гәһрәһмәһиһәһиһә тәрәһиһм едән дөһүш мөһзүүһдә минијатурәләр әһһә јәрәдәһиһә. Гәһд етмәк ләһһәмдәр ки, Низамиһини әрәһмчә «Хәмсә»һини рәссам-лары дә даһи шәһрини идеәләһриһи һәһи-һәһиһи дүзкү һиһәләҗәҗ, Иһкәндәр шәрәһтиһи һәһи һәһи һәһи, һиһәһәләр гәһрәһмәһи кәһми тәсвир етмиһшәр. Иһкәндәрһи гәһрә дәрәһл әһһәһләрә дөһүшүһү.

¹ Әһһәһиһи «Шаһнамә» сүҗетини һиһәһиһи А. 1949, сәһ 102 А. 1949, сәһ 112.

² Бу һиһәһи шәрһи тарихиһә әһһәһиһи һиһәһиһи.

онун аждаһа ilə təkbəxtə vuruluşunu və s. təsvir edən miniaturalarda gəhrəməz bənz mələb və çür təgdim oluvar.

Исаншорвор, одалатм сөркөрдө олан Искандарин сөчмјјави чабатлори ону олан Даравин башы узтаридә тәсвир едми миниатурларда паралт ва инандырымчы сурәтдә вериләр. Кәскин драматизми илә фәрланон бу сүжәт поемаја илустрасија чәкән, дәмәк олар, бұтүн рәссамларини дигәттин чөлб әтмишдир. Оларын бәзисин бу сүжәти сон дәрәчә садә, икшифурлау композисија, бәзисин икә мурәккәб, чох-фигурлау композисија әсәсиндә шәри әтмишләр. бурәдә гәлиб Искандардән вә олан Дарәдән башга гәтнәләр вә оларны түүтү сәхләмн дөлушчүләр тәсвир олунмушлар. Бәзән сүжәт дигити кими вериләр, әсәс персонажлардән башга, һәмин сәһнәни муршәвдә едән чохл дөлушчү тәсвир едәдиләр. Бу мөвзудә чәкимиш ән јакши миниатурлардә рәссамләр образларын психологик чабатдән ифәдәдән чәхмәсиһә шәхл ола билишмиләр.

Миниатурларин бөјүк бир групу Искандарин марәғәл мәчәрәларла долу сөркүзәшәларини тәсвирини верир. Бұтүн бу сүжәт миниатур рәссамларда форма вә мөзгүмүчә јетин, орижинал әсәрларини мейдана кәлмәсиһә, дөлуш вә мәншәт жәриштин икшифурлау сабоб олунмушлар.

Гәјд әтмәк заруридир кә, Фирдовсини «Шаһнамәси» илә Низаминин «Хәмсәси»ндәки Искандәр бағтиндә рәвәјәтләр арасиндә олан бөјүк фәргләр Шәрг поеијасиһәм вә икә дәнијавә әсәрини тәсвир едән, һәттә бәзән мөзгүмүчә ејин кәлән миниатурларда да өзүнү кәстәринмишдир.

Сарај сәһнәларини — шаһын габулуғу, мөчәлисләри, сөһбәтләри вә вәсф хәрактери дашыјан башга сүжәтләри тәсвир едән чохлу миниатурда Искандәр идеал һөкмдәр, мүдрик әдәм вә шәјмбәр кими шәри олунур.

Белә илустрасијалар арасиндә Искандарин Азәрбајҗанла әләтәсиндән бәс едән сүжәтләр хуәсүн марәг доғур. Марәғәл бурасыдир кә, бу мөвзү чох кәвин јәһылмишдир, ону тәкчә Азәрбајҗан рәссамлары дөјлә, Шәрг аламини бир чох сәнәткарлары дөфәләрлә гәлмә амышлар. Мүхтәлиф дөврләрин вә мүхтәлиф мәнбәларини рәссамлары бу еписоду мүхтәлиф чүр тәсвир едирдиләр, дәнә доғрусу, онун Нушабо илә көрүшүнүн мүхтәлиф сүжәтләрини вә моментләрини икшијирдиләр. Бәзи миниатурларда сараја чәсаратла, «гәргмәз асаан» кими дахилә олан Искандарин тахтда отуруиш һәким гәддин гәршисиндә итаәткарғәлмә дәјәнәсиһә, башгаһәриндә — Нушабанин өзүнү елчи кими гәләмә вериниш Искандәрә онун шәклини кәстәрмәси [Искандарин ифәһәси] тәсвир олунмушлар. Рәссамлар он чох Нушабо шаһын ибрат мөчәлисини тәсвир әтмишләр. Искандарин ифидә етмәкдән сонра Нушабо дөбдәбәли јәлифәт верир. Шаһын гәршисинә гијмәтлән даш-ғашла долу гәлмә кәсаләр гојур. Искандәр јемак чүрә јарәмјән вә шәјларини вә үчүн сүфрәјә әүүәәәүүнү соршудғадә Нушабо чааб верир.

Дәһини кә, бәғазә јолу јох дәнә,
Фәдәси, јарәмә бәјлә даш үчүн,
Бу гәдәр күрүмкә, чәршимәк вәчкән!¹

Тез-тез тәкәр олунан бу сүжәт «Хәмсәсини Топтапы музејиндәки 1481-чи ил әлјазимәсиһәдә хуәсула бөјүк усталғамла тәсвир едәмишдир.

Марәғәл бурасыдир кә, «Искандәрнамәсини әдәби сүжәтләринин бәдин шәрһиндә мөлдән кәһәра чәхмәк балалари башга поемалардакыһә иһсәбтән дәнбә чәдур. Миниатурларда тез-тез тәкәр олунан «Искандәр вә чобаны сүжәти баш сәчмјјави күтүнә ола бвләр. Мөлтәп көрә, сәвкәлисини хистәләмәсиһәсиндән кәдәрләви Искандәр фикрини дәлғәмгә үчүн ејава чәхыр вә бурядән гәчә чобаны көрү. Искандәр ону јәһилә чағырғә ондән марәғәл бир сөркүзәшт дәмшисәсиһәни хәлиш едир. Бәзә мө'лүм олан миниатурларда мәнбә бу моментиә тәсвир едәлмәси марәг доғрусу. Падшәв чәлләри сәјр едән заман чобаны вә онун гојуларынни көрүр.

Тез әдән икәдәрә онун јәһилә,
Чағырғә чобаны вә ејавамә?²

Көрүнүр, сарај рәссамлары чобаны һөкмдәрлә јанашы, шәй тахт-ғамы илә јанашы тәсвир етмәкдән чәкимишләр. Олар бөјүк һүнамәти Низаминин аһаг-дәккә мисрәларынни биләрәкдән тәсвир етмәшдиләр:

Чобаны дәккә олун чә сарај,
Бәр гиср көрдүк әк, үчәмиш Аја,
Шәһ ону јәһилә дәккә елдән...³

Көрүндүју кими, әдәби мөтәдән бу чүр узалғамлар чох вәхт рәссамын јарәдәмчә фантазијасиндән дөјлә, сарај һәјәттин икәдә-естетик тәләбләри үзүндән баш вериләр.

Нәтичәдә гәјд әтмәк алашмыдир кә, Низаминин «Хәмсәси»ндәки сүжәт вә образларын иштишәр дәврисә, шүбһәси, јухардә көсәријән миниатур рәссам-ләй мөркәзләри илә мөһдүәләшмиш. Низамин «Хәмсәси»нин мөтәләри о гәдәр кәвин јәһылмишдә кә, һәттә узат йивидистән миниатурлариндә, хуәсүн XVI әсрин сәһнәриһәдә вә XVII әсрдә Могол мөкәтәби⁴, XVIII әсрдә икә Кәшмир мөкәтәби⁵ нүмәндәларинин әсәрләриндә да өз әсәсини гәлмәшдә. Могол, алаһхуәсудә Кәшмир миниатурларинин тамәккәл башга бәдми дәнбә кәләмәк олмаһиһә бәтәмјјарәт, булар кләсики ән'әнадән узалғидлар вә оларын прототипләрин олдуғунә күмән јохлар. Буғунла белә, оларын һәмисә, шүбһәси, XV—XVI әср Иран, Азәрбајҗан вә Орта Асија рәссамыгы үчүн сәчмјјави олан ән'әна вә принсипларн тәсвир әлтидә ичрә едәмишдир. Бу да тамәккәл гаһулағуғу вә тәбидир. Чүнки бу мәнбәларини өзләри дә Шәрг миниатур рәссамыг мәнбәкәләри ән'әваларинин гәршымғам тәсвир әлтидә мейдана кәлмишдир.

* * *

Бу албомдә нәзәрдә кәчирдјјимиз миниатурлар Низамин поемаларынн әлјазималарына чәкәлән, әсәрләр бөјүк бұтүн шәрг рәссамыг мәнбәларини рәссамлары тәрәфиндән икә едәлән бөјүк икәдәрлә илустрасијаларын јәһил вә бир гисмини гәшкәл едир. Албомдә верилмиш миниатурлар Низамин «Хәмсәси»нин әлјазималарына чәкәлән, дүғиһәм дәмәк олар кә, бұтүн ән ири музејлариндә, мөлтәп кәләмәк олар вә хуәсүн коллексијалариндә сәхләм илустрасијалар, мөзгү етбиләрлә дә орадакы әдәби сүжәтләри мујејән иһсәсиһә әһәтә едир. Буна бахмәјарәт, бир нәчә әлјазимәсиһә, әсәс етбиләрдә Ленинград коллексијаларында әлјазималарына чәкимиш илустрасијалардан ибәрәт олан бу нүмәлардә дә мөтәриһә үмүмләндирмәк вә Шәрг миниатурларын икшифурлағә Низамин «Хәмсәси»нин јерини, әһәмјјәттинин мујејәнләшдирмәк үчүн кәйфәт гәдәр мө'лүмәт верир.

Фирдовсини «Шаһнамәси»ндә Хосров Дәвләвини, Әбдуруһман Чамини, Әшшәри Нәванини вә башга шәрг кләсикиларини әсәрләр кими, Низамин «Хәмсәси»нин әлјазималарында да он чох ән'әвә образ вә сүжәтләр, дәнә доғрусу, Низамин поемалары мейдана кәлмишдән хәјлән өзвәл хәлг рәвәјәтләриндә, әдәби әсәрләр дәрәвүнүм олунан, Иран, Азәрбајҗан вә Орта Асија хәлгәларынн икшифурлағә-тәбиги иһсәсәт әсәрләриндә гисмин тәсвир едәлән сүжәтләр илустрасија олунмушлар. Башга сөзлә дөсәк, хәлгән хәтирәсиһәдә јашајан, Шәрг хәлгәларынн бәдми-әдәби ән'әвәсиһәдә фәхри јер тутан сүжәт вә образлар дәнбә чох тәсвир едәмишдир.

Чох тез бир замандә һәм тәрәфиндән сәвалән белә ән'әвә мөтәвәләз јанашы, Шәрг поеијасиһә иләк дәрфә Низамин дүһәси илә кәлмиш вә Шәрг хәлгәларынн тәсвирини иһсәсәтиһә онун вәсәтисилә дахил олуш јетин орижинал сүжәтләр дә кәвин иштишәр тәһарәт тез-тез тәсвир едәлмәгә бәһләмишдир.

Низамин «Хәмсәси» гәһрәманларынн вә сүжәтләрини тәсвирини иһсәсәтдә, о чүмәләдән миниатур рәссамыгдә мөһкәмләшдир өзүнә јер тутмаси процесси о гәдәр дә чох давам етмәшдир. «Хәмсәсини әдәби сүжәтләрини миниатур рәссамыгдә тәсвир олунмәсиһәни иһсәсиһә икшифә едән бу процессидә тез бир замандә һәм илустрасија едәлән өзәдиләрини сәчләмәсидә, һәм дә оларын бәдин шәрһиндә мујејән бир ән'әвә јарәмилмишдир.

Низамин «Хәмсәси» сүжәтләрини, хуәсула онун јетин, орижинал сүжәтләрини бәдин трактәвоксиһәл гәјдәләр, мујејән композисија схемәлри мейдана кәдәдә кә, булардә дә јәрәдәмәк миниатурларын образын ифәдә тәрзиһи бөјүк тәсвир кәстәрдин. Нәтичәдә, Низамин «Хәмсәси»нин еркән әлјазималарына чәкәлән орижинал миниатурларын чоху тез бир замандә ән'әвә миниатурлардә чәришдир

¹ P. Hovsef, Indian Painting and the Moghul School, 1924

² А. Дәһини, I. Гиср Кәшмир алаһхуәсудә миниатурларын, X, 1976

³ Низамин Искандәрнамәси Баһка гәдәк сәһ. 292—293

⁴ Низамин Искандәрнамәси Баһка гәдәк сәһ. 31

тəжə Низами нөсмаларынын сонракы əлжəзмаларынын илустрациясы учун дејил, Бабела Хосров Дəхланы, Чам, Наван ва Шəгг поэзиясынын башта классикларынн əсəрлəриндəки єјини ва охиар сужетларын тəсвир учун прототип ролу ойнамаг бəлшəдэ, тэгэмд объект, хејин мигдəрдə «тəсвир нəзир» учун əлжəзмəкəсэ мейлр əлду.

Белдэиллэ, Јахши ва Орта Шəгг халқларынн миниатур рəсəмлыгында Низами «Хəмсə»-синнн мотивлери əсəсидə ва Ја оларынн тэсвир илэ Јарəдэмши чəхлэ əсəр мейдана кəлдэ. Јахши əсəрлэр миниатур рəсəмлыгы јени нуктулар, тэсвирлэ сужетлэр, сөйлəни образлэр ва һуьмнэт мейлрлэри занкилэландирди.

Бу албөмдэ əсэ стəрлэринн миниатурлрин буйук аксеријлэти Низами «Хəмсə»-синнн Ленинграддэ М. Ј. Салтыков-Шчдрин адина кутлэви Девлат китəбханасында сəхлэвен əлжəзмаларына чəкилэн илустрациялар [КДК] арасында сечилмишди. Ма лум əлдуту ким, шəгг əлжəзмаларынын эи занкии коллекциялары арасында мустəснə јер тутан бу китəбханада китəб сənотиннн хејин шəх əсəri, о чумлэрдэн Низами «Хəмсə»-синнн бир нечə əлжəзмəсэ сəхлэнымлэр.

«Хəмсə»-ја XV—XVII əсəрлрин əсəс миниатур рəсəмлыгы мəkтəблэриннн итсəддэм рəсəмлары тəрəфиндэн чəкилмиш, бəдии чəхəтдэн эи дəјəрлэ əлжəзмаларыннн эи Јахши илустрациялары мутаротти ўсəлу, гејри-эди сənоткарлыгы илэ фəрглэшир. Бəдии-эстетик кејфијлэтрлэринə кəрə, бу миниатурлэр, шүбһəsиз, шəгг рəсəмлыгынын эи Јахши классик нумуналэри илэ Јавашы дурр.

Масəlэн, XV əсрин сону, XVI əсрин əввəллэриннн Ширəз мəkтəби албөмдэ Низами «Хəмсə»-синнн 1479-чу ил [КДК, Дори 338], 1491-чи ил [КДК, ЈФС 63] ва мəшһур 1308-чи ил əлжəзмаларына чəкилэн миниатурлардэ тəмсил еднəмишдир ки, булэр дэ Ширəз мəkтəбиндэ јени ўсəлуи мейдана кəлмэсэ дөврүнə типик нумунə əлбу, онун сэмјлэви чəхəтлэриннн парлаг шəкилдэ əкс етдирир.

XVI əсрин Ширəз мəkтəбиннн мутаротти ўсəлуи Низами «Хəмсə»-синнн ССРИ Емалр Академиясы Шоршүвəсыт Институту Ленинград шə бəси коллекциясынын 1543—1544-чу ил миниатурлэриндэ [А-212] ва «Хəмсə»-нин 1545-чи ил миниатурлэриндэ [КДК, ЈФС 103] тэгэмд əлжəзмəсудур. Бу əлжəзмаларынын миниатурлэри XVI əсрин орталарында коркаман рəсəм Султан Маһəмэддин башчылыгы етдији Тəбриз мəkтəбиннн бизəснəт тэсвир алтында Јарəнмиш Ширəз мəkтəбиннн јени рəсəмлыгы ўсəлуиуну сэмјлэви чəхəтлэриннн ојани шəкилдэ тəчəссүм етдирир.

«Хəмсə»-нин 1482-чи ил илустрациялары [КДК, Дори 338] ва Москвəдəки Шəгг Халқлары Инчəснəти Дөвлət Музейинн 1491-чи ил əлжəзмəсынын миниатурлэри [инв. № 165911] һерат мəkтəбиннн инкишəф дөврүнə эидди. Парəл, хејин эр ишлэднмак шəртилэ контраст ранклэр, тонларын нəфис, урəкчачан аһнəкəрлэмы, бəрəмсəјəги декоративлик, јүксəј сэмјлэви ичрə тэризи бу миниатурлэриннн сэмјлэви чəхəтлэри əлбу. XVI əсрин сонундэ Шəртин дикəр коркомлэ рəсəмнə Кəмөлəддин Бейтəдин башчылыгы етдији һерат мəkтəби ўсəлуиуну фəрглəндиричи күсүнлэтрлэриннн кəстэрир.

Албөмдэ Исфаһан мəkтəби «Искəндэрнамə»-нин [КДК Дори 344] ва Азəрбəјчəн ССР Емалр Академиясы Республика əлжəзмалары фонунда [Бакы] сəхлэвен «Хəмсə»-нин 1636-чы ил əлжəзмəсынын миниатурлэриндэ тəмсил еднəмишдир. «Хəмсə»-нин Бəкмдэ сəхлэвен əлжəзмəсынын миниатурлэри XVII əсрин əввəллэриндэ Исфаһан мəkтəбиннн артыг камиллэшим эилэн фəрглəндиричи чəхəтлэриннн əкс етдиријини вəдэ. «Искəндэрнамə»-нин миниатурлэриндэ һələ формəлшəммиш ўсəлуи элэмəтлэри нəзəр чəрир.

Низами «Хəмсə»-синнн 1578—1580-чи ил тарихи əлжəзмəсынын миниатурлэри [КДК, ЈФС 272] ўсəлу ва ичрə тэризинə кəрə Бухара мəkтəбиннн рəсəлэринə типик нумунэдир. Орта Асияда китəб сənотиннн эи гижмөлэ нумуналэриндэн бири олэн 1648-чи ил тарихи «Хəмсə» миниатурлэри [КДК, ЈФС 66] Инидистан-Орта Асия рəсəмлыгы əлжəглэриннн əкс етдирир. Бухара ва Могол рəсəмлыгынын гаршымылы тэсвир ва гаршымылы занкилэлэмəsi вəтчəснəдэ Јарəдэммиш бу миниатурлардэ Мавэрəнəнхр мəkтəбиннн сэмјлэви чəхəтлэри ўстунлук тəшкил едир.

Азəрбəјчəн рəсəмлыгынын Тəбриз мəkтəби албөмдэ Низами «Хəмсə»-синнə чəкилмиш јүксəј дəржədə бəдии классик нумуналəрдэ тəмсил əлжəзмəсудур. «Хосров ва Ширин»-нин 1410—1420-чи иллар тарихи əлжəзмəсина, XV əсрин сону, XVI

əсрин əввəллэринə эи Истамбул əлжəзмəсина [Топланы музейи, Н. 760], 1529—1543-чу илларын мəшһур Лондон əлжəзмəсина [Британя музейи, Ор. 7265] чəкилэн ва башта илустрациялар бəдии-эстетик кејфијлэтрлэри кəрə эи «Јахшиларынн дən» — заман етбирилэ Шəгг рəсəмлыгынын башта мəkтəблэри тəрəфиндэн Јарəдэммиш єјин миниатурлардэн ўстунлук илə фəрглэвен.

Миниатур рəсəмлыгынын мəшһур шəх əсəрлэри — Низами «Хəмсə»-синнн итсəддэм Тəбриз рəсəмлары илэјəсэдэ, китəб сənотиннн коркимнн усталлары — Султан Маһəмэд, Ага Мирəк, Мир Мүсəвир, Мирзə Əлм, Музəффер Əлн ва Мир Сейд Əлн тəрəфиндэн Јарəдэммиш Лондон нүсхəсиннн илустрациялары дөбдэ-бəди декоративлик дугулан романтик, јүксəј дəржədə образлы ифрэдэ тэризи илə фəрглэвен.

Рəсəмлыгынын Исфаһан Академиясы фонунда

Мавэрəнəнхр Емалр Академиясы фонунда

Ил «Хəмсə»-синнн ССРИ Емалр Академиясы фонунда

Јухарыда əдлэр чəкилэн əлжəзмаларыннн əсəс етбирилэ, эи мубум сужетлэри тэсвир едэн эи типин, эи чəх тəғрəр олунн миниатурлэр сечилмишдир. Бу о мотəссələ еднəмишдир ки, кəтирилэн нумуналэр XV—XVII əсрлэриннн бəтүн миниатур рəсəмлыгы мəkтəблэриннн имкən дйрəснədə əхтə эи биснэи вə тəжə Низами «Хəмсə»-синнə чəкилэн илустрацияларыннн тэдрич инкишəфи бəрэдэ дејил, һэм дэ Иран, Азəрбəјчəн ва Орта Асия миниатур рəсəмлыгынын умуми инкишəфи бəрэдэ тəсвир Јарəтсын.

Бурадэ əкс етдирилэн миниатурлар Инчəнмиш «Хəмсə»-синнлэки əсəрлэрдэ југи ардычылыгыла, һэр поэманын илустрациялары итсə эдоби əввəллэрдэ југи ардычылыгыла дугулушулар.

Албөмун əввəлиндэ, əсəсн, гоша фронтиспислэр — эдотт эдоби мотлэ вəлэгэсн олмэјан, гоша сəйфиол титул вəрəглэри Јерлэдэјрилмишдир. Булар эи мəзмуну етбирилэ əлжəзмəкəсэ «тəсвир етнəд» сэмјлэси дншдијир вə əлжəзмаларыны сйфəриннн едэн һəкимлэр вəср еднəмишдир. Она кəрə дэ бу миниатурлардэ бир гəјдэ олараг мотлэ əлэгэсн олмэјан сужетлэр — мйфəт сəбвлэри, мочлэлэри, мусити мачлэслэри вə һəкимин, сарј элжəрларыннн һијэтэнин, бəдии зəв-

гуну во естетик таллабтанын одајини башта манипат сәһналары тасвир олунар. Ојазамааларында бу миниатюралар функционал чөлөттөн декоратив сөнчиге дашир, бирок карагаларын базамок калыңсына хидмат едир.

Апыр-апыр поемадара чөккөн алаустрасиялар ел сечнаиб дүзүмүшүдүр ки, булар окас сүжеталарын ва бүтүнүдө поэманын мазмунуна бадан образлар наситкисе ојана шаккада өкс етдирсин. Чөз вахт кениш јайыммыш бир сүжете анд мухталиф мактаблар тарафиндан ичра едимиш ики, бөзөң до үч миниатюр верилминдир. Белә миниатюрларин муганисе һами мактабларин һам үмуми, һам до фортлодиричи үсүлү хусусијатларини ојани суратдо көстөрүр, мактабларин һар биринин расамлыг сабасында панелјатларини дүзүкү сөнчиге алаңдириб, ајитинча бирматалдирије имкан вериб.

Төбриз, Шираз, һерат, Бухара ва башта мактабларин ан јакшы алаустрасияларындын белә бир нәтичә һасил олуур ки, миниатюр расамдык Низами поемааларини алаустрасиясы просессында узун ва мураккаб ахтарыш јолау кечибш ва паһажот, поенија илә әсә аһаңкардыга һама оламушур.

Нәтичәдо гөјә етмөк калымдар ки, алөмдә тагдин олауна нүмуналар Шәрт расамыгынын икшафында Низами «Хәмсәсинин јерини ва әһәмјјатини дүзүкү мујонзәландириб сөнчиге алаңдирмеја, миниатюр расамыгында даһи шаирин сүжет ва образларынин неча кениш јайылдыгын, мухталиф мактабларин расамаларинин јарадычмыгына буларын неча бөјүк тәсир көстөрдјүнин, чоһуа ичәсәһат әсеринин мејдана кәлмәсинә сабоб оладуғуна, бу әсорларин идеја-естетик истигәмотинин мујонзәландирдијини нүмајш етдирије имкан вериб.

* * *

Низаминин Совет һакимијјати иллориндо бүтүн халгын маалым чеврилмыш олмаз поемалары туркмендо јарадычы һаһам мәнбајин олмағда давам едир. Јакын Низами «Хәмсә»синин Азәрбајҗан ичәсәһатинин икшафына тәсире даһи бөјүк ва даһи күчәлудур. Инди Низами поенијасынын тәсире дәрәсәс тәҗәбә тәсвирин ичәсәһатла мөһадүлашмыр, о, ичәсәһатинин бүтүн саһаларини өһатә едир.

Бөјүк шаирин сүжет ва образлары тәҗәбә китаб графикасында, рәһжәкармағда, һејкәләрәһмәтында ва тәсвирин, декоратив ичәсәһатини башта һөндөриндо дејил, мусини, кино, театр, балет саһасында до өз кениш әксиян тәһмишдир.

Партија ва һөкүмәтинин бөјүк гәлҗисы, «Бөјүк Азәрбајҗан шаирини ва муғоһажирини Низами Кавказинин әдәби притамини өйрәтмәсә, һашри ва кениш јайыммыш сәһжәдо тәдбирлар барыдо» Азәрбајҗан КТМ МК-нын һарары саһсында Азәрбајҗан совет ичәсәһатинин икшафында Низами «Хәмсә»синин әһәмјјати кәтдиҗкә артыр, јени форма ва мазмун һасил едир.

Творческое наследие одного из корифеев мировой литературы, великого поэта и мыслителя азербайджанского народа Низами Гянджеви явилось бесценным вкладом в сокровищницу мировой художественной культуры.

Поэмы «Хамсе» («Пятирны») Низами оказывали и по сей день оказывают огромное влияние на развитие литературы и искусства народов Ближнего и Среднего Востока. Они явились неиссякаемым источником творческого вдохновения для многочисленных классов восточной литературы. Известно, что наибольшее количество назиме (подражаний) было написано (после «Шахнаме» Фирдоуси) на мотивы «Хамсе» Низами, причем, такими, издававшимися поэтами Востока, как Ахир Хусейн Дехлеви, Абдурахман Джами, Алишер Навои и другие классиками. И это не случайно, ибо поэмы Низами, выражающие прогрессивные общественно-философские и художественно-эстетические идеалы, воспевание благородства и красоты человека, свободу и любовь, справедливость и доблесть, направленные против ханства и жестокости, против пороков феодального общества, были близки его современникам, и, впоследствии, стали близки потомкам поэта.

«Хамсе» Низами оказала огромное благотворное воздействие и на развитие книжного искусства, миниатюрной живописи, различных видов изобразительного и декоративно-прикладного искусства народов мусульманского Востока.

Без преувеличения можно сказать, что восточная поэзия была, как указывал К. Маркс, подобно античной мифологии для древнереческого искусства, арсеналом и почвой для искусства Востока. Более того, восточная поэзия, и частности «Хамсе» Низами, выполняла еще одну важную и трудную задачу: она боролась за право на существование самого изобразительного искусства.

Как известно, ортодоксальная мусульманская идеология препятствовала развитию изобразительного искусства, и прогрессивные представители восточной культуры — величайшие ученые (Ибн Сина), поэты (Низами, Джами, Навои), художники (Дуст Мухаммед, Салим бек Афинар) выступали против тенденций ислама. Они рассматривали искусство как одну из важных, действительных форм познания действительности, как могущее средство идеино-эстетического и этического воспитания. Наиболее важным качеством искусства они считали его изобразительность.

Для Низами умение изображать — это признак одаренности человека, способного преображать действительность по законам красоты. С восторгом говорил поэт о великом мастере художников — Муизира Шаура, скульптора Фархада, легендарного Мани. В поэме «Хосров и Ширин» Низами вдохновенно воспевает художника Шаура, силу его мастерства:

Он был великим царь, был в ликописе творь,
Без кисти мысль его чмола сызгәтә творь.
Стиль тонко создавал он нежные творенья,
Что на стене бы мог раскрасить изображенья.

В другом месте той же поэмы Низами воспевает созидательную силу таланта художника:

В шире глянеть ан, что и лабрюу без усталь,
Я шкуру живошу — она подметет крылья.

Устами Шаура характеризует поэт чудотворное мастерство Фархада:

С искусно кировой склонився к крестной глыбе,
Начертит шкуру он, сдвинув на рыбе,
Перед ним поны несъ Рум, и, слезы иди, брошич,
На нем роснут он, аж пользуеть как восшич!

Поэт восхищался произведениями живописи на стенах дворца Хаварнак, где были запечатлены пленительные образы семи красавиц, сныи охоты, воспевание ловкости и подвиги героев.

Художественное творчество определяется в поэмах Низами как своеобразное отражение реальной жизни: изображении и действительность близки между собой. По словам поэта, напуганные Искандером велижаны застыли в такой тишине, «словно росписью стали на вострой стене». Или в другом месте той же поэмы:

И когда вгрозноздобный велижик на нем
Медовогома и предраскветной чмола тишине,
Под вышдәл славно роспись на стене,
Стал, инди, клубы иди, осыма, дзәк и огие.

В поэме «Искендер-наме» ислам доверил поэту специальную «Рассказ о художнике Мани», в котором воспеда достоинства этого художника.

1. Низами. Пять поэм. М., 1946, с. 74.
2. Там же, с. 81.
3. Там же, с. 79.

Все приведенные примеры, а часто их можно легко умножить, доказывают, что Низами высоко оценивал художественные возможности изобразительного искусства, видел в нем средство познания объективной действительности и тем ее самым приравнивал к другим видам ее существования. В этом заключается один из аспектов значения «Хамсе» Низами в развитии изобразительного искусства.

Бессмертные темы Низами, снискавшие очень скоро огромную популярность, оказали сильное и непосредственное воздействие и на развитие книжного искусства. Они явились новым стимулом к созданию большого количества замечательных, богато иллюстрированных рукописей, созданных совместным кропотливым трудом талантливых хаттагов (каллиграфов), наклеиваем (жонкиеров), мухаммедов (орнаменталистов), мухаммедов (переплетчиков) и других мастеров.

Философско-дидактические, любовно-романтические, историко-героические поэмы Низами были неперенасытым источником творческого вдохновения для художников, они снабжали их богатыми и благоприятными материалами, обогащая их искусством новизны, оригинальными мотивами, прогрессивными гуманистическими идеями. Глубоко содержательные сюжеты, проникновенные пластичные образы, одухотворяющая сила персонажей «Хамсе» — все это призвало к глубокому вникновению в художников, способствовало созданию зримых выходящих за пределы искусства произведений.

О неслыханной популярности мотивов, заимствованных из произведений Низами, среди художников и народных мастеров свидетельствует тот факт, что очень скоро после завершения «Хамсе» многие его сюжеты и образы нашли свое отражение не только в миниатюрной живописи, но и в других видах изобразительного и декоративно-прикладного искусства. На дворянственных изделиях из металла и других металлов, художественной керамике и интереснейших вышивках помещены изображения сюжетных композиций на темы «Хамсе» Низами занимали значительное место.

Примечательно, что образы и мотивы «Хамсе» были широко распространены не только в искусстве средневековой Азербайджана, на родине поэта, но и далеко за ее пределами, во многих странах Ближнего и Среднего Востока.

В настоящее время невозможно ответить на вопрос, где, когда и в каком виде искусство были созданы первые произведения на мотивы «Хамсе». Можно предположить, что иллюстрирование рукописей поэм Низами началось вскоре после создания самих поэм. Следует отметить, что до недавнего времени наиболее древней из известных рукописей Низами считался рукопись парижской национальной библиотеки 1360 года, а первыми миниатюрами являются иллюстрации «Антологии», созданной в 1410, для Султана Исмендера. В последнее время известно, что еще более древняя рукопись «Хамсе» 1318 г. имеется в библиотеке Тегеранского университета, а наиболее ранние иллюстрации — это миниатюры к той же рукописи, созданные в 60-х годах XIV в. Однако высказывание Б. П. Деников о том, что «возможность обнаружения более древних иллюстрированных рукописей великого азербайджанского поэта, разумеется, не исключена», все еще остается в силе.

Безусловно, трудно поверить, что до 60-х годов XIV века иллюстрирование рукописей «Хамсе» Низами не создавалось. Вероятно, такие рукописи были, но не сохранились до нашего времени.

Одним из наиболее древних из дошедших до нашего времени примеров художественной интерпретации поэтических сюжетов «Хамсе» Низами в искусстве является керамическое блюдо, изготовленное в 1210 году мастером Шамсад-Дином Хасани. На блюде, украшенном лозовой росписью, изображен излюбленный и часто повторяющийся в дальнейшем эпизод из поэмы «Хорос и Ширин» — Хорос видит купающуюся Ширин.

Другим ранним примером отображения сюжетов «Хамсе» Низами в декоративно-прикладном искусстве является главный шивши начала XIII века, лавриный в Хауз-хана в Туркменской ССР. На шивши изображен эпизод, когда легендарный богатырь Фархад, расклевывая гору Бистун, спасает Ширин от владения с лошади. Этот сюжет, изображающий Фархада, несущего на своих плечах коня с вездеход, и дальнейшим сюжетом также одним из излюбленных и традиционных, наиболее часто воспроизводимых в миниатюрной живописи. Купание в Хауз-хана, по утверждению автор публикации, относится «не позднее, чем к первому двадцатилетию XIII века»¹.

Учитывая, что поэма «Хорос и Ширин» была закончена в 1181 г., а сюжеты ее уже в 1210—1220-х годах изображались на керамических изделиях, можно заключить, что эта поэма в течение каких-нибудь 20—30 лет завоевала большую популярность не только среди поэтов и любителей поэзии, но и среди художников и мастеров декоративно-прикладного искусства, причем не только на родине поэта, но и далеко за ее пределами. С другой стороны, трудно поверить, что сюжеты и образы «Хамсе» на предметах декоративного искусства стали воспроизводиться раньше, чем в книжной миниатюре. Можно предположить, что иллюстрирование рукописей «Хамсе» создавалось вскоре после завершения самих поэм, но раньше, чем упомянутые предметы дляписанной керамики. Вполне возможно, что иллюстрации одной из таких рукописей послужили основой для изображения хаузханского купания и блонда, выполненного Шамсад-Дином.

Сюжеты и образы «Хамсе» получили особенное распространение в декоративно-прикладном искусстве XVI—XVII веков. На иезуитских и бархатных тканях особенно часто изображены «Медоносный пчеловод», «Нейли едет к Медоносу», «Нейли и Медоносу едят змею», «Хорос видит купающуюся Ширин» и др. Среди этих декоративных тканей наиболее художественную ценность представляют творения по своей выразительности работы знаменитого шавшбеда Гиса из Исфагана при дворе персидского мастера шавшба Аббаса I.

Однако художественная интерпретация сюжетов и образов Низами вышла еще наиболее ярко и широко выражение в книжной иллюстрации — миниатюрной живописи народов Ближнего и Среднего Востока.

Как в классической восточной поэзии самое большое количество названий было написано в поэмах Низами, так и в классическом искусстве наибольшее число миниатюр создано к «Хамсе». И так же как мастерами и отцами из поэмы Низами расцвечивались на Востоке как эскизы на подражание, так и создание новых миниатюр «Хамсе» считалось трудной, но почетной задачей. Ведущие школы ближневосточной миниатюры, а также отдельные мастера этих школ как бы соревновались между собой в создании высокохудожественных иллюстрированных списков двух величайших памятников восточной литературы — «Шах-наме» Фирдоуси и «Хамсе» Низами.

Обобщая, можно сказать, что рукописи поэм Низами по количеству иллюстраций и рисунков занимают второе место, уступая в этом только «Шах-наме» Фирдоуси. Можно сказать, что почти во всех крупных музеях, библиотеках и частных коллекциях мира — в Лондоне, Париже, Нью-Йорке, Вашингтоне, Стамбуле, Тегеране, Каире и других городах хранятся многочисленные иллюстрированные рукописи «Хамсе» Низами, изготовленные в XIV—XVII вв. представителями различных школ миниатюрной живописи многих стран Среднего Востока. В числе этих списков имеются и истинные шедевры книжного искусства, выполненные ведущими художниками, каллиграфами и другими мастерами тибурской, ширваской, гератской, медреской, исфahanской, бухарской и прочих школ миниатюрной живописи.

Многочисленные иллюстрированные рукописи поэм Низами находятся в собраниях СССР, главным образом в Пушкинской библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Приятно отметить, что в собраниях СССР самый ранний иллюстрированный список поэм находится у нас в Баку. Это рукопись «Лександер-наме» 1418 г. из Музея литературы им. Низами.

Среди иллюстрированных рукописей поэм Низами, наиболее интересных и ценных в художественном отношении, следует особо отметить рукопись «Хамсе» 1431 г. (Ленинград, Государственный Эрмитаж), украшенную 38 миниатюрами, рукопись 1490 г. (Москва, Государственный музей искусств народов Востока) с 56 миниатюрами, рукопись 1494—95 гг. (Лондон, Британский музей), оварительные миниатюры, которые исполняли выдающиеся художники, мастерами восточной живописи — К. Бекзадом и Касимом Али, рукопись 1648 г. бухарской школы (ГИИ, Дору 66) и некоторые другие списки.

Для нас особенно большой интерес и историко-художественную ценность представляют такие замечательные образцы книжного искусства, как рукопись «Шах-наме» «Хорос и Ширин» начала XV в. (Вашингтон, галерея Фрир), миниатюра «Медоносный пчеловод» «Хамсе» 1539—1543 гг. (Лондон, Британский музей), миниатюра в науке, но уникальная рукопись «Хамсе» 1481 г. (Стамбул, музей Топкапи), миниатюры которой выполнены художниками тибурской школы конца XV — начала XVI вв.

В истории миниатюрной живописи народов Востока каждая школа создавала два-три шедевра книжного искусства, наиболее ярко отражающие художественные достижения эпохи. Рукопись «Хамсе» 1539—1543 гг., специально подготовленная для стихийной эпохи. Рукопись «Хамсе» 1539—1543 гг., специально подготовленная для стихийной эпохи. Рукопись «Хамсе» 1539—1543 гг., специально подготовленная для стихийной эпохи. Рукопись «Хамсе» 1539—1543 гг., специально подготовленная для стихийной эпохи.

Действительно, миниатюры этой уникальной рукописи, отличающейся исключительной роскошью своего оформления, «даже ли не самобытный замечательный памятник не только тибурской школы эпохи ее высшего расцвета, но и всей азербайджанской и восточной живописи XVI в.»².

Рукопись «Хамсе» Низами с миниатюрами, переданная представителем шедевров восточной живописи, весьма многочисленна. По подсчетам Л. Дользуверной, авторе исследования «Искусство миниатюры в поэмах Низами», рукописи поэм великого поэта уже созданы в зарубежных коллекциях содержится 2057 миниатюр³.

Следует отметить, что эта (безусловно, крайне скромная) цифра относится только к известным автору рукописи. Если учесть, что только в музеи Топкапи и Стамбулу по известным автору рукописи Низами, авторе содержат более 1600 миниатюр, а там же хранится 67 рукописей поэм Низами, которые содержат в изданных каталогах, что не все рукописи зарубежных собраний записаны в каталоги, становится ясным, насколько можно приуменьшить эту цифру.

В чем же кроется секрет такой популярности образов и сюжетов поэм Низами в миниатюрной живописи? Безусловно, не только в том, что они навеяны прогрессив-

1. Б. П. Деников. Сюжеты Низами Гянджеви в искусстве Азербайджана и Востока в XV—XVII вв. — Сб. «Низами», М., Баку, 1947, с. 72.
2. Г. П. Балашова. Гипотеза о датировке рукописей XII—XIII веков в эпических сюжетах — Сб. «Средневековая литература», Л., 1972, с. 105.

1. Б. П. Деников. Сюжеты Низами Гянджеви в искусстве Азербайджана и Востока XV—XVII вв. Низами, М., Баку, 1947, с. 81.
2. Л. Дользуверной. Отрывки из исследований сюжетов в средневековой персидской миниатюрной живописи (Авторы), Л., 1970, с. 4.

фигуры, световое решение и т. д. Своим классическим воплощением поучил этот сюжет в пору орловского миниматра выдающегося азербайджанского художника Султана Мухаммеда в уникальной рукописи «Хамсе» 1539—1543 гг. (Лондон, Британский музей). По своей поэтичности, декоративной выразительности образного строя эта миниатюра является одним из шедевров восточной живописи.

Следует отметить, что как и в художественной интерпретации других литературных сюжетов, в трактовке данного эпизода, хотя и очень редко, допускались известные погрешности. Например, в одной рукописи «Хамсе» 1636 года из Республиканского рукописного фонда Академии наук Азербайджанской ССР (М-207) неизвестный художник, иллюстрируя этот сюжет, ограничился лишь изображением купающихся Ширин, без Хосрова.

Конечно, не все сюжеты, связанные с образом Хосрова, были в миниатюрной живописи новыми, оригинальными. Некоторые, если даже не были традиционными, широко распространены, тем не менее имели свои прототипы. Естественно, что иллюстрации к этому сюжету в той или иной степени повторяли принцип трактовки и композиционный сюжет аналогичных сюжетов из других литературных произведений. Например, во всех миниатюрах на тему «Хосров у замка Ширин» трактовка сюжета отичается от литературного текста Минатюры.

Как известно, в поэме говорится, что когда Хосров, долго стоя у замка, промочил спящего Ширин, была зима, всемерз, и шел снег. В миниатюрах же действие происходит, как и обычно, весной, в прекрасный солнечный день, на фоне воступающего пейзажа. Не исключая других причин, кажется, что главной причиной такой трактовки было то, что, иллюстрируя этот сюжет, художник мог и как лучше прогнать привлекательный сюжет Духани Султана «Хумай у замка Мухомов» из известной рукописи Керманы 1396 года.

Среди нетрадиционных сюжетов, пришедших в изобразительное искусство вместе с поэзией Низами, исключительное значение имеют эпизоды, связанные с подвигами третьего героя поэмы — легендарного Фархада. Впервые введенный Низами в восточную поэзию и живопись живописец образ Фархада — это образ качественно нового для феодального общества человека. Фархад — представитель трудового народа, городских ремесленников. Все черты его характера свидетельствуют о том, что перед нами человек совершенно нового типа, нового времени, человек эпохи Ренессанса. Он всемерно развитый, многогранно одаренный мастер, искусный каменщик и скульптор. Фархад — свободный, честный, благородный, смелый и сильный человек. Таким именно трактует образ Фархада художники в своих произведениях, посвященных героическому труду легендарного «сокрушителя гор», созидательной деятельности художника-скульптора, трагической гибели доверчивого влюбленного.

Сколько прекрасных, неповторимых и эстетически-художественно выразительных и самостоятельных миниатюр создано на эту тему художниками различных школ, точно неизвестно. Но несомненно один образ Фархада и сюжеты, связанные с ним, являются одним из наиболее влюбленных и часто повторяющихся тем в миниатюрной живописи.

Необходимо отметить здесь один весьма любопытный факт. Влияние этих литературных эпизодов в выработке по ним иконографических и композиционных схем было настолько сильным и устойчивым, что они наложив захватывающих стеченок на композиционный и образное решение многих миниатюр, иллюстрирующих аналогичные сюжеты «Хамсе» Хосрова Дехлеви и Алшера Навои. Причину этого явления следует объяснить тем, что и у Низами образ Фархада — выходца из народа и простого труженика — был больше по душе художникам, чем образ китайского царевича, какими трактовали его последователи восточного поэта — Дехлеви и Навои.

Не останавливаясь на отдельных миниатюрах на тему «Хосров и Ширин», отметим, что наиболее ранние образы их созданы в 1410—1420 гг. художниками тибетской и гератской школ. В числе миниатюр XV в. особенно большую художественную ценность представляют иллюстрации (их всего пять) отдельной рукописи «Хосров и Ширин» начала XV в., впервые опубликованной искусствоведом Ага-оглы и «Антологией» 1510 г. Среди миниатюр XVI века большой интерес представляют иллюстрации 1581 г. из музея Тонкая, отдельная миниатюра Ширин поетая Фархад на горе Бистун» неизвестного тибетского мастера середины XVI в. и иллюстрация лондонского эскизмлера «Хамсе» 1539—1543 гг.

«Лейли и Меджнун» — третья поэма Низами является одним из прекраснейших шедевров мировой литературы. Можно смело сказать, что она оказала еще большее влияние на развитие литературы и искусства народов Ближнего и Среднего Востока, чем предыдущие поэмы Низами.

Известно, что эта тема — история трагической любви Лейли и Меджнуна — сначала не начала поэты, ибо они не позволяли ввести в поэму реальное, яркие картины действительности: описания дворовых меджлисов, царских пиров, охотничьих сцен на фоне цветущих садов, зеленых лугов и т. д.

Где музыка, где вина, где меджлисы,
Где сад, чтоб мысли светлые заглянул?
Сухой песок, пустыня, темнота гор...

Однако гениальный поэт на основе этой «сухой, как песок аравийских степей», темы создал замечательную поэму, которая стала популярна на всем Переднем Востоке даже больше других его произведений. Подобно тому, как трудно точно указать число литературных подражаний «Лейли и Меджнуну» так же невозможно определить, хотя бы приблизительно, количество миниатюр и произведений различных видов декоративно-прикладного искусства, посвященных сюжетам и образам этой поэмы.

Поэма «Лейли и Меджнун», трогательные образы несчастных влюбленных, история их трагической любви очень быстро стали излюбленным сюжетом для художников, являлись несчетным источником для создания совершенно новых, оригинальных в миниатюрной живописи произведений.

Если изображении главных героев двора поэмы (Бахрам Гур, Хосров, Нисенлар, Фатиме и др.) и связанных с ними отдельных сюжетов в какой-то степени носило традиционный характер, то почти все образы и сюжеты «Лейли и Меджнун» были новыми в изобразительное искусство народов Ближнего и Среднего Востока только лишь, благодаря поэме Низами.

Основными мотивами поэмы, начиная от «Лейли и Меджнун в чужерезе» и до картины трагической смерти несчастных героев, впервые вошли в изобразительное искусство в иллюстрированных «Хамсе» Низами. Такие драматические эпизоды, как «Меджнун в пустыне среди диких зверей», «Встреча Меджнуна с Лейли», «Встреча Меджнуна с отцом», «Меджнун перед шатром Лейли», «Меджнун на могиле Лейли» и многие другие за короткое время стали чрезвычайно популярными в миниатюрной живописи Азербайджана, Ирана и Средней Азии. Очень скоро образ Меджнуна приобрел в миниатюрной живописи строго канонизированные черты: изможденный лицом со страдальческим лицом и исхудавшим телом с выступающими ребрами. Часто полуобнаженная фигура Меджнуна в дохлыхках изображается под плащом или виле в пустыне среди зверей, или же в виде Меджнуна закопанного в песок. Образ Меджнуна, созданный по мотивам Низами, является наиболее распространенным в восточной живописи образом.

Многие миниатюры к «Семи красавицам», связанные в основном с историей Бахрама, чаще всего воспроизводят традиционные сюжеты о его героических подвигах, ловкости и смелости. Действительно, многие ключевые эпизоды поэмы, такие как «Бахрам и Фатима на охоте», «Борьба Бахрама с драконом», «Бахрам на «дыняной охоте» и другие часто изображались и до Низами. Подобные изображения же встречаются и на металлических изделиях сасанидской эпохи и в произведениях художественной керамики, и в других видах декоративного искусства. В изобразительном же искусстве эти сюжеты неоднократно воспроизводились в списках «Шах-намес» Фирдоуси.

Однако значение этой поэмы Низами в развитии миниатюрной живописи определяется не только и не столько подобными традиционными сюжетам. Известно, что поэма Низами построена на двух мотивах — истории Бахрама и рече вставных новелл, не связанных с ключевой сюжетной линией. При иллюстрировании вставных новелл Бахрама в семи павильонах с приращением «семи стран света».

Согласно поэме Низами, Бахрам-шах построил для своих семи — семи царевен — девяти дворцов с семью павильонами. Каждый павильон имел свой цвет, соответствующий определенному дню недели и связанной с ним планетой. Как-же же не установленный определенному дню недели и связанной с ним планетой павильон к одной из семи красавиц, где все обстановки была такого же цвета. Выступая вставя за первостепенным столбом и слушая музыку, Бахрам прослушал каждую царевну рассказав ей какую-нибудь замечательную сказку.

Обращая к этим вставным новеллам, художники всех школ иллюстрировали обычно лишь первую половину этой эпизода, очень редко обращая внимание на сказки приноса. И это не случайно. Первая половина повествования воспринималась художниками как реальная картина дворовой жизни и трактовалась как бытовая сценка в виде представления, музыкального меджлиса, любовного свидания и т. д.

Иллюстрируя этот излюбленный для того времени сюжет, художники постепенно выработали определенную схему, которая, составляя основу композиции, видоизменялась в бесчисленных вариантах и вариациях в зависимости от стили, школы и индивидуальности художников. В интерьере павильона с куполом, в окружении двух-трех служанок и музыкантов, Бахрам слушает сказку одной из семи красавиц. Включаются архитектурная форма и декоративные украшения павильона, меняется число служанок и музыкантов, играющих на различных инструментах, по-разному трактуются образы основных героев, наконец, меняется колорит, манера исполнения.

В то время как эти сцены нередко трактовались заурядными художниками в однообразных и скучных композиционных схемах, наиболее вдумчивые, одаренные и оригинальные и смелые художники в зависимости от стили, школы и индивидуальности мастера смело выходили за рамки установленного канона, не в деталях, а в принципе изменяли тему, трактовали сюжет по-своему, и новым образом строили композицию. Многие могут служить миниатюры из музея Тонкая, исполненные тибетскими мастерами Тонкая, служившие миниатюры из десятых годов XVI в. В них тема трагедии художниками Шейхи и Дервиш Мухаммедом в десятых годах XVI в.

Agayeva, The Khovan in the
Miniature of the
Free Galleries — An
Illustration, vol. IV, 1937
p. 12. Из коллекции большого
формата из Академии Шах
Тонкая (N 2164)
металлическая в музе Тонкая
в Стамбуле.

гована в широком плане — различием шаха показаны на фоне картины праздничной жизни, миниатюры пропитаны гедонистическими настроениями, соответствующими вкусам и идеологии господствовавшей аристократии.

Много интересны по содержанию сюжетов давала художникам и основная линия поэмы — история главного героя Бахрама Гура. Многочисленные реальные и фантастические эпизоды из героических подвигов и подвигства героя Бахрама задала и себе обязательной и обратно воспринимаемым изобразительный материал, и вдохновляла художников на создание замечательных произведений.

Сравнение известных нам миниатюр к поэме «Семь красавиц» с миниатюрами о подвигах Бахрама Гура, созданными по мотивам «Шах-наме», показывает, что хотя они нередко совпадают по тематике, но по содержанию и трактовке сюжета, иногда даже идентичного, миниатюры к рукописи Низами заметно отличаются от иллюстраций к «Шах-наме».

В качестве наглядного примера рассмотрим миниатюры «Бахрам Гур и Фитне на охоте» и «Бахрам Гур и Азаде на охоте». В обеих миниатюрах изображен легендарный герой саживает своего паря Бахрама, восхитенный по разному и «Шах-наме» и «Хамсе». Изображение этого сюжета носит традиционный характер и встречается в различных видах декоративно-прикладного искусства — на серебряных сасанидских блюдах¹, на керамических изделиях, фигурных тканях и т. д.

В более ранних произведениях декоративного искусства и в иллюстрациях к «Шах-наме» чаще всего изображался момент, когда Бахрам разгневан дерзостью Азаде:

Ударил Бахрам, и вывихнулся в оселе,
Рукуяна стрелой полетела в теле,
Роботил Бахрам рукою своею
И рыл, и усил, и гудел несмерто².

Очень редко Азаде изображался до этого момента, то есть едущий на верблюде или на границе на арфе.

Известно, что этот традиционный сюжет трактуется в «Хамсе» совершенно по-другому. Жестокость Бахрама и трагическая судьба убитой и смелой красавицы, описанная в «Шах-наме», конечно, были чужды прогрессивным идеалам поэты-гуманиста Низами, он не хотел мириться ни с жестокой и несправедливостью Бахрама, ни с гибелью прелюбной Фитне. Поэтому у Низами Бахрам — человек, более мягкий по натуре, более рассудительный. В порыве гнева он сам не убивает Фитне. Помня, что «женубничество дело не мужское», он поручает это сделать своему полководцу. А дальнейшая судьба находчивой девушки, как известно, складывается вполне благополучно.

Понятно, что новая литературная трактовка традиционного сюжета способствовала появлению в миниатюрной живописи новой композиционной схемы и нового образного решения.

Следует отметить, что в поэме «Семь красавиц», история Бахрама Гура изложена не только в традиционных, но и во многих совершенно оригинальных эпизодах. И художники при иллюстрировании поэмы, хотя и уделяли главное внимание традиционным темам, однако нередко обращались и к новым эпизодам. В результате не только в книжной иллюстрации, но и в других видах изобразительного и декоративно-прикладного искусства появились совершенно новые, оригинальные по содержанию сюжеты. Такие темы, как «Трагическая гибель архитектора Симнара», «Бахрам Гур в замке Хаварнак», «Бахрам одной стрелой сражает льва и оягра», «Бахрам-шах и обаян», «Фитне, поднимавшая бычка» и другие стали особенно популярными. В миниатюрной живописи XV—XVII вв. появились многочисленные работы на эти темы. Художники различных школ, сохраняя общую композиционную схему, но выходящая за пределы традиционных схем, нередко добивались большого творческого успеха, создавая оригинальные по форме и художественной выразительности, редкие по мастерству исполнения работы. В числе подобных миниатюр можно отметить «Бахрам одной стрелой сражает льва и оягра» Султана Мухаммеда в рукописи 1539—1543 годов, «Бахрам Гур в замке Хаварнак» неизвестного широкого художника начала XV в. в рукописи «Антология» 1410 г., «Бахрам Гур берет вепрь, дежащий между двумя львами» в рукописи 1508 года (ГПБ) и др.

Наиболее colorful сюжетов, причем очень разнообразных, увлекательных и интересны по содержанию, традиционных и новых, зачастую совершенно оригинальных, дат величественная эпопея Низами «Искендер-наме». Естественно, что в иллюстрированных списках (особенно в первой части «Шарф-наме») ведущее место занимают миниатюры на батальные темы, воспевающие подвиги легендарного полководца — Искандера. Необходимо отметить, что художники, иллюстривавшие «Хамсе», правильно поняв суть замысла Низами, трактовали образ Искандера не как шара-завоевателя, а как героя-освободителя. Именно так воспринимается образ героя и миниатюры, изображающие сражение Искандера с чернокими дикарями, его поединок с чудовищем и др.

Характерные черты Искандера как гуманного, справедливого полководца ярко и убедительно раскрываются в миниатюрах, изображающих его над умирающим Да-

рием. Этот потрясающий своим драматизмом сюжет привлекал внимание почти всех художников, иллюстривавших поэму. Один трактовал этот сюжет в очень простых, двухфигурных, другие — в сложных, многофигурных композициях, на которых, кроме победителя Искандера и умирающего Дария, изображены убиты и ожившие их воины. Иногда сюжет трактовался в виде диалиты, где кроме основных персонажей были изображены многочисленные воины, наблюдающие происшедшую сцену. В лучших миниатюрах на эту тему художники добились большой психологической выразительности образов.

Большая группа миниатюр посвящена изображению приключений и страсти Искандера. Все эти сюжеты способствовали появлению в миниатюрной живописи новых по форме и содержанию работ, развитых батальных и бытовых жанров.

Необходимо отметить, что большая разница между произведениями Искандера, приводимыми в «Шах-наме» Фирдоуси, и «Хамсе» Низами проявилась и в миниатюрах, даже идентичных по содержанию, иллюстрирующих эти два величественных памятника восточной поэзии.

В многочисленных миниатюрах, изображающих приключенческие — шахские приемы, меланхолические и другие сюжеты, несшие характер «адафа», образ Искандера трактуется как образ идеального правителя, мудрого и пророка.

Вообще же в миниатюрной живописи чаще всего иллюстрировались те литературные сюжеты Искандера-наме, которые впервые были известны в восточную поэзию Низами и вошли в изобразительное искусство с первыми иллюстрациями к этой поэме.

Особенно большой интерес представляют сюжеты, связывающие Искандера с Азербайджаном. Интересно отметить, что эти темы часто повторялись не только азербайджанскими художниками. Чрезвычайно популярным был эпизод встречи Искандера с царьницей Нушабе. Художники разных школ и различных школ изображали этот эпизод по-разному, то есть иллюстрировали различные моменты этой встречи. В одних миниатюрах Искандер, появившийся во дворе селам, как «губящийся лев», смиренно стоит перед царьницей, восседающей на троне величественно, трон же в других — Нушабе возкалает Искандера его портрет, чаще же всего художники изображали на царьнице Нушабе. Перед царем ставят золотые чаши, наполненные драгоценными камнями. Когда Искандер спрашивает, зачем ему дали все эти несметные вещи, Нушабе отвечает:

Раз какою для воши не стоила тебе,
Зачем велишь иль нех безделные войны?³

(Иллюстрация персона)

Этот часто повторяющийся сюжет особенно выразителен, и сугубо личным мастерством изображен в упомянутой рукописи 1481 года из музея Топкапи.

Интересно отметить, что в художественной интерпретации литературных сюжетов в «Искендер-наме» наблюдается гораздо больше примеров отклонения от текста, чем в других поэмах. Характерным примером может служить часто повторяющийся в миниатюрах сюжет и мотиф. По тексту, удрученный болезнью и любовью красавицы Искандер, чтобы развеяться, поднимается на крышу дворца; оттуда он видит старика-пастуха, зовет его к себе и просит рассказать что-нибудь. Любопытно, что во всех известных нам миниатюрах на эту тему изображен именно тот момент, когда, озирая степь и дальние горы, царь видит овцу и возле нее пастуха:

И велел гонь царь, чтобы гонче же он
Был на ирванли и престоло царя правде⁴.

По-видимому, придворные художники считали неэтичным дерзостью изображать пастуха рядом с повелителем, олицетворяющим шихского трона. Они умышленно избегали иллюстрировать следующие строки:

И когда к явкам троня подается строк,
Путев тронной игры парь сгубилм воинов⁵.

Следует отметить, что сфера распространения сюжетов и образов «Хамсе» Низами не ограничивается, конечно, упоминающимися выше центрами миниатюрной живописи. Мотивы «Хамсе» Низами были столь популярны, что нашли свое отражение даже в миниатюрах далекой Индии, особенно в произведениях могольской школы XV—XVI вв. и тем более кампурских миниатюр характерен совершенно другой художественный язык, они далеки от классических канонов и лишены многих признаков своих прототипов, однако все они выполнены, несомненно, под воздействием традиций и принципов, характерных для иранской, азербайджанской и среднеазиатской школы XV—XVI вв. И это совершенно закономерно, ибо сам этот школы (могольская и кампурская) сложился в результате взаимодействия традиций именно этих ведущих школ восточной миниатюры.

Рассмотренные в настоящем альбоме миниатюры представляют лишь незначительную часть огромного количества иллюстраций к рукописям поэмы Низами, кото-

¹ См. серию статей Дришва
Пельтунен, т. 1, 1939,
с. 102; т. 1962, с. 122
с. Ветеран Ева и Азаде, т.
1914, с. 4

¹ Низами, Искендер-наме,
XI, 1093, с. 497.
² Там же.
³ P. Brown, Indian Painting
under the Moghals (London,
1924).
⁴ А. А. Давидов, Г. Г. Гекс,
Миниатюры кампурской
школы, т. 1, 1926.

ры в течение веков были выполнены художниками всех ведущих школ восточной Японии. И по содержанию миниатюр, публикуемые в альбоме, охватывают только часть литературных сюжетов, иллюстрированных более или менее часто в рукописях «Хамсе» Низами, хранившихся почти во всех крупнейших музеях, библиотеках и частных собраниях мира. Однако и эти примеры, ограниченные лишь иллюстрированными из нескольких рукописей (в основном из ленинградских собраний), дают достаточную информацию для обобщения материала и определения места и значения «Хамсе» Низами в развитии восточной миниатюры.

В рукописях «Хамсе» Низами, как и «Шах-намэ» Фирдоуси, произведений Хосрова Дехлеви, Абдурахмана Джами, Алишера Навои и других классиков восточной поэзии чаще всего иллюстрированы те образы и сюжеты, которые были традиционными, то есть еще задолго до появления поэм Низами веками воспевавшимися в народных преданиях, литературных сочинениях и частично изображавшимися в произведениях декоративно-прикладного искусства народов Ирана, Азербайджана и Средней Азии. Другими словами, чаще всего иллюстрировались те сюжеты и образы, которые жили в народной памяти, занимали почетное место в художественно-литературной традиции народов Востока. Но наряду с такими традиционными мотивами, очень скоро стали излюбленными среди художников и сингели большую популярность (а следовательно, и стали чаще иллюстрироваться) те новые, оригинальные сюжеты и образы, которые впервые были привнесены в поэзию и через нее и изобразительное искусство народов Востока гением Низами.

Процесс утверждения в изобразительном искусстве, в том числе и миниатюрной живописи, строев и сюжетов «Хамсе» Низами адекватно сравнительно недолго. В ходе утверждения в миниатюрной живописи литературных сюжетов «Хамсе» очень скоро была выработана определенная традиция как в выборе иллюстрируемых эпизодов, так и в их художественной интерпретации.

В художественной трактовке сюжетов Низами, особенно новых, оригинальных сюжетов, возникли варианты, определенные колоритными элементами, которые оказали существенное влияние на образный строй создаваемых миниатюр. В результате многие оригинальные миниатюры к первым и ранним рукописям «Хамсе» Низами очень скоро сами превратились в традиционные, стали играть роль прототипов, объектов подражания, своеобразных этапов по созданию многочисленных «доблестных наивере», причем для иллюстрирования не только поздних списков поэм Низами, но и аналогичных и сходных сюжетов произведений Хосрова Дехлеви, Джами, Навои и других классиков восточной поэзии.

Таким образом, в миниатюрной живописи народов Ближнего и Среднего Востока появились многочисленные произведения на мотивы «Хамсе» Низами или созданные под их влиянием работы, которые обогатили миниатюрную живопись новой тематикой, интересными, драматическими сюжетами, образами, отражающими гуманистические идеи.

Подолжилось большинство миниатюр, воспроизведенных в настоящем альбоме, отобразено из многочисленных иллюстрированных рукописей «Хамсе» Низами, хранившихся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ГПБ). Как известно, в эту библиотеку среди богатейших коллекций восточных рукописей хранились немало шедевров книжного искусства, в том числе и несколько списков «Хамсе» Низами.

Лучшие иллюстрации к наиболее ценным в художественном отношении рукописям «Хамсе», созданные талантливыми мастерами ведущих школ миниатюрной живописи XV—XVII веков, отличаются ярко выраженным оригинальным стилем, изысканным мастерством. По художественно-эстетическим качествам эти миниатюры, безусловно, стоят в одном ряду с лучшими классическими образцами восточной живописи.

Например, ширазская школа конца XV — начала XVI века представлена в альбоме миниатюрами рукописей «Хамсе» 1479 года (ГПБ, Дорн 338), 1491 года (ГПБ, ПИИ 83) и иллюстрированной 1508 года, которые являются типичными образцами ширазской школы периода формирования нового стиля и ярко отражают характерные его особенности.

Развитый стиль ширазской школы XVI века представлен миниатюрами «Хамсе» 1543—1544 года из собрания Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР (Д 212) и «Хамсе» 1545 года (ГПБ, ПИИ 105). Миниатюры этих рукописей особенно отражают характерные черты нового живописного стиля ширазской школы середины XVI века, сложившегося под непосредственным влиянием تبریسکی школьной школы, которую возглавлял крупнейший художник Султан Мухаммед.

Иллюстрации рукописи «Хамсе» 1482 года (ГПБ, Дорн 338) вместе с миниатюрами рукописи 1491 года из Государственного музея искусства народов Востока в Москве (инв. № 16591) представляют собой еще один этап в развитии. Характерные черты этих миниатюр — яркое звучание, контрастирующие цвета в сочетании с обильной позолотой, нежная, радостная гамма тонов, праздничная декоративность, вы-

сокое мастерство исполнения — являются отличительными особенностями стиля تبریسکی школы конца XV века, возглавляемого выдающимся художником Кешавад-Дином Бехзадом.

Исфаганская школа представлена в альбоме миниатюрами рукописи «Аксендер-наме» (ГПБ, Дорн 344) и «Хамсе» 1636 года из Республиканского рукописного фонда Академии наук Азербайджанской ССР (Баку). Причем, если в миниатюрах «Аксендер-наме» наблюдаются черты, характерные для несформировавшегося еще стиля, то миниатюры бакинской рукописи «Хамсе» являют все признаки вполне сложившегося стиля столичной исфаганской школы начала XVII века.

Миниатюры рукописи «Хамсе», датированной 1578—80 гг. (ГПБ, ПИИ 272) по стилю и манере исполнения являются типичными образцами бухарской школы. В миниатюрах же одного из первенных образцов книжного искусства Средней Азии — рукописи «Хамсе» Низами 1648 года (ГПБ, ПИИ 66) нашли отражение индико-среднеазиатские художественные связи. В этих миниатюрах, созданных в результате взаимовлияния и взаимообогащения бухарской и могольской живописи, доминируют характерные черты мавераннахрской школы.

Тегрибаская школа азербайджанской живописи представлена в альбоме высокохудожественными, классическими образцами миниатюр. Приведенные иллюстрации к рукописи «Хосров и Ширин» 1410—1420 гг., Ставбульские рукописи конца XV — начала XVI в. (Музей Топкапи, И 766), знаменитого лондонского списка 1539—1543 гг. (Британский музей, Ор. 2265) и другие по своему художественно-эстетическому качеству выгодно отличаются от своих «сверстников» — миниатюр, созданных примерно в то же время представителями других школ восточной живописи.

Общепризнанные шедевры миниатюрной живописи — иллюстрации лондонского экземпляра «Хамсе» Низами, созданные талантливыми плеядой тебриских художников, выдающимися мастерами книжного искусства Султаном Мухаммедом, Ага Мирехом, Мир Мусавиром, Мирза Али, Музафаром Али и Мир Сейидом Али — являются романтически возвышенным образным строем, пронизанным яркой стилистической декоративностью.

Подбор миниатюр из указанных рукописей сделан с таким расчетом, чтобы показать наиболее типичные, часто повторяющиеся миниатюры, иллюстрирующие в основном главные, ключевые сюжеты так, чтобы приведенные примеры охватили по возможности все ведущие школы миниатюрной живописи XV—XVII веков и могли бы представлять не только об эволюции иллюстрированной «Хамсе» Низами, но и об общем развитии миниатюрной живописи Ирана, Азербайджана и Средней Азии.

Воспроизведенные миниатюры расположены в порядке, отражающем хронологию создания пяти поэм «Хамсе» Низами, а внутри каждой поэмы — согласно последовательности литературных эпизодов.

В начале альбома расположены в основном двойные фронтисписы — разворотные титульные листы, которые, как обычно, не связаны с конкретными литературными текстами. По содержанию характер своеобразно «обобщающего и обобщительного повествования» и адресованы правителям, для которых изготовлялись рукописи. Поэтому в них, как правило, изображаются так называемые «безразличные» сюжеты: сны ирвов, шахские приемы, музыкальные межделки и другие бытовые сцены, отражающие жизнь, художественные вкусы и эстетические требования правителя и при дворе великодержавца. В функциональном отношении они и структуре рукописной книги и носят декоративный характер, служат для украшения титульных листов.

Миниатюры к отдельным поэмам подобраны и расположены так, чтобы они зрительно, посредством художественных образов передавали содержание основных эпизодов сюжета и в совокупности всей поэмы. Часто к одному (конечно, наиболее популярному) сюжету даны два, иногда и три варианта иллюстрирования, исполненные представителями разных школ. Это сделано специально, чтобы, сравнивая такие миниатюры, читатель мог наглядно увидеть как общие, так и отличительные особенности стиля этих школ, оценить художественные достижения каждой из них.

Наиболее значительные иллюстрации, созданные художниками тебриской, ширазской, тегрибаской, бухарской и других школ, позволяют заключить, что в процессе иллюстрирования поэм Низами миниатюрная живопись жила в процветании и сложный путь исканий и в результате достигла подлинной зрелости и сложной зрелости.

В заключение следует отметить, что воспроизведенные в альбоме образцы позволяют в целом правильно определить и увидеть место и значение «Хамсе» Низами в развитии восточной живописи, показать, насколько популярны и широко распространены были сюжеты и образы великого поэта в миниатюрной живописи различных школ, огромное воздействие оказали они на творчество художников различных школ, способствуя появлению многочисленных произведений искусства и определяя их идейно-эстетическую направленность.

Бессмертные поэмы Низами, ставшие за годы советской власти достоянием народа, продолжают оставаться неисчерпаемым источником творческого вдохновения. Но воздействие «Хамсы» Низами на развитие азербайджанского искусства стало более глубоким и всесторонним. Сфера влияния поэзии Низами не ограничивается теперь только изобразительным искусством, а охватывает все стороны азербайджанского искусства. Сюжеты и образы Низами нашли свое широкое отражение не только в книжной графике, живописи, скульптуре и других видах изобразительного и декоративного искусства, но и в языке, балете, театре и киноискусстве.

Благодаря заботе партии и правительства, Постановлению ЦК КП Азербайджана «О мерах по развитию изучения, издания и популяризации литературного наследия великого азербайджанского поэта и мыслителя Низами Гюльстемли», значение «Хамсы» в развитии азербайджанского советского искусства на современном этапе все более возрастает, обретает новые формы и содержание, способствует всестороннему освоению бесценного духовного наследия Низами.

The creative heritage of the great poet and thinker of the Azerbaijanian people Nizami Ganjevi, one of the leading figures of the world literature, has enriched with his ingenious writings the treasure-house of world artistic culture.

Unique in ideological-aesthetic concepts, excellent poems of «Khamasa» by Nizami having absorbed the highest accomplishments of Oriental poetry as well as rich folk traditions, have greatly influenced and continue to exercise influence upon the development of literature and art of the peoples of the Near and Middle East.

The «Khamasa» poems by Nizami comparable to the bright stars in the galaxy of Oriental poetry have been an inexhaustible source of the creative inspiration of many a classic poet of oriental poetry. It has generally been acknowledged that second to «Shah-Sameh» by Fir-dowsi, the greatest number of «nazirehs» — (imitations) in Oriental poetry were written in imitation of «Khamasa» by Nizami, by such prominent poets and thinkers of the peoples of the East as Khosrov Dehlevi, Abdurrahman Jami, Alisher Navoi and other classic poets. This can be attributed to the fact that the poems of «Khamasa» reflecting progressive sociophilosophical and artistic-aesthetic ideas, glorifying generosity and beauty of man, freedom and love, justice and devotion, speaking up against hypocrisy and dissimulation, against the vices of the contemporary society were close to the people, attracting constant attention of all strata of the population.

Nizami's «Khamasa» exerted a tremendous beneficial effect on the development of art book, miniature painting, various branches of graphic and decorative-applied art of the people of Moslem East.

It can be said without exaggeration that Oriental poetry akin to antique mythology of ancient art of Greece can be considered «the armoury and the soil» (K. Marx) for Oriental art. Besides, Oriental poetry, namely its most precious gem, «Khamasa» by Nizami, had fulfilled still more important and difficult task: it waged the struggle for the right to existence of the graphic arts itself.

In the most difficult conditions of domination of religious ideology which stood in the way of the development of graphic arts, the progressive representatives of Oriental culture — great scientists (Ibn Sina), poets and thinkers (Nizami, Jami, Navoi), painters (Dust Muhammad, Sadig bey Afshar) stood against religious tendencies of Islam, upholding the right to the existence of graphic arts. They considered art as one of the important and effective means of cognition of reality, powerful tool of ideological-aesthetic and ethic upbringing of people, emphasizing the expressiveness of art as its most fundamental quality.

The ability to represent reality for Nizami was a feature of manifesting great talent in man, who was able to transform the real life according to the laws of perfection. Nizami renders his delight praising the magic art of the painters, such as Munzir, Shapur and sculptors as Farhad and legendary Mani. In the poem «Khosrov and Shirin» Nizami often praises the painter Shapur and the power of his skill:

«He was the king of the pen,
He was fast in painting faces;
His thought could weave the design
without using a brush;
His delicate works were so gentle,
That he could create his images
on the surface of waters»

Further on, in the same poem Nizami sings glory to the creative skill and miraculous talent of the painter:

«The face that I painted without an effort
Would behold the world;
And when I paint a bird,
It would raise its wings»

The poet admires wonderful craftsmanship of Farhad, putting his appraisal in Shapur's words:

«Bending over siliceous boulder
with skillful pick
He draws a bird sitting on a fish,
Before him whole Rum (Byzantine) kneels down,
Having ground the stone,
He draws pictures on it,
As if the stone is wax.»

The poet is enraptured by the works of art painted on the walls in the Khavarnak palace, where charming images of seven beauties, hunting scenes, overwhelming skill and feats of the heroes were commemorated.

The artistic activity in Nizami's poems is meant to be a kind of peculiar imitation of real life, the representations and reality are interlinked with each other. According to the poet «the courtiers frightened by Iskander were rooted to the spot in such silence as if they were turned into murals on the multicoloured walls». Again, in another place of the poem, we read:

«When tiger-like horseman
 Riding a copper horse
 Was racing in the silence of
 an approaching dawn,
 The field was like a mural painting
 on the wall:
 A flock of game, clouds of dust,
 rocks, the distance aflame».

In the poem of «Iskander-Nameh» a separate chapter is devoted to the contest held between the Chinese and the Rum (Byzantine) painters; here the poet also inserted a special story about «Mami, the artist», glorifying merits of this painter and the miraculous force of his art.

The quotations given above, as well as many others, should we choose to continue in citing them, assert the fact that Nizami appraised greatly the creative activity of the painters, artistic possibilities of graphic arts, seeing in it a major means of cognition of the real life, thus fighting theoretically for its right to existence. This is a distinctive feature of the role played by Nizami's «Khamas» in the development of graphic arts.

Immortal poems by Nizami which had gained great popularity, exercised a great and direct impact on the development of art books. They served as a powerful incentive for creating a great number of brilliantly illuminated manuscripts, composed by cooperative painstaking toil of talented khattars — calligraphers, nakshas — painters, muzahhibs — illuminators, mujallids — bookbinders, and other masters of art books.

Philosophico — deductive, lyrical — romantic, historicoheroic poems of great Nizami were an inexhaustible source of creative inspiration for the painters. These poems furnished them with diversified and beneficial material, enriched their art with new, original motifs, progressive humanistic ideas. Extremely popular, rich in content subjects, heartfelt favourite images, spiritualized force of «Khamas» by Nizami — all these had greatly impressed the creative imagination of the painters, aiding them in producing a great number of artistic works.

Great popularity of Nizami's themes among painters and craftsmen is manifested in the fact that soon after the completion of «Khamas» its numerous subjects and images were reflected not only in miniature art, but also in diverse branches of graphic and decorative — applied art, having been represented on highly-valued objects of decorative — applied art and on the items produced in artistic crafts, painted ceramics and metal-work. The themes of «Khamas» have found a considerable application in the adornment of the interiors of the palace premises.

It is worth mentioning that the images and motifs of «Khamas» were widely spread and attained tremendous popularity not only in the art of Medieval Azerbaijan, the poet's birthplace, but far beyond it, in many countries of the Near and Middle East.

Today it seems impossible to ascertain as where, when and in what branch of art the artistic works based on the subjects of «Khamas» by Nizami were the first to have appeared. Yet, it can be supposed that the process of illustrating Nizami's manuscripts began soon after the poems had been completed. It should be noted that until recently the earliest of all known MSS by Nizami were considered to be those which are preserved in the National Gallery in Paris dated from 1360, while the earliest illustrations were thought to be the illustrations to the «Anthology» dated from 1410 produced for Iskander Sultan. At present the earliest manuscript of «Khamas» by Nizami is believed to be the one dated from 1318 in the Library of Teheran University, while the earliest illustrations are ascribed to the miniatures of the said manuscript, executed in the sixties of the 14th century. However, the opinion of B. P. Denike to the effect that «the possibility of discovering still earlier illuminated MSS of the great Azerbaijanian poet is not excluded»¹ still holds true.

It is hard to believe that before the 'sixties of the 14th century no illuminated MSS of «Khamas» by Nizami were created. It seems probable that such manuscripts did exist, but they have not come down to the present day.

One of the earliest examples of the artistic interpretation of the poetic patterns of «Khamas» known in the art is a ceramic dish produced by the artisan Shams' ad-din Hassani in 1210. The dish illuminated with lustre painting depicts a favourite and often reiterated episode from the poem «Khosrow and Shirin» — «Bathing Shirin» is seen by Khosrow.

Another early example, which reflects the subject of Nizami's «Khamas» in the decorative — applied art, is a clay jug dating to the beginning of 17th century found in Khauz-khanna in the Turkmenian SSR. The illustration on the surface of the jug is the scene which depicts the legendary warrior Farhad, engaged in cutting the mountain Bisutan, who saves Shirin from falling off the horse. This subject depicting Farhad who is carrying a horse together with the riders on his shoulders, later becomes one of the most favourite and traditional themes in miniature painting. According to the author of publication the Khauz-khanna jug is attributed «to the first score of years of the 13th century».²

Taking into account that the poem «Khosrow and Shirin» was completed in 1181, and its subjects were represented on the ceramic objects as early as in 1210—1330, it can be concluded that this poem had won widespread acclaim during some twenty-three years not only among the poets and admirers of poetry, but also among the painters and artisans of decorative — applied art, its fame spreading not only over the poet's native land, but far beyond its frontiers.

ers. Yet, it is improbable, that the subjects and images of Nizami's «Khamas» were reproduced first on the objects of decorative — applied art rather than in miniatures. It can be supposed that illuminated manuscripts of Nizami's «Khamas» were elaborated following the completion of the poem itself and even earlier than the objects of painted ceramics had appeared. The illustrations of one of such manuscripts were likely to have served as a prototype for the images of the Khauz-khanna jug and the dish produced by Shams' ad-din.

The subjects and images of «Khamas» were widely used in the decorative — applied art, especially in the 15th and 17th centuries on the silk and velvet fabrics; it was quite common to represent such subjects on «Mejmun in the Desert», «Leili on Camelback goes to Visit Mejnun», «Leili and Mejnun among Beasts», «Bathing Shirin is Seen by Khosrow», etc. Among these ornamental fabrics of the greatest artistic value are the fine works of decorative expressiveness created by the famous nakshbend (illuminator) Ghiyaz from Yazd, a court master of Shah Abbas I.

The artistic interpretation of the subjects and images of «Khamas» has found its most illustrious and broad expression in the art of book illumination of the Near and Middle East miniature paintings.

Just as in the classic Oriental poetry the greatest number of nazhirs (imitations) were written on Nizami's poems, and as an art book «Khamas» served as an example for numerous illuminated manuscripts.

Since the imitations and answers to Nizami's poem were highly esteemed in the East as a measure of workmanship, so creating the finest miniatures of «Khamas» was considered a painstaking but honourable task facing the painters and schools of painting. The leading schools of Middle East miniature, as well as some individual prominent painters of these schools, could be competing among themselves in producing the most valuable illuminated scrolls for the two greatest monuments of Oriental literature: «Shah-Nameh» by Ferdowsi and «Khamas» by Nizami.

It is generally accepted that in quantity of illuminated manuscripts Nizami's poems are second only to «Shah-Nameh» by Ferdowsi. It is worth mentioning that almost all famous museums, libraries and private collections the world over, i. e. those of London, New York, Washington, Istanbul, Teheran, etc. can be proud of numerous illuminated manuscripts of «Khamas» executed in 14th—17th centuries in various schools of miniature painting in the Near and Middle East. These scrolls include genuine masterpieces of art book, created by leading painters, calligraphers, etc. — masters of the Tabriz, Shiraz, Herat, Meshed, Isfahan, Bukhara schools of miniature painting.

Today, the earliest miniatures of «Khamas» are those illustrations in the manuscript of 1317—18, created in 'sixties-seventies of the 14th century (Teheran, the University Library).

The numerous illuminated manuscripts of Nizami's poems are to be found in the USSR, mainly in the Salytkov-Shehidin Public Library in Leningrad. It gives us pleasure to note that among the illuminated scrolls of Nizami's poems found in the Soviet Union the earliest copy is in Baku. This is the manuscript of «Iskander-Nameh» of 1418 preserved in the Nizami Literature Museum (Baku).

Among illustrated manuscripts of Nizami's poems the most noteworthy and valuable ones in their artistic significance is the manuscript of «Khamas» of 1431 (Leningrad, the State Hermitage) illuminated with thirty eight miniatures; the manuscript of 1490 (Moscow, the State Museum of the Peoples of the East) with fifty six miniatures; the manuscript of 1494—95 (London, the British Museum), captivating miniatures of which were executed by outstanding artists of Oriental painting K. Behzad and Kasim Ali; the manuscript of 1648 of the Bukhara school (SPZ, Dorn 66) and others scrolls.

For present-day readers, of particular interest and historic — artistic value are such fine specimens of book art as the manuscript of the poem «Khosrow and Shirin» of the early fifteenth century (Washington, the Freer Gallery), the famed copy of «Khamas» of 1539—1543 (London, The British Museum); little known in the art but unique codex of «Khamas» 1481 (Istanbul, the Topkapı Museum), the miniatures which were executed by the artists from the Tabriz school of miniature painting of the late fifteenth century and the early sixteenth century.

In the history of miniature painting of the peoples of the East it is known that each school has two or three masterpieces of art book to its credit, which were executed in full conformity with the aesthetic and artistic accomplishments of the items. The manuscript of «Khamas» of 1539—1543 which was specially produced for Shah Tahmasb is considered one of the best by many scholars, while its miniatures are esteemed as the most perfect works of Oriental painting. In fact, the miniatures of this unique scroll, marked with exceptional magnificence of its decoration are by right valued as the most wonderful monument not only of the Tabriz school at its utmost flourishing period, but also of the whole Azerbaijan and Oriental painting.³

The general number of miniature manuscripts of «Khamas» which are considered to be masterpieces of Oriental painting is quite big. According to L. Dushkudrova⁴ who first compiled the «Index of miniatures to the poems by Nizami», the manuscripts of the great poet, in the possession of the Soviet and foreign collections contain 2057 miniatures.⁵

¹ B. P. Denike «Sovremenniy Nizami (Tomey) i iskusstvo Azerbaydzhana» (Sovietk XV, XVIII vekakh) «Nizami» Nizami, IV, Baku, 1947, str. 72.

² V. N. Bakalova «Gilyany Kavkaza XII—XIII vekov i etnolozhiki Azerbaydzhana», «Sbornik» «Srednaya Azia i Kavkaz», Leningrad, 1972, str. 105.

³ Denike B. P. «Sovremenniy Nizami (Tomey) i iskusstvo Azerbaydzhana» (Sovietk XV, XVIII vekakh) «Nizami» Nizami, IV, Baku, 1947, str. 81.

⁴ Dushkudrova L. N. «Izbrannyye miniatyury i srednovekovyye persidskiy mimnatsiy zhivotopisnyy i kandidatskiy tezis», Leningrad, 1978, str. 4.

It should be noted that this considerable number of the scrolls is those only known to this scholar. If one takes into account that only in the Topkapi Museum in Istanbul there are sixty seven manuscripts by Nizami with more than 1,600 miniatures, to say nothing of the manuscripts preserved in foreign collections which were registered in the published catalogues, one can become well aware of the extent to which this moderate figure given by Dodkhudoyeva should be augmented.

What are the reasons of such widespread popularity of the images and themes of Nizami's poems in miniature painting? No doubt the reason of this is that these poems expressed the progressive and humanistic ideas of the whole East; the most advanced ideals of Oriental medieval life. The dreams and aspirations of the oppressed people had found in them their most profound expression. These poems glorified love and freedom and they are endowed with passionate protest against oppression and social injustice.

The subjects of «Khamasa» became very popular and were often repeated because of their florid metaphoric idioms, unique wealth of poetic range of expression, refined artistic form revealed by the great poet, aided the artists in finding proper poetic graphic designs of images, decoratively vivid artistic patterns. The motifs of «Khamasa» were so popular and used in illustration because they were earthly in their essence, conceivable in spirit, expressive and true to life. Hence the artists' interpretation of literary themes did not present great difficulty as both the professional artist and the general reader could easily build up in the imagination a vivid picture of every event described by the poet.

The creative task of the illuminator was simplified by the fact that the poet presented real pictures of everyday life. The poet gave detailed pictures of hunting scenes, battles and duels, literary-musical mejlises (gatherings), feasts and other everyday events of various content.

Nizami's poems depict a wide panorama of everyday life to the artists who probably thought it to be very closely related to the life of their contemporary society.

Thus in depicting a literary subject the artist at the same time gave real picture of the epoch and society to which he himself belonged. Therefore the representation of the same literary subject could be varied according to the time period and locality of the execution of the particular miniature.

It is worth mentioning that the themes of some poems by Nizami determined not only their own subject-matter and moral concepts of the poet's writings, but also left a considerably pronounced mark on the development of their artistic forms and graphic designs. To illustrate this, reference should be made of some events: in depicting a legendary castle Khavaranak of Prince Bahram, Nizami tells about fine mural painting which decorated the walls. The mural painting was used to glorify and immortalize Shah's exploits and his courtiers. For example, while on a hunt, Bahram at a shot kills both an oger and a lion which attacked the oger; the artists were commissioned to immortalize this exploit of the Prince.

«They painted using gold, in Khavaranak
A picture, depicting an oger,
and a lion above it.
The Prince shot an arrow,
Which, having pierced the two beasts,
disappeared in the ground
up to the plumage.»

In another example: the portraits of seven beauties were painted on the walls of one the royal pavilions:

«These seven beauties were
portrayed by Simsir —
the Magician himself.
All of them were enclosed in a circle
in the middle of the circle,
like a nut surrounded by a shell,
—
A handsome young knight was
depicted.
He has a pear-loof belt,
He wears a crown with ears,
Which are black like musk.»

It is clear that artistic interpretation of these literary themes did not present difficulty for the artists. On the contrary, these themes not only determined subject-matter of the miniatures dedicated to them, but also rendered concrete assistance to the artist in selecting a composition or solving the images.

Though interpretation of these favourite themes were subject to minor alternations according to the time and locality of the execution of the miniatures, as well as in accord with individual skill of the artist, their total compositional set-ups had acquired traditional character.

The subject «Bahram at a shot kills a lion and a gure» (ogrer) found its full expression in the work of the outstanding Azerbaijani artist of the sixteenth century Sultan Muhammad in the famous London copy of «Khamasa» by Nizami of 1539—1543. It is marked with terseness of expression, striking simplicity and monumentality of the composition, with vividly portrayed figure of Bahram.

The second subject is devoted to Bahram-Gur visiting a hall with the portraits of seven beauties. This subject found its most full expression in the miniature of the unknown Shiraz master in the scroll of «Anthology» of 1410.

These literary themes which could be easily transformed into the idiom of painting, providing the artist not only with the subject but with the form of expression, are to be found in other poems of Nizami.

All the poems of «Khamasa» were illuminated to a greater or lesser extent. It seems quite natural, however, that the «Treasury of Mysteries» was illustrated to a lesser degree. And it is not surprising, since the philosophical — didactic content of the main chapters — makala (talks) with abstract disclosures were difficult for comprehension, limited the creative scope of the artist in choosing a proper form of expression. It is known that each of the twenty talks (disclosures) ended with a parable which reveals the moral content of the talk in a poetic manner. It is to these parables which are narrated in realistic — poetic form the artists owe the embodiment of the poet's ideas in real artistic images which they used in their works. These ideas propagated equality and justice, called to defend the rights of the poor fighting against the tyrants — feudal lords. Thus «the poem by Nizami had gained him fame, attracting the hearts of the humiliated and oppressed». That is why such parables as «Sultan Sanjar and the Old Woman», «Nushirvan Listens to the Talk of Two Owls», «The Tyrant King and a Truthful Old Man», «The Contest of Two Sages» and the like, full of denunciation were rarely illustrated. The reproduction of these episodes confirm the fact that the progressive humanistic ideas of Nizami were not alien to the artists. It is quite reasonable to suppose that depicting such denunciatory literary themes of the bygone times the artists strove to warn their rulers against injustice.

It is true that the limited scope of symbolico-decorative graphic design of miniature painting did not always permit the artist to convey expensive paths of the literary text, but undoubtedly, he felt sure that the subjects so well known to the reader would evoke the latter's imagination reminding him of the poet's bold appeals. These subjects were rarely illustrated. The artists seemed to be afraid to cross anger of their customers — feudal lords.

Among favourite miniatures on the theme «Sultan Sanjar and the Old Woman» mention should be made of those produced by a Shiraz artist of the early fifteenth century, the prominent Bukhara master Muhammad Muzabbih in 1545 in the manuscript of «Treasury of Mysteries» (Paris, National Library) and the famed Tabriz master Sultan Muhammad; of greater artistic value is the latter's work, executed for a well-known London scroll of «Khamasa» of 1539—1543. The first of the mentioned miniatures is characterized by ample simplicity and archaic design, depicting a multifigured hunting cavalcade, while the second miniature by Sultan Muhammad is a classic example of representation of this subject in miniature painting.

The second poem by Nizami «Khosrow and Shirin» was illustrated by far more often than the «Treasury of Mysteries». Written on the basis on a Sassanian chronicle and folk legends, very original in its ideological conception, this poem enriched miniature painting with new democratic and humanistic ideas, unique images, lyric-romantic subjects.

It is also true that some of the images, including main heroes of the poem — Khosrow and beautiful Shirin were traditional. These images had long existed in folk legends, they were widely used by the great poet Ferdowsi in his immortal work «Shah-Nameh», they can be found in the relics of graphic and decorative — applied art.

Putting aside all known versions of this legend, the great Nizami composed a completely new poem — the poem of triumphant love. According to E. E. Bertels, this gem of Oriental poetry is one of the greatest masterpieces not only of the Azerbaijanian but of world literature as well.** In this poem for the first time in literature the personality of man is presented deeply and truly with all contradictory aspects of his character. Thus, the subjects and images glorified by the great poet soon became favourite and enjoyed great popularity with artists. The most frequently depicted were the motifs with the main heroes of the poem — Khosrow, Shirin and Farhad. Such subjects as «Bathing Shirin is Seen by Khosrow», «Shirin visits Farhad at and Farhad», «Farhad at the Mount Bisatuz», «Farhad Saves Shirin», etc., first introduced into miniature painting in the illustrations to the scrolls of «Khamasa» by Nizami, later on became traditional by themselves.

The interpretation of one of the most favourite subjects of «Khamasa» by Nizami, «Bathing Shirin is Seen by Khosrow» can be taken as an illustrative example. The artist of different times and schools gave various interpretations of this subject in their works, adding new «graphic nazirsh». Yet in the majority of the miniatures executed by the Tabriz, Shiraz and Herat artists of the fifteenth and sixteenth centuries there existed a certain traditional design and graphic pattern in spite of some individual distinctions and creative reworking to the subject.

Beginning with the early example of interpretation of this subject in the manuscript «Khosrow and Shirin» of 1410—1420 (The Freer Gallery), in almost all the manuscripts the action takes place against the background of differently interpreted landscape. Rock and mountainous ridges, mighty plains, evergreen slender cypresses and blossoming trees, multi-coloured shrubs, silver water pool with winding irrigation ditches — all these make up a background of this landscape in the lower part of the miniature. The artist shows half-naked Shirin

* E. E. Bertels «Nizami» M. 1966, str. 100.
** E. Bertels «Nizami» M. 1959, str. 124.

bathing, her horse is placed nearby; above them is Khosrow on horseback, expressing his amazement and admiration of Shirin's beauty with a traditional gesture — biting his forefinger.

In almost all the miniatures devoted to the theme, the basis of the compositional design remains unchanged, while only some minor details are subjected to alteration, i. e., some components of the landscape, depiction of figures, colour composition, etc. This subject has found its classic embodiment in the famous miniature by the outstanding Azerbaijani artist Sultan Muhammad in the unique manuscript of «Khamasa» of 1539—1543 (London, the British Museum). This miniature is ranking among the finest examples of Oriental miniatures both in poetic wealth and graphic expressiveness of its design.

It should be noted that similar to other literary subjects, this particular one has been marked with considerable poetic licences. Thus, in one of the manuscripts of «Khamasa» by Nizami dated from 1636 preserved in the Republican Manuscript Fund of the Azerbaijan SSR (Baku, M — 207), the unknown artist has limited his illumination of this subject by depicting only bathing Shirin, having excluded the figure of Khosrow.

There is no doubt that only few of the subjects associated with the image of Khosrow were really new or original in miniature painting. Some of the themes had their prototypes even though they were neither traditional nor popular. It is quite natural that illustrations of these subjects repeated to some extent the principle of interpretation and compositional design of similar subjects from other literary works. This is valid, for instance, for all the miniatures based on the theme «Khosrow near Shirin's Castle», which somewhat departed from the literary context by Nizami in the interpretation of this favourite subject.

From the poem it is clearly seen that when Khosrow stood near Shirin's castle begging for her condensation it was winter, dusk was falling and it was snowing. On the miniatures, as a rule, the scene is laid in spring, on a fine sunny day, against the blossoming background.

Not excluding other reasons, we think that the artist who illustrated this subject could have used the miniature by Javad Sultanov «Humai at the Castle of Humayuns from a well-known manuscript of Kermani dated from 1396.

Among non-traditional subjects which had entered graphic arts through Nizami's poems, of exceptional significance are episodes related to the third hero-legendary Farhad. The image of Farhad first introduced by the genius of Nizami into Oriental poetry and through it into miniature painting can be considered as a character of a quite new man in the feudal society. He is a representative of the working people — urban craftsmen. All traits of his character remind us of a perfectly new type, new epoch, — man of the Renaissance era. He is a harmoniously developed man, highly talented artisan: he is a skillful stone-cutter and sculptor, freedom-loving, honest, and noble, bold and strong. Exactly in this way the image of Farhad is interpreted by the artists in their works devoted to the heroic toil of this legendary «mount-digger», to his creative activity as a sculptor and finally, tragic death of the faithful lover.

It is impossible to say how many splendid, ideologically and aesthetically unique illustrations were separately produced by the artists of diverse schools. One thing is clear: the image of Farhad and the themes associated with his activity are the most favourite and frequently reiterated literary subjects.

It should be noted here that the influence of these literary episodes as well as iconographic and compositional designs based on them was so great and steady, that they left a considerable trace on the compositional and graphic solutions of many a miniature, in which similar subjects were illustrated by Khosrow Dehlevi and Alibey Navoi. The reason of this phenomenon apart from the above mentioned considerations, should be attributed to the fact that the image of Farhad as given by Nizami — a son of his people and a simple toiler — was more to the liking of the unsophisticated artists than the image of a Chinese Prince as the followers of great Nizami, — Dehlevi and Navoi, had interpreted it.

Without dwelling upon separate miniatures on the theme of «Khosrow and Shirin», it should be noted that their earliest specimens were produced in the years 1410—1420 by the artists of the Tabriz and Herat schools. Among the miniatures of the early 16th century of especially great artistic value are the illustrations (only five of them are available) of the separate manuscript of «Khosrow and Shirin» of the early fifteenth century which were first published by a prominent art critic Aga-ogly* and «Anthology» of 1510. Among the miniatures of the sixteenth century of great interest are the illustrations to the Nizami's «Khamasa» dated from 1581 kept in the Topkapı Museum, a separate miniature «Shirin visits Farhad at Bisuntun Mount» by the unknown Tabriz master of the middle of the 16th century** and the illustration of the London copy of «Khamasa» of 1539—1543.

The third poem by Nizami «Leili and Mejnun» is one of the finest gems of the world literature. It can be said with confidence that it has exerted much greater and more direct influence on the development of literature and art of the peoples of the Near and Middle East as compared with the earlier poems.

It is known that this theme — the story of tragic romance of Leili and Mejnun at first did not attract Nizami, as this tragedy did not allow him to introduce into the narration the

stream of real life, depictions of court melées, royal feasts, hunting scenes, the beauty of his native land — its blossoming orchards, green meadows, etc.

«Where are music, wine, majlis?
Where is the garden to kindle light
thought?»
Dry sands, the desert, the crown of hills.»

The great poet, however, on the basis of this theme «as dry as the sands of Arabian steppes» created the splendid heartpiercing poem which became the most favourite among his writings in the Near and Middle East. Just as it is impossible to estimate the exact amount of literary imitations to «Leili and Mejnun» so it is just difficult to define even roughly the amount of miniatures and works of various branches of decorative-applied art, devoted to the depiction of the subjects and images of this poem.

The poem of «Leili and Mejnun», its moving characters of unhappy lovers, the story of their tragic romance soon became very famed among the artists, furnishing them with inspiration in creating perfectly new and original works in miniature painting.

The representation of the main heroes of other poems (Bahram-Gur, Khosrow, Iskander, Fitneh, etc.) and separate subjects associated with them being to some extent traditional, almost all the images and subjects of «Leili and Mejnun» were introduced into the graphic art of the peoples of the Near and the Middle East only due to Nizami's poems.

The most significant subjects of the poem from «Leili and Mejnun in the meadows», and to the tragic fate of the illfated lovers, which were first introduced into the graphic art by illuminated scrolls of «Khamasa» by Nizami, particularly such dramatic episodes as «Mejnun in the desert among wild beasts», his encounters with Leili and his father, «Mejnun in front of Leili's tent», a scene «at Leili's grave» and many others, soon gained wide popularity in miniature art of Azerbaijan, Iran and the Near East. Very soon the image of Mejnun had acquired strictly canonical pattern in miniature painting, i. e. Mejnun was portrayed as an emaciated young man, a wasted body with protruding ribs, the face of a sufferer. His halfnaked figure in rags is often depicted beneath a weeping willow, emphasizing his state of mind; he is shown in the desert among beasts or in chains. The image of Mejnun created according to the subjects of «Khamasa» by Nizami is one of the most favourite heroes in Oriental poetry which is characterized by a wide scope of influence.

Many miniatures to «Seven Beauties» associated mainly with the story of Bahram, frequently depicted traditional subjects about his valiant exploits, his deftness and courage. In fact, many key episodes of the poem like «Bahram and Fitneh hunting», «Bahram kills a dragon», «Bahram hunting lions», etc. were often depicted earlier than Nizami's poem. Similar subjects were found on the Sassanian metal-work, on the object of painted ceramics and in other branches of decorative art. In graphic arts these subjects were frequently reproduced in the scrolls of «Shah-Nameh» by Firdowsi.

The significance of Nizami's poems in the development of miniature painting is by no means confined to the representation of these and the similar subjects.

It is known that Nizami's poem is based upon two main lines: the story of Bahram; and a number of inserted narrative stories, independent of major plot. As a rule the most often selected subjects put to illustrations were the scenes of Bahram's pastime in seven pavilions with the princesses of «seven climates».

According to the poem Prince Bahram had built a wonderful palace with seven pavilions for his wives — seven princesses.

Each of domed pavilions had its own colour in accord with the days of the week and the planet associated with that particular day.

Every day Prince Bahram clad from top to toe in the garments of corresponding colour visits the palace of one of the seven beauties, the interior being of the same colour with the rest. After a feast, having listened to a fine music, Bahram asks the princess to tell him an interesting tale.

In treating the subject-matter of these inserted narrative stories, the artists from all schools illustrated, as a rule, the first half of its theme and very rarely took up the tale told by the princesses. It is evident that the artists considered these subjects as real scene of court life and treated them like everyday scenes of feasts, musical melées, love scenes, etc.

In illustrating this favourite subject the artists had gradually developed a certain design, which formed the foundation of this composition, which was varied in countless copies with style, school and individual talent of the particular painter. In the interior of the central domed pavilion, encircled by two of three maids and musicians, Bahram is seen listening to the tale of one of the seven beauties. The components subjected to some changes are: architectural shape and ornamental decoration of the pavilion, the number of maids and the musicians playing various musical instruments; the images of the main characters are treated differently; colour and manner of the execution were varied too.

While these scenes were often rendered by mediocre artists in monotonous and dull compositional designs, thoughtful highly-gifted masters daringly went beyond the limits of established canons, wholly changing its graphic design in principle rather than in detail.

* Aga-ogly — The Khosrow and Shirin. Manuscript in the Freer Gallery. «Ar. Istemsac», vol. IX, 1937.

** This large size miniature from The Album of Shah Tahmasib (N. 2161) is in the Topkapı Museum in Istanbul.

The illustrating example is the miniatures to «Khamsa» by Nizami dated from 1481 kept in the Topkapı Museum which were elaborated by the Tabriz artists Shelbi and Derwish Muhammad in the first decade of the sixteenth century. In these miniatures the theme was interpreted rather boldly: shah's pastime is shown against the broad picture of festive life, the miniatures are imbued with hedonistic mood corresponding with requirements and ideology of the ruling aristocracy.

The first major line of the poem — the story of the main hero, Bahram-Gur provided the artists with subjects numerous in amount and interesting in content. A great number of real and fantastic episodes of heroic exploits and noble deeds of Bahram-Gur gave the artists abundant and illustratively rich material, inspired them to create many a fine work of art.

The comparison of the known miniatures to the poem «Seven Beauties and those of «Shah-Nameh» devoted to Bahram-Gur exploits, reveals that the miniatures to the manuscript by Nizami are different from those to «Shah-Nameh» though they are characterized by identical themes, their difference lying in content and interpretation of the subjects.

For example, let's consider the miniatures «Bahram-Gur and Fitneh hunting and «Bahram-Gur and Azadeh hunting». A legendary deed of the Sassanian King Bahram is represented in both miniatures, but the subject has different interpretation in «Shah-Nameh» and «Khamsa». This subject of traditional character, can be seen in various branches of decorative — applied art — on the silver Sassanian dishes*, on the subjects of ceramics, on ornamental fabrics, etc.

On the earlier objects of decorative arts and in the illustrations to «Shah-Nameh» this theme was treated according to the tradition and Firdows's poem, and in quite different way in the miniatures to «Khamsa» by Nizami. The artists of «Shah-Nameh» very often illustrated the episode when enraged by Azadeh's insolence.

«Bahram struck, and lying in the saddle,
The Byzantine woman flew to the ground;
Bahram crushed the moonfaced girl
with his camel,
Hacking her arms, breasts and
the gaitery...»¹

It is to be noted that Azadeh was rarely depicted according to the previous episode, i. e. when she was racing on a camel, playing the harp.

This traditional subject in «Khamsa» has quite different interpretation. The cruelty of Bahram and tragic fate of the clever and bold beauty as given in «Shah-Nameh» were alien to the progressive ideas of the poet — humanist Nizami, as he put up neither with injustice of Bahram nor with the death of devoted Fitneh. Hence, Bahram in Nizami's poem is a man of pliable disposition with more rational mind. In the burst of rage he does not kill Fitneh himself. Remembering that to kill a woman is not a manly deed, he charges his chiefstain with this task. As we know, the further life of this resourceful girl had taken quite a favourable course.

It is clear that this new literary interpretation of this traditional subject brought to life new compositional design and new graphic solution in miniature painting.

It should be also made note of, that in Nizami's poem the story of Bahram-Gur is enriched with many new, quite original episodes.

Although the artists depicted mainly traditional subjects, nevertheless, some new episodes were also illuminated. As a result, not only in book art but also in other branches of decorative-applied arts there appeared perfectly new subjects, original in their essence. Such themes as «Fragile death of the architect Simnasa», «Bahram-Gur in the Khavarnak Castles», «Bahram kills a lion and a gur at a shot», «Bahram-shah and a choban (shepherd)», «Fitneh lifting a Bull-Calf» and other subjects became quite popular. Numerous works on these themes appeared in miniature painting in the fifteenth and seventeenth centuries. The artists of various schools while retaining a general compositional design, altered the interpretation of this subject, succeeded in creating works original in form and artistic in their expressiveness, imbued with rare perfection of execution. Among these miniatures mention should be made of «Bahram kills a lion and a gur at a shot» by Sultan Muhammad in the manuscript of Khamsa dated from 1539—1543, «Bahram-Gur in the castle of Khavarnak» of an unknown Shiraz artist of the early fifteenth century in the manuscript of «Anthology» of 1410, «Bahram-Gur takes a crown between two lions» in the manuscript of 1508 (S. P. L.), etc.

The greatest number of various and interesting subjects, both traditional and novel, can be found in the splendid episode «Iskander-Nameh» by Nizami. It is quite natural that in the illuminated scrolls of this historical novel (especially in its first part «Sharaf-Nameh (Book of Glory), the leading place is allotted to battle — painting miniatures, glorifying the valiant exploits of this legendary military leader, Iskander (Alexander the Great). It is obvious that Nizami's followers having rightly apprehended the ideas of the great poet, interpreted the image of Iskander not as a king, the conqueror, but as a hero — liberator. And in this way the image of the hero is depicted in miniatures, such as Iskander's battle with black savages, his duel with the monster, etc.

The characteristic traits of Iskander as a humane and just soldier are vividly and convincingly shown in the miniatures portraying him bending over dying Daria (Darius). This stagger-

ing dramatic event attracted attention of many artists who illuminated this poem. Some of them had interpreted this subject as a very simple, two-figured composition, while others presented complex, multifigured pattern, in which apart from Iskander, the conqueror, and lying Darius they depicted the assassins and the warriors who had captured them. Sometimes this subject was presented as a diptych where besides main heroes, numerous warriors watching the scene were depicted.

The artists succeeded in attaining genuine psychological expressiveness in the best miniatures on this theme.

A large group of miniatures is dedicated to Iskander's travellings which were full of exciting adventures. All these subjects gave impetus to creation new and original works, promoted the development of battle — painting and everyday genre.

It should be noted that a great difference existing between the two legends about Iskander as presented in «Shah-Nameh» by Firdowsi and «Khamsa» by Nizami is also characteristic of the miniatures illustrating these great examples of Oriental poetry with almost identical instances of subject-matter.

The image of Iskander is represented in numerous miniatures depicting court scenes, i. e. shah's receptions, mejlises, talks and other scenes of «vasl» type (extolment), presenting a character of the ideal ruler, the prince and the prophet.

In miniature painting the priority was given to those literary subjects which were first introduced into Oriental poetry by the genius of Nizami, appearing in graphic arts through the first illustrations to his poems.

Among these subject of particular interest are those associating Iskander with Azerbaijan. It is to be noted that this theme enjoyed great popularity and was often taken up not only by the Azerbaijan artists, the most favourite one being the episode of Iskander's encounter with Queen Nushaba. The artists of different times and schools differently treated this theme, varying both the subjects and some incidents of their meeting. In some miniatures Iskander who entered the palace boldly as a «strolling lion» humbly stands before the queen sitting on her sumptuous throne, in other miniatures Nushaba shows to Iskander, who pretended to be an enemy, his portrait «The Exposure of Iskander», while the most often repeated subject was the impressive feast of Queen Nushaba. After Iskander's exposure Nushaba arranges a splendid feast. When Iskander asks why he was given unfeatable food, Nushaba answers:

«If valuable stones cannot nourish you,
Why to wage useless wars to get them?»

This favourite subject is depicted in above mentioned manuscript of «Khamsa» from 1481 kept in the Topkapı Museum and is rightly valued for its expressive and refined perfection.

It is to be noted that in artistic interpretation of the literary subjects in «Iskander-Nameh» there are much more examples of deviations from the contents of the poem as compared with other parts of «Khamsa».

The favourite subject in the miniatures to «Iskander-Nameh» is the episode «Iskander and a Shepherd», which can serve as an illustrating example. According to the text, Iskander depicted at the illness of his beloved beauty and wishing to distract himself from his grief, mounts the roof of his palace; he sees an old shepherd, summons him and asks him to tell a tale. It is interesting to note that in all known miniatures the artists present this scene as follows:

Beholding a steppe and far away mountains the king sees a flock of sheep with a shepherd. The king orders that the shepherd be immediately brought to his throne.

It seems likely that court artists were afraid or considered it an impudence to depict a shepherd just near a ruler, near Shah's throne. They deliberately avoided to illustrate the following lines of the great humanist Nizami:

«And when the old man had mounted
the heights of the throne,
The roof of the throne fence
rose before a mortal being».

These deviations were to occur not because of the lack of imagination on the part of the artists, but in concord with moral-aesthetic code of the court.

In conclusion it should be said that the subjects and images of «Khamsa» had found greater sphere of application and distribution, than could be supposed to exist due to above mentioned centres of miniature painting. The fame of the subjects of «Khamsa» by Nizami was wide and widespread, that they could be found in miniature art of distant India, particularly in the works of the Mogul school of the late sixteenth and early seventeenth centuries* and of the Kashmir school of the eighteenth century.**

In spite of the fact that the Mogul and, more so, the Kashmir miniatures are characterized by quite distinct artistic idiom, they are considerably far from classic canons and outwardly lack the features of their prototypes; nevertheless, they are executed under the influence of traditions and principles characteristic of Iranian, Azerbaijanian and Middle Asian painting of the fifteenth and sixteenth centuries. And this is quite natural as these school themselves were established as a result of interrelations of traditions of these leading schools of Oriental miniature.

* P. Brown, «Indian Painting under the Moghols», Oxford, 1924.
** A. Adamova, I. Arick, «Minyatury Kashmirskikh tsarstvennikov», L. 1976.

* The Muir Hermitage Guide, L., 1919, vol. 102, L., 1969, vol. 112.
** Bahram-Gur in Azadeh's l., 1974, str. 4.

The miniatures scrutinized in this album form but a negligible part of the great amount of illustrations to Nizami's poems, which through many epochs had been elaborated by the artists of all leading schools of Oriental painting. According to the subject-matter, the miniatures presented in the album cover only a portion of the literary subjects which were often put to illumination in the manuscripts of «Khamsa» by Nizami, found almost in all large museums, libraries and private collections the world over. These examples, though confined to some illustrations of the poems by Nizami, i.e. from the Leningrad Collections of MSS, provide ample data for generalization of the material, thus making it possible to determine the role and significance of «Khamsa» by Nizami in the development of Oriental miniature art.

From the manuscripts of «Khamsa» by Nizami, as well as from «Shah-Nameh» by Fir-dowsi, from the works by Khosrov Dehlevi, Abdurrahman Jami, Alisibir Navoi and other classics of Oriental poetry, the artists took up traditional subjects, which had appeared long before Nizami's poems, as they had been glorified in folk legends, literary works or even represented the objects of decorative-applied arts of the peoples of Iran, Azerbaijan and Middle Asia.

Thus the attention of the artists was focused on the subjects and images which were vivid in people's memory, occupying a leading place in the artistic — literary traditions of the peoples of the East.

Side by side with traditional themes, new original subjects and images, first introduced into Oriental poetry and so through it into the graphic arts of the peoples of the East by the genius of Nizami, attained great fame and soon became most favourite and consequently most frequently illustrated subjects.

The process of establishing heroes and subjects of «Khamsa» by Nizami did not take long in the development of graphic arts. This fast process of strengthening literary subjects of «Khamsa» in miniature painting was soon over, manifesting itself with the establishment of a certain tradition both in the choice of illuminated episode and in artistic treatment of these themes.

These new compositional designs, new canons, elaborated for the artistic interpretation of the subjects of «Khamsa» by Nizami have considerably influenced graphic patterns of the miniatures. As a result, many new original miniatures painted for the earliest manuscripts of «Khamsa» by Nizami very soon became traditional themselves, enjoying the role of prototypes. They were the objects of many imitations, thus forming original standards for creating numerous «graphic nazirahs». Moreover this was true not only for illustrating later scrolls of Nizami's poem, but for illumination of similar and identical subjects in the works of Khosrov Dehlevi, Jami, Navoi and other classics of Oriental poetry.

Thus the miniature painting of the peoples of the Near and Middle East has been enriched by innumerable works based on «Khamsa» by Nizami or on the works created under their influence, which furnished miniature painting with new subjects, elaborate themes and favourite images, humanistic ideas.

The great majority of miniatures displayed in this album have been selected from numerous illustrations of MSS of the «Khamsa» by Nizami, preserved in the State Public Library named after M. E. Saltykov-Shchedrin in Leningrad (S. P. L.). As it is known this library ranks one of the richest among splendid collections of oriental MS, having quite a few masterpieces of art books, including some scrolls of «Khamsa» by Nizami to its credit.

The best illustrations of great value in artistic sense are the MSS of «Khamsa», created by ingenious masters of the leading schools of miniature painting in the 15th and 16th centuries, which are singled out with highly-developed style and original workmanship. According to their artistic-aesthetic features these miniatures stand side by side with the best classical specimens of oriental painting.

For example, the Shiraz school of the late 15th and early 16th century is represented in the album with the miniature to «Khamsa» by Nizami of 1479 (S. P. L. Dorn 338), of 1491 (S. P. L. P. N. S. 83) and a famed manuscript of 1508, which are considered to be typical specimens of the Shiraz school in the period of establishing a new style, vividly reflecting its peculiarities.

The mature style of the Shiraz school of the 16th century is represented by miniatures to «Khamsa» by Nizami of 1543—1544 among the collections of the Leningrad Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR (D-212) and «Khamsa» of 1548 SPL. P. N. S. — 105). The miniatures of these manuscripts vividly reflected the features of the new graphic style of the Shiraz school of the middle of the 16th century, which was built up under the direct influence of Tabriz metropolitan school, headed by the great artist Sultan Muhammad.

The illustrations to «Khamsa» of 1482 (SPL. Dorn-338) together with the miniatures of MS of 1491 at the State Museum of the Peoples of the East in Moscow (Inv. N 165911) represent the Herat school in the prime of its fame. The characteristic features of these miniatures are that they are brightly pronounced, with contrast in combination with abundant gilding. They have gentle and gay colour harmony, festive illumination, high skill of execution.

All these characterize the peculiar style of the Herat school of the end of the 15th century, headed by another outstanding artist of Oriental painting Kermal'ad-din Behzad.

The Isfahan school is represented in the album by miniatures in the manuscripts of «Iskander-Nameh» (SPL. Dorn, 344) and the «Khamsa» of 1636 preserved in the Republican Manuscript Fund of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR (Baku). The miniatures of «Iskander-Nameh» are characterized by underdeveloped style, while the Baku «Khamsa» manifests fully established style of the metropolitan Isfahan school of the early 17th century.

The miniatures of «Khamsa» by Nizami dated from 1578—70 (SPL. P. N. S. — 272) according to the style and the manner of execution are typical specimens of the Bukhara school. The miniatures of one of the most valuable examples of art book of Middle Asia the «Khamsa» of Nizami of 1648 (SPL. P. N. S. 66) reflect artistic relationships between India and Middle Asia. The characteristic features of the Maveraannaahr school prevail, in the miniatures created as a result of mutual influence and enrichment of the Bukhara and Mogul painting.

The Tabriz school of the Azerbaijanian painting is represented in the album with classic specimens of miniatures of highly artistic value for the «Khamsa» by Nizami. The given illustrations for the manuscript «Khosrov and Shirin» of 1410—1420, the manuscript from Istanbul of the late 15th and 16th centuries (The Topkapı Museum. N 760), the famous London scroll of 1539—1543 (The British Museum, 2265) are distinct in their artistic-aesthetic qualities in comparison with their contemporaries, i.e. the miniatures of the same period created by other schools of Oriental painting.

Commonly accepted masterpieces of miniature painting — illustrations to the London copy of Nizami's «Khamsa», produced by a talented galaxy of the Tabriz painters, outstanding masters of art book, Sultan Muhammad, Aga Mirek, Mir Musawwir, Mirza Ali, Muzaffar Ali and Mir Sayid Ali, are distinguished for romantically exalted graphic design, imbued with solemn decorative expression.

The miniatures from the above cited MSS were selected so as to demonstrate most typical, often reiterated ones, illuminating, mainly, key subjects with the aim to cover, if possible, all the leading schools of miniature painting of the 15th—17th centuries at the same time supplying information to form a notion not only of the evolution of the illustrations in Nizami's «Khamsa», but also about general development of miniature painting of Iran, Azerbaijan and Middle Asia.

The miniatures reproduced on the tables are arranged in sequence in accordance with the five poems of «Khamsa» by Nizami, and the arrangement of literary episodes.

The album begins with miniatures, mainly double frontispieces — the inside title pages, which as a rule, are not connected with the literary text. In content they are meant as peculiar «graphic dedications», addressed to the rulers for whom the manuscripts had been produced. Therefore they represent so-called neutral subjects: scenes of feasts, royal receptions, musical mejlises and other domestic scenes, reflecting life, artistic tastes and aesthetic demands of the ruler and courtiers. They functionally provide decorative aspect in the structure of the manuscript, adorning its title pages.

The miniatures to separate poems were selected and arranged aiming at conveying the content of the main subjects visually, by means of artistic images, which eventually help the reader in conceiving the whole poem.

Frequently one, the most popular subject, is furnished with two or three miniatures, elaborated in different schools of painting. This is done purposely since the comparison of these miniatures gives visual evidence to both general and distinctive features of the style of these schools, providing means for the characterization and proper estimation of their artistic achievements.

The most significant illustrations created by the Tabriz, Shiraz, Herat, Bukhara and other schools make it possible to conclude, that in the processes of illuminating Nizami's poems miniature painting had covered a long and complicated path of quest, succeeded in manifesting true harmony with poetry.

Summing up, it should be noted that the specimens given in the album make it possible to determine and estimate the place and significance of «Khamsa» by Nizami in the development of Oriental painting, to show the extent of popularity and distribution of the subjects and images of the great poet in miniature painting, how great was their impact on the creative activity of the painters of different schools, their role in promotion the appearance of numerous works of art, for which they defined their ideological — aesthetic content.

The immortal poems by Nizami which during the Soviet period became genuine property of the people, are still an inexhaustible source of creative activity. The influence of «Khamsa» by Nizami on the development of the Azerbaijanian art has become much wider and deep root-

ed. The scope of artistic impact of Nizami's poetry is not confined only to graphic arts, but embraces all aspects of Azerbaijanian culture.

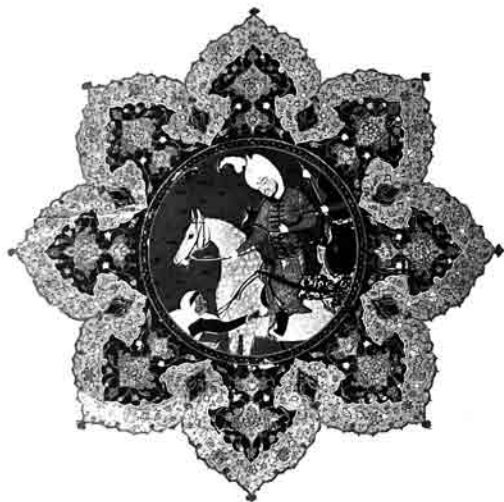
The subjects and images by Nizami have found their wide reflection not only in book drawing, painting, sculpture and other branches of graphic and decorative art, but in music, ballet, theatre and cinema art as well.

Thanks to the great care of the Communist Party and the Government, manifested itself in the Decision of the CC of the CP of Azerbaijan »On the measures for improving studies, publication and popularization of the literary heritage of the great Azerbaijanian poet and thinker Nizami Ganjevis, the significance of »Khamasa« by Nizami in the development of the art of the Soviet Azerbaijan still grows, acquiring new forms and content.

НИЗАМИ
«ХӘМСӘ»СИНӘ
ЧӘКИЛӘН
МИНИАТУРЛӘР

МИНИАТЮРЫ
К ПОЭМАМ
„ХАМСЕ“
НИЗАМИ

MINIATURES
TO NIZAMI'S
»QUINTUPLE«
(»KHAMSA«)

СИРЛЭР
ХЭЗИНЭСИ

СОКРОВИЩНИЦА
ТАЙН

TREASURY
OF MYSTERIES

Низами шаһын гоһуунунда

1. «Хамса», XVI әсрдин 70-чи илалери. Хорасан, КАР, Дорн 341, В-6.

Миниатурлар экибери эҷафот, эҷафта да мустига мовласи мавзусунда ади мейвот соғависини тасвир едим. мовно анд олмайн миниатур бесоб едиллар. Алжики устудамини язани муғайфар олар. Миниатурлар «Сирлар комониси» комонисамини пешинларда банин китебин аһавиғоти ва доторе аһавиғоти шаһрин барарот дағамшамини вассаллар тасвир оллувер. Кертувр, руссан Боғрам шаһини мақсависини тасвир етмиш етсеювдиллар. Буғари биз дасто ювч нурани сийлаама јекимо гоғамини — Низамини атрафарина јемшамини дегитиға оғу дималарлар.

Эҷафот соғавис

Гоға миниатур — фронтисписе

2-3. «Хамса», 1491. Герат, Москва, ШХИДМ, В. 1 6-2 а.

Миниатурлар адиби мотило алағадар дејма ва эҷафот мавзусунда мустига комонисјилларлар.

Сог тароғамини миниатурди шаһини табират гоғуғида кейф мовласи, сог тароғамини миниатурди сарајди мустига мовласи тасвир едиллашдиллар. Комонисија чоботди олларини јалын орнаментал башјар бердиллар. Бу африс. миниатурлар ресмеин сог доторе тароғамини, кезалди, элжики колоретте вад фарғларин.

Низамини на приёме у шаха

1. «Хамса», 70-е годы XVI в. Хорасан, ГПБ, Дорн 341, л. 6.

Миниатура изображает январовую сцену пиршества. Согласно надписи, она иллюстрирует ту августинскую главу поэмы «Собрание заговоров», которая называется «О поклонении и достоинстве этой кони». Вероятно, художник изображает великого Бахрам-шаха. Собиравшиеся молодые люди инициально соотносят мужество юного вождя с приватной харизмой — само по поэма Низами.

Сцены пиршества

Двойная миниатура — фронтисписе

2-3. «Хамса», 1491. Герат, Москва, ГМИНВ, л. 16-2а.

Миниатура не связана с конкретным литературным текстом и является самостоятельным композиционным. На правой миниатуре изображена пирушка шаха на лоне природы на левый — музыкальный ансамбль во дворе. Композиционно их объединяет лишь ориентированный борзот. Эти и другие миниатуры отличаются исключительной тонкостью рисунка, яркостью, богатством, насыщенной колоритом.

Nizami at Shah's Reception

No. 1. «Khamasa», the 70th of the XVI century. Khorasan. Dorn 341, f. 6.

The miniature at first sight may be regarded as an independent one describing a feast scene or an assembly of musicians. But as it is seen from the miniature's remark, it illustrates the preface of Nizami's poem «Store-house of Mysteries» where the poet talks of the importance and estimation of his book. It seems that the artist wanted to paint Bahram-shah's party. A group of youngsters have surrounded a handsome old man-Nizami and are listening to him attentively. The miniature has been painted by an exclusive skill and differs by the perfection of its decoration.

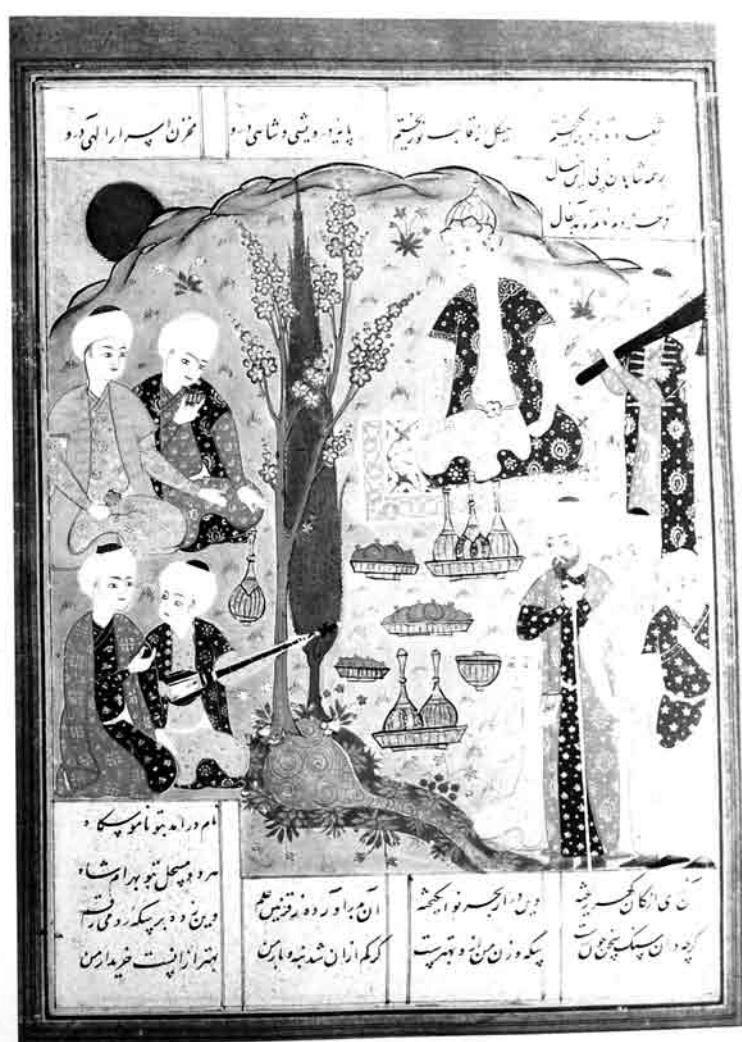
A Scene of Feast

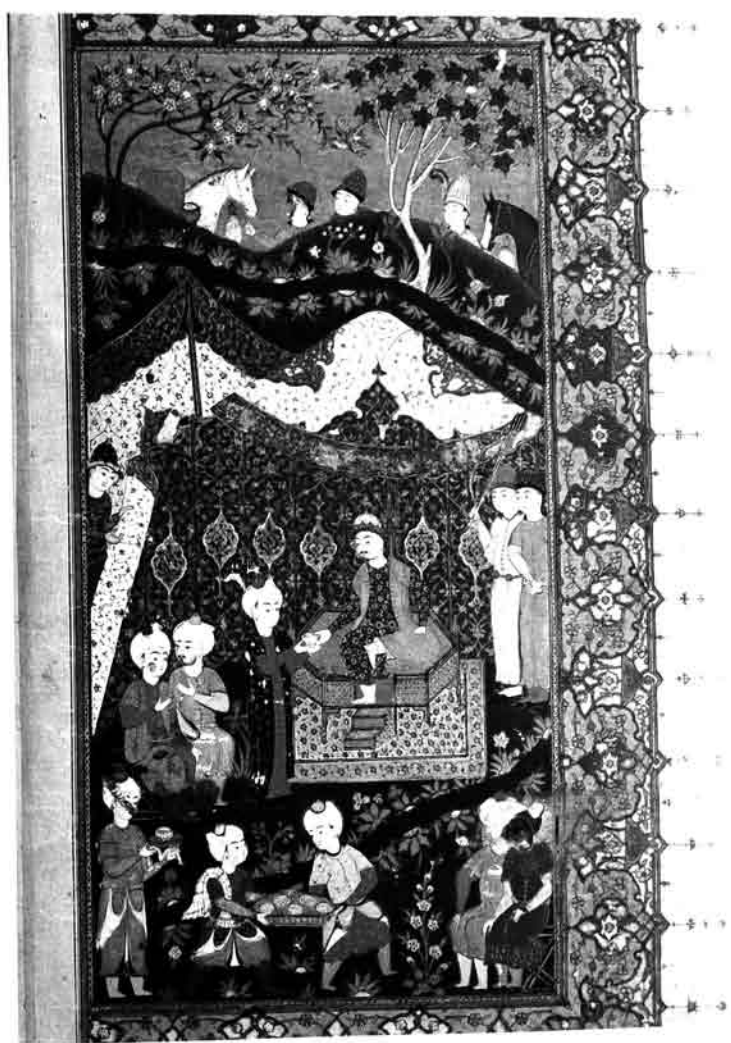
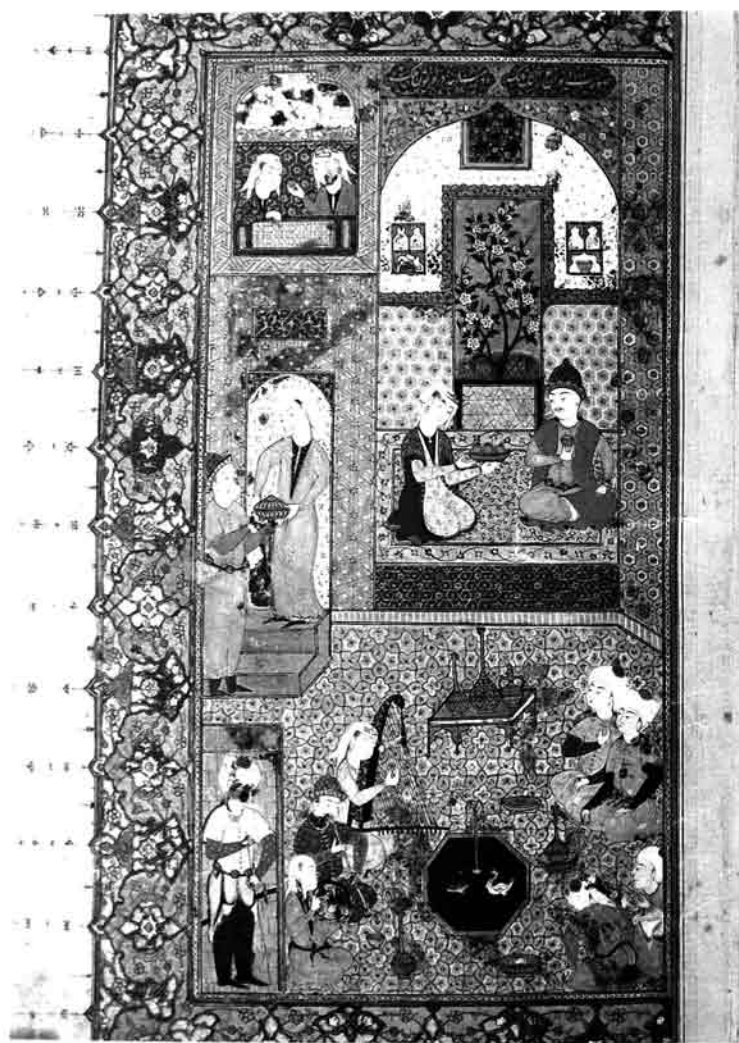
Double miniature — frontispiece

No. 2-3. «Khamasa», 1491. Herat, SMOA, f. 1b-2a.

The miniatures are not connected with the texts of Nizami's poems, they are independent compositions on feast.

The miniature on the right describes a feast given by the shah in the open nature, the left one depicts an assembly of musicians inside the place. Only an ornamented border combines the miniatures compositionally. These elegant miniatures differ by an exclusive beauty, dainty and richness of colours.

Эдадатан Нушираван ва вазир.

4. «Хамса», 1543—1544-чү иллор. Шираз, ШИЛШ, Д-212.

5. «Хамса», 1539—1543-чү иллор. Табриз, Лондон, Британија музеји, Ор. 2265 в. 15.

Рис. Мир Мусавирр.

Бир кун Нушираван ва вазир харабамда соббат едиле маи бағуиун раст калар. Шайан «Но дамшар бу гушари» сулामी келер дегир ваи бағуишардан бири гасыдан прои жери ва оазисда огланди бир нечи хараби келди истойар. О бири бағуиун мааб аерар: «Но дамшарсан. Бал кеп шай бор ями нечи харабасара дандарий. Сан бес парабат олма. Санс гуи мени бела хараби келди кераран».

Нушираван справедливый и визир

4. «Хамсе», 1543—1544 гг. Шираз, ЛОИВ, Д-212.

5. «Хамсе», 1539—1543 гг. Тебриз, Лондон, Британский музей, Ор. 2265, л. 15.

Художник Мир Мусавир.

Однажды на охоте Нушираван и его визир встречаются на развалинах двух бесхозных сел. На вопрос шаха, о чем они говорят, визир отвечает, что один из сел выдал свою дочь замуж и требует от жениха несколько разрушенных деревень. Другой отвечает: «О чем ты говоришь! Видишь, сколько деревень шах уже унес разрушил! С его праведным законом ни одна из его лич свеч развалил в сягуи тебе дать».

The Just Nushiravan and His Vizier

No. 4. «Khamsa», 1543—1544. Shiraz. IOS, D-212.

No. 5. «Khamsa», 1539—1543. Tabriz, British Museum. f. 15, Or 2265.

Painted by Mir Musavir.

One day Nushiravan and his vizier happen to meet two chattering owls in the ruins. Nushiravan asks his vizier to tell him the content of the owls' conversation. The vizier tells him that one of the owls wants his daughter to marry the son of the other owl, and in exchange for his daughter she wants the future mother-in-law to present her with several ruined villages. The other answers: «What are you talking about! Look around, the shah has turned everything into ruins! Don't worry, I'll give you hundred thousands of such ruined villages.»

Султан санҷор во гарм

В. «Хамсе», 1539-1543-чу иллалр. Тобрис, Лондон, Британија музеји. Ор. 2265, В. 18.
Рис. Султан Махаммадмур.

Бир гарм (одна коча) Самуи султани Санҷорин атојин дои (ашиқаб) дарағарин ови во калта дивин тулутуван ки аз дивини. О, гарм! ошма адалаткедан иттидан гарм.
«Адин аут уст адб тахаммаси еларм,
Халта хорин дидини шаф оми кудай борм.
Заваски икковини кармане динот галам,
Шаборам ев-ешиксо, турасу-ноқсонки галам.
Бу ажики ирша суҷетини баше росамлар да ишданешлар,
Лавини утсалам ақрабини во бадан ифодажики вери Султан Махаммадики жори минаатур росамларга классик нумузи бесаб олувар».

Султан Санџар и старуха

В. «Хамсе», 1539—1543 гг. Тейбриг, Лондон, Британский музей, Ор. 2265, л. 18.
Художник Султан Мухаммад

Нека старуха остановила иронжакинито чинмо осалжуслики и султани Санџарини, султанин (тои за олов), горомо жулусени на ибери, шахсонени ей и шароу шахсонени сарвагани. Она (некиво обини)еи шала и испраре диноти:

Правосудья неша — я не внаю и тебе,
Утегосило конча — я не внаю и тебе.
Обрушик ты стена жилья горожан.

Ты выдари зерно из колодезь инсани.
Эти истре обидликиланы сюжет и иллюстрирован и арцини художинами, во по мастерску милоини и художественнои выдари диноти работа Султани Мухаммадики ялкетен классическим образом чинки торони живописки.

Sultan Sanjar and an Old Woman

No. 6. «Khamseh», 1539—1543. Tabriz, London, British Museum, Or. 2265, f. 18.
painted by Sultan Muhammad.

An old woman gripping Sultan Sanjar by the flap of his coat is complaining to him about the wrong done to her and the people by his satraps. She accuses wrathfully the shah of being unjust. You have robbed the people, ruined the country, Your subjects haven't seen any use from your rule, You have left miserable ploughmen without crop, And to-morrow homeless, or a place to dwell.

This severe exposure has been the theme of many other artists, but according to its mastery and artistic expression Sultran Mahammad's work is considered as a classic specimen in miniature painting.

Исанын бекажети

7. «Хамса», 1508-чи нл. Шираз, КДК, Дори 340, В. 21.

Онуучу субботага ондан дивиншымар кк, бар шеда сјрб ахтарыг јазшы дедж. Миниагур Иср вагында бекажети тж аир едир. Бир дјрб о, акиш лешн отурышы толпаваны бир дјст адам раст калыр. Чамат мурдар лешн устува гарши, до нит јадмдымы йады. Иср овуш садфр кжж диншарны то рифар јер. Бу бекажети неганы одур кж, бар шеда, хотк он чиржи шеда бела кжж мезгјлгар ахтарыга чалышмаг халымар.

Питча об Инусе

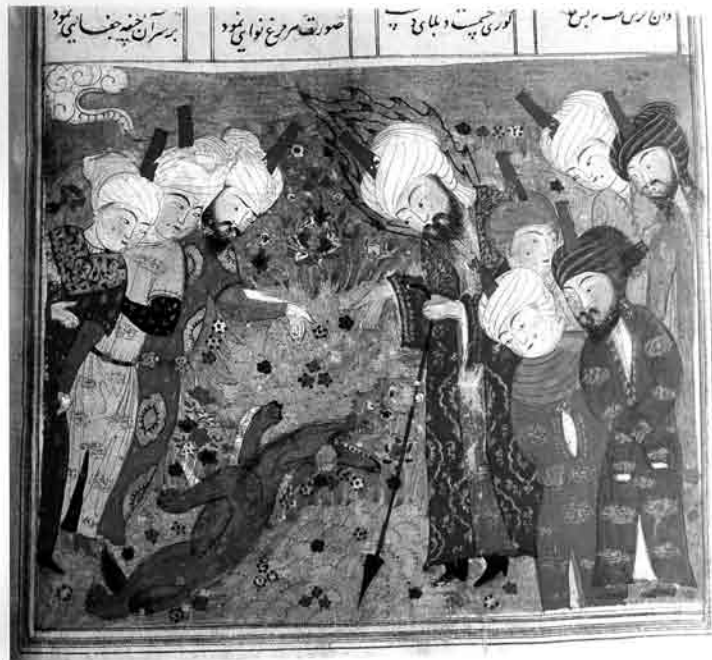
7. „Хамсе“, 1508 г. Шираз ГПБ, Дори 340, л. 21.

В десятой беседе поэмы „Сокровищница тайн“ говорится о том, что видеть во всем лишь одни недостатки неправильно. Миниатюра иллюстрирует притчу об Инусе. Однажды тот видел, как собака собралась выкушать дохлой собаке. В то время как все находил в ней только лишь отрицательные, Инус восклицает благословенен зубок. Смысл притчи: Во всем, даже в самых безобразных явлениях нужно стараться найти то, что в них есть прекрасного.

The Parable of Jesus Christ

No. 7. «Khamsa» 1508, Shiraz, SPL, Dorn 340, f.21.

The tenth conversation in «The Treasury of Mysteries» says that it is not good to find fault in everything. The miniature describes a parable about Jesus Christ. Once Jesus saw a dead dog's body surrounded by a crowd. While the crowd were cursing the filthy body, Jesus began to praise the dog's pearl-like teeth. The aim of the story is to say that one must try to find good traits in everything, even in things which seem to be ugly.

Икки рағиб адимин бекажати

В. «Хамса», 1491-чи ва. Шираз. ҚАҚ, ЛФС. ЎЗ.
В. 24 б.

Д. «Хамса», 1539-1543-чү илләр. Табриз, Лон-
дон. Британија музėjи. Ор. 2265. В. 26.

«Сардор хазинаси» номмаси биле он жашми собити тоқ
ибратами сонмази бетир. Икки адеми бор бери во мурадими
ин сўбути стимэ учун музимоксути во сон даража таблақами
таршани жарир. Бери рағибими бегира-бани жақарими забур ду-
хлани кетир. Адеми ону хасратга бағиша шижр во сит гилар.
Булади сора о, кул бағидили тар кул дари во ови афсути оху-
рдаг биринчи адеми бағишаляр. Горди адеми рағибими аф-
сутирими ола айванди. Адутир жи чечки забурди хамса, ай-
ялмайиб охур.

Состязание двух мурецов

8. «Хамса», 1491 г. Шираз. ГПБ, ПМС 83, л. 24б.

9. «Хамса», 1539—1543 гг. Табриз. Лондон, Бри-
танский музей, Ор. 2265, л. 26.

Двадцатая беседа поэмы «Сокровищница тайн» заверша-
ется весьма показательной притчей. Два муреца, мисирова, кто из
них умнее, устроили состязание и весьма рискованное состоя-
ние. Первый ослепнул соприкоснувшись со страшим ядом. Но му-
рец смело вынавал его и остался невредим. После этого он под-
нес первую мурецу сияжсервальный цветок, над которым он
сплел из чучилю поместил. Младший мурец как муается змея
чар, что, помянул цветок, падая мертвым, хотя никакой отравы
в цветке не было.

The Story of Two Rival Scholars

No. 8. «Khamsa» 1491, Shiraz. LPL, NPV, 83,
f. 24 b.

No. 9. «Khamsa» 1539—1543, Tabriz, London,
British Museum. Or. 2265, f. 26.

The twelfth conversation of «The Treasury of Mysteries» has a di-
dactic ending. In order to prove their cleverness and wisdom two schol-
ars begin a very risky and specific rivalry. One of them makes some
horrible poison and hands it to his rival. The other drinks it bravely, but
remains alive. Then he, in his turn murmuring something over a fresh
flower in the garden, plucks it and gives to the former. Terribly fright-
ened by his rival's bewitchment, the coward immediately dies as he smells
the flower though it was not poisoned.

Залам шаһла дүз диншин гочанын хөкајоти
 10. «Хамсе», 1545. Шираз, ҚДК, Дори 105. В.
 217

Бир зулмар шаһ ыарыш. Күкәлрин бир хуғуғда она
 собор эсирлар кн. гоча бир жыш ону амасифот, галычын адды-
 дырар. Шаһ ону өдүрүмдә тирера әмир. Бу собор гочаја чатын
 кыш, үтүкөб, бойуна кыбач салып шаһын буғууна кылар.
 шаһын бутун еябларын жасартал ону үтүкә дөјөр:
 «Мен дөјөрөм айына, шор жыны өзүм,
 Көстөрүмө күчүтүн бар жыны өзүм,
 бар ејбим көстөрүм аясын элә жүзүмү,
 Уған, галар айындон, ыарма өлө жүзүмү».
 Гочанын жасароти на дадалтал диншысым шаһы сары-
 дир. О, гочаны элдә сәдр, өз сөйбәлрнин дүзүлдир, одалатал
 болмарар өзүр.

Правильный человек перед шахом-тираном
 10. «Хамсе», 1545 г., Шираз, ГПБ, Дори 105,
 л. 217.

Некий шах был жестоком тираном. Однажды ему донесли,
 что какой-то старик назвал его донимателем. Шах немед-
 ленно решил наказать его. Когда старому сообщили об этом, он
 одел саван, явился к шаху, бесстрашно обвинил все его пороки и
 сказал:

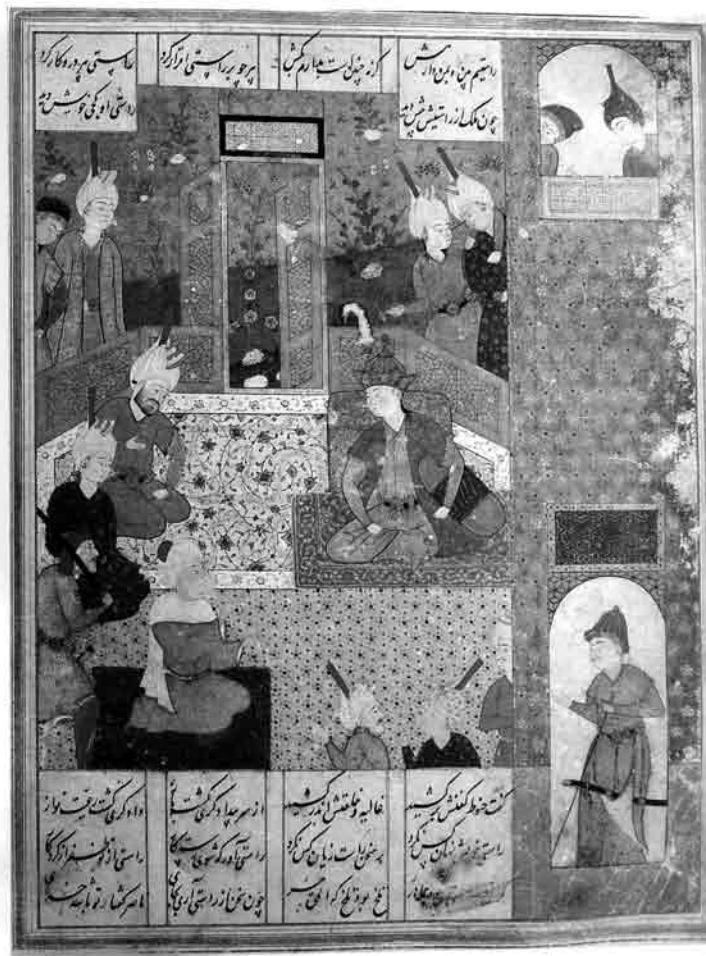
Я только пороки твои подсчитал,
 В зеркало и близору тебе зеркальце стал.
 Разбиты это зеркало — чья же честь,
 Шах! взгляни на совесть и правдивость старика. Он отгу-
 стел его с миром, осознал свою неправоту и стал справедливым
 правителем.

The Story of a Tyrant and a Fair Old Man
 No. 10. «Khamasa» 1545, Shiraz, LPS, Dorn 105, f. 217.

There lived a cruel Shah. Once he was informed that an old man
 had called him a monstrous blood-sucker. The shah determined to have
 him executed. When the old man heard about it, he washed and dressed
 his ceremonies and came to the shah and exposed all his errors and
 wrong-doings boldly:

I tell you all your errors and evils,
 I reflect all your doings as a mirror.
 If you take the mirror you'll see your vices,
 You ought to be ashamed of your doings,
 but not break the mirror.

The shah was shaken by the old man's bravery and his fairness.
 He released the man and corrected his vices, became a just sovereign.

Доллаҳин ҳекајоти

11. «Хамса», 1491-чи ild. Ҳерат, Москва, ШХИДМ, В. 27 б.

Бару ар-Рашидди доллаҳин инти туғи ғарқарои сон до-роҷо ғуҳуриғаме, лотаме, қомоја башаҷар – деҷар ик, халфони ғаме ило евадиғе истајар. Хамро бу ви бародо вазира ило масабатлашир, вазира бела бир фикар, ирлом су-ғур, чоғ ваҷиғ ик, доллаҳи оғуҷуғу зомеғ оғу до бинамади қазина устуғад даҷамар. Туғи вағга оғуғи до бела ваҷари омади қазина устуғад дуғри адам истағ-истомеғ амағ оғуғ. Доллаҳин иғтамар алағи ғаме, доғуғод дж, оғради туғамеғ маз хазина тағарар.

Питича о брэдобрее

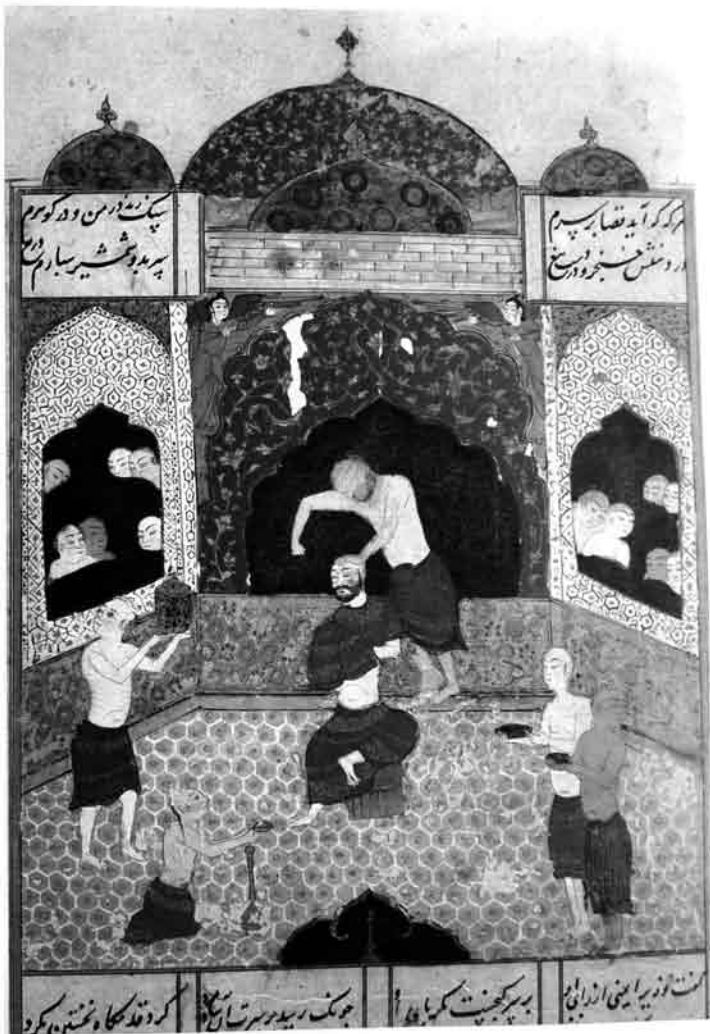
11. «Хамсе», 1491 г. Герат, Москва, ГМИИВ, л. 276.

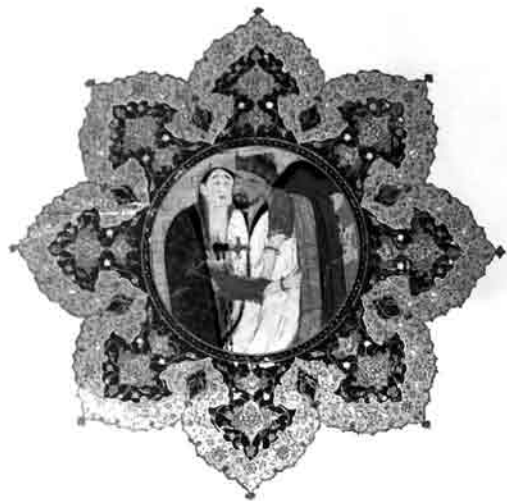
Вашноин сии обғарности, брэдобрее Хару ар-Рашиди в дугу маҷло потуғиғи, себо пислақамеғи ваҷамеғи: он иғғорекл роғи еғо доғери. Ки до халф иғғомеғамеғис ва тоғуи тоғуғу до сииғи пиғаре, писидини ваҷамеғис доғеғе иғғомеғамеғи: и зоғмеғ, он до брэдобрее пислақамеғ себо доғреғи, он, ваҷамеғ, сииғи ик доғамеғ, иғбо чоғамеғ, ставиғи на соғрониниғи, еғли дағеғ он не вағтеғ об еғом, обуревеғи ғормеғи и у иғтеғи рағамеғамеғис ваҷамеғ. Коғ до рағамеғамеғи мағтеғ, сие сииғи брэдобрее, то доғамеғиғи ваҷамеғ ик доғ.

A Barber's Story

No. 11. «Khamasa» 1491. Herat. SMOA, f. 27 b.

While serving Harun-ar-Rashid, his barber was impudent enough to say that he wanted to marry his daughter. The caliph consulted his vizier. The vizier's presumption was that the barber had found a treasure though he was unaware of it, for one became boastful if even he was unconscious of a treasure under one's feet. They dug the ground on which the barber stood and found an immense treasure.

ХОСРОВ
ВЭ
ШИРИН

ХОСРОВ
И
ШИРИН

KHOSROW
AND
SHIRIN

Хосровун атасындан үз истомаси

12. «Хамсе», 1508-чи ил. Шираз, КАС, Дорн 340, В. 39.

Бир кун одаи соғра, Хосров ордонди заман, онун аты жиндилеи чинадилеи, икковле жеси ен сайибине микусте олин гораме дороб эй сдир. Бутун буилари ертеси кун турмузе хабар вердилер ва ердем зуруб дедилер ки, акер шайме оирини шайдан истомеи, одаи башгаларимдан из колузмак олар. Истеги шаха тохутар ва о, оглуку борд чинадилемдир. Хосров эн сайибине баше Душур, барокетидон чоматди чакер, кофине бургутиб амак ассетиле вамаи киле бирвалда истомеи ики тавиле каларок одаи үз истейр. Сулетики трактовадиле ва жасе персонажадарым дегиле одаи ифодакелди тасвир сайибине еникодун мезмузуку одауту кили чачи кестерр.

Хосров просит прощения у отца

12. „Хамсе“, 1508 г. Шираз, ГПБ, Дорн 340, л. 39.

Однажды после охоты, пока Хосров развлекался, конь его отца топнул человека, а раб сорвал виноград, принадлежавший хозяину дома. Наутро отец Хосрова Ормуз узнал об этом и напомнил, что мать, если бы шахский указ нарушил кто-нибудь другой, а не шахский сын, его ждала бы страшная кара. Это замечание задело Ормуза, и он строго наказал сына. Осознав свою вину, Хосров олез сайиб ва вместе с двумя старшими-заступниками пошел к отцу просить прощения.

Трагическая ситуация и психологическая выразительность и негичеи основних персонажей правдиво раскривают содержание иллюстрируемого эпизода.

Xhosrow Beggs His Father's Pardon

No. 12 «Khamsa» 1508. Shiraz, SPL, Dorn 340, f. 39.

Once while Khosrow was entertaining himself after hunting, his horse trampled a peasant's corn field, and his servant plucked a cluster of grapes from the garden that belonged to the host. The next day Khosrow's father Ormuz became aware of the incident and he was hinted if the prince violated law whom then they could expect to obey it. The words stirred the shah and he punished his son.

Khosrow understood his mistake and was very much ashamed. He dressed a cereent and with two old wise men came to his father to beg his pardon.

The interpretation of the plot and psychological expressiveness of the main images reveal truly the content of the illustrated episode.

13

Шапур Ширина Хосровун шақлини костарир
 13. «Хамса», 1482-чи йил. Герат, КАК, Дорн 338.
 14. «Хамса», 1439-1543-чү йиллар Табриз, Лондон.
 Британия музейи. Ор. 2265. В. 28.

Рос. Мирзо Ғашир.

Шапур Хосрову шақлини озу чокорок, ону уч дофо калоника Ширина рофатлари кля жодди чомаманда готур. Калоника келес савасемиз Ширина билеу тегири жетарадыны омни одаудан соира. Шапур калоника гяфароманда Ширина ирмани калорон илтижоми она ашай дейир, е тирар едир ки, к. Хосрову гаскди ва ахстагар, чык Хосровдан, ону Ширина олаи даламжени набобтиндан дашылар.

Шапур показываеt Ширин портрет Хосрова

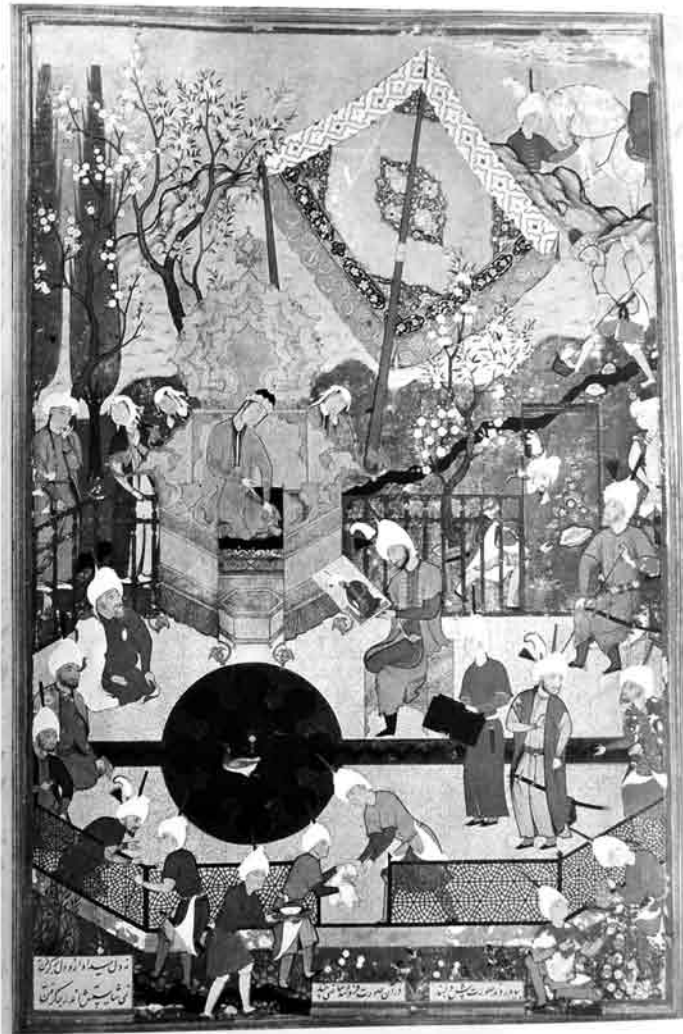
13. «Хамсе», 1482 г. Герат, ГПБ, Дорн 338.
 14. «Хамсе», 1539—1543 гг. Тебриз, Лондон,
 Британский музей, Ор. 2265, в. 28.
Художник Мирза Али.

Шапур тайкове зримжа нахрасьяваеt на лужайке, где гуляеt Ширин с по-приходе, нарисованным им самим портрет Хосрова. Убедившись, что облик прекрасного юноши произвел на Ширин большое впечатление, Шапур и обильно жестикулируя в Ширин, раскрывает ей тайну Хосрова и его безумной любви к ней.

Shapur Shows Shirin's Portrait to Khosrow

No. 13. «Khamsa» 1482. Herat. SPL, Dorn 338.
 No. 14. «Khamsa» 1539—1543. Tabriz. London.
 British Museum. Or. 2265, f. 28.
Painted by Mirza Ali.

Shapur paints Khosrow's portrait and thence a day places it secretly in the meadow where Shirin and her friends walk. When he was sure that the portrait made a good impression on Shirin, he priest's disguise he came to Shirin and told her his intention and confesses that he was a friend and messenger of Khosrow and informed her of Khosrow's immense love to her.

14

Хосровун чимои Ширини қормоси

15. «Хамса», 1539-1543-чу иалар. Табриз, Лондон, Британшия музейи. Ор. 2265, В. 53.

Рис. Султан Махаммадгулр.

16. «Хамса», 1508-чи ил. Шираз, ҚАК.

Дори 340, В. 55.

17. «Хамса», 1648-чи ил. Бухара, ҚАК, ЖФС 66.

Қориниш ирдузулари вази севдиллар юза дундураи —
Хосров Бардои, Ширини Модари вади. Юзаи Ширини бир
чешмояи раст вади, бурдаи чинаи дилчамои вестар. Бу вахт
абосамы дундураи Хосров чешмояи جامидан кочир. О,
Ширини тути кочир, гаси вояи оғамы кире до нути Хосров
оладути баша дундураи. Беаажмад, севдиллар бир-бирини
тавмадан абрасиллар.

Бути минатараради Султан Махаммади ноъи бу
моқоза иши камал ивра тария, декоративажи во образлар
турулушуви ифодамажи ил фотгалар.

Хосров инди купаюшоюс Ширин

15. «Хамса», 1539—1543 гг. Тебриз, Лондон,
Британский музей, Ор. 2265, л. 53.

Художник Султан Махаммад.

16. «Хамса», 1508 г. Шираз, ГПБ; Дори 340,
л. 55.

17. «Хамса», 1648 г. Бухара, ГПБ, ПНС 66.

Мечая и вестре, влюбленные пускаются в путь. — Хосров
сез и Барду, и Ширин и Модари. По дороге Ширин вақидан ризи
иш и ризиат мекунаси. В это время и ризиат мекунаси
перелетит Ширин. Но ни не инди лица Ширин, а она успевае
разглядеть его, однако не догадывается, что это и есть Хосров.
Таким образом, влюбленные разлежались, не узнав друг друга.

Их всех минатар, ширинанамы на эту тему, работа Султана
Махаммади ошонаси перелетити вақидан вақидан вақидан
иши, ишии декоративности и выразительности образного
стро.

Xosrow Sees Shirin while She is Bathing

No. 15. «Khamsa» 1539—1543, Tabriz, London,
British Museum. Or. 2265, f. 53.

Painted by Sultan Mahammad.

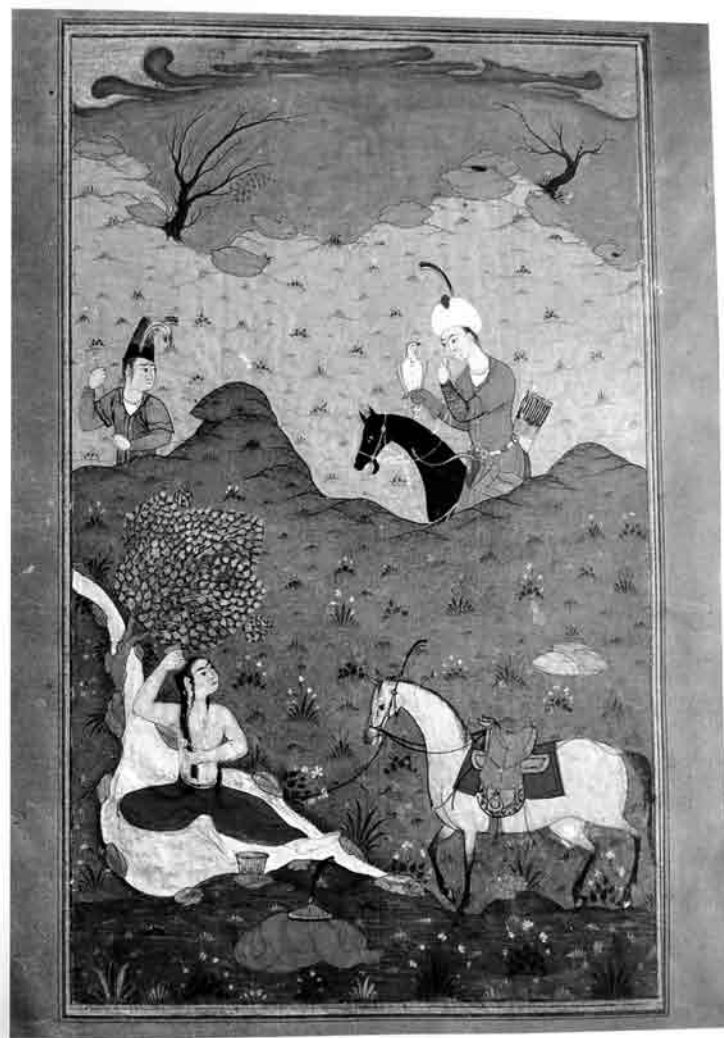
No. 16. «Khamsa» 1508. SPL, Dorn 340, f. 55.

No. 17. «Khamsa» 1648. Bukhara SPL, NPV 66.

Longing to see each other Xosrow leaves for Barda, Shirin for
Madrin. On her way Shirin finds a spring, washes and decides to have
a rest. At that moment disfigured Xosrow is passing by the spring. He
does not see her face, but Shirin runs her eyes over him but fails to
recognize him. So the lovers parted without recognizing each other.

Of all the miniatures on this theme Sultan Mahammad's painting
is the most perfect and differs by its decoration and expressiveness of
the images.

Ширин чимаркан

18. «Хавсе», 1636-чы йа. Исфахан, Баку, РРФ, М-207, В. 150 б.

Миниатюр ерн мекюзю ниср едилмишдир. Вунулла белл, россиан эвизин композиция скени-дин дже суртурмага чалмишим, јаким чимин Ширини тусир етмекке ајрејатлашмишдир. Композицияда Хасровин тусирин јокаур. Бу мур миниатюрлер бир даја субут едир ки, эдебје сугејтерини трактоваксында мујаддн композицияја сием-лери ојса ај. Јаким каламда ђ, исламмага дјришлеримин ки россианларин јаредимчелер иделерарини букетламамш-дир.

Купаюшанс Ширин

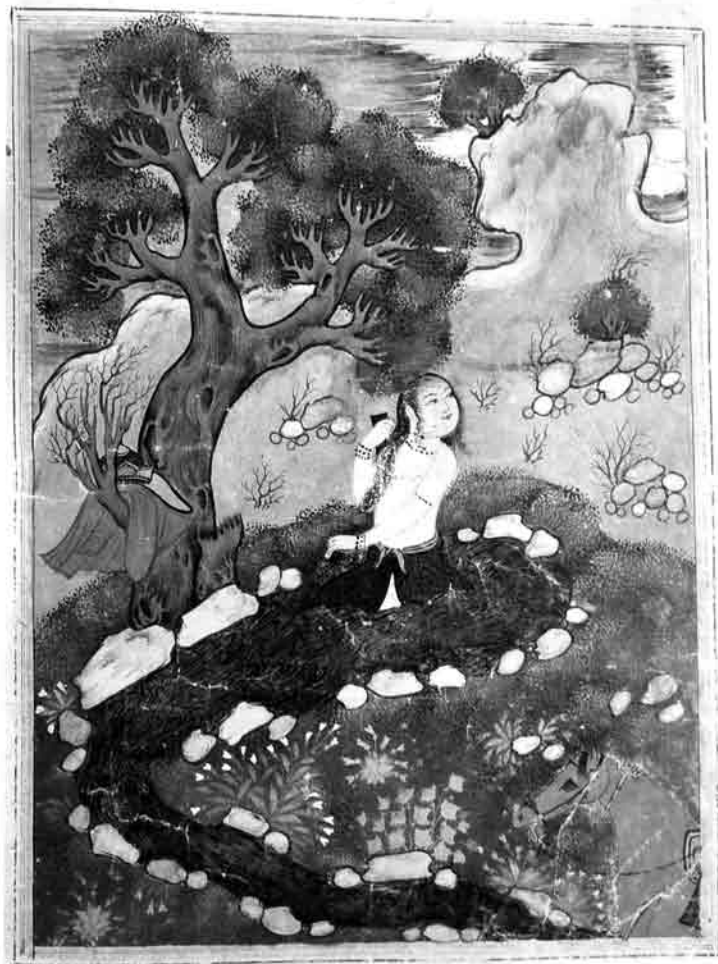
18. „Хавсе“, 1636 г. Исфахан, Баку, РРФ, М-207, л. 150б.

Миниатюра посвящена той же теме. Однако художник, избежав традиционной композиционной схемы, ограничивается изображением только купающейся Ширин, а Хасрови лица не существует. Подобные миниатюры еще раз доказывают, что хотя в традициях литературных сюжетов вырабатывались определенные композиционные законы, но они были достаточно гибкими и не сковывали творческого замысла художников.

Shirin while Bathing

No. 18. «Quintuple» 1636. Isfahan, Baku, Azerbaijan Fund of Manuscripts, M-207, L. 150 b.

The miniature has been devoted to the same plot. But here the painter avoids the traditional composition, and paints only Shirin while she is bathing. The composition excludes Khosrow's image. The miniature proves once more that though the literary plots were solved within the frames of certain compositional models, but still they were so free that did not hinder the artist's fantasy.

Хосроу Барбадию мусигисини дивагафкан

19 «Xamsa», 1502-чи илалор, Герат, БДК, Дори 339.

20 «Xamsa», 1539-1543-чу илалор, Табриз, Лондон, Британский музей, Ор. 2256, в. 77.

Р.ж. Мирза Алишир.

Шарията адрасигагина дивагаф Хосроу дидарбала тифтогор «Хосроу» гомжа едир. Тажи ширини амажи ило доржи чаро еда бакир. Шах шахвер мушгана ва мушгана Барбади шохига да кит отвори дур едир. Шифолики Барбади урдом тохдот махаллариде жо нуку сирти мушганакиди Хосроу бир гадар тохдот тандир.

Хосроу слушает музыку Барбела

19 «Xamsa», 1502, Герат, ГНБ, Дори 339.

20 «Xamsa», 1539—1543 гг., Тебриз, Лондон, Британский музей, Ор. 2256, л. 77.

Ухудожник Мирза Али.

Тохсу ва разиле ва Ширин, Хосроу устривает роскошные пиры, вечеринки. Но позабыл свой горе, жалится печаль, винит ево же у дачево. Шах приваливает призыве на пир прислаж ошани мушганаки ва шехи Барбела. Притомовоние шехи ва шарушани мушгана барбела неколкоко утешит Хосроу.

Xosrow is Listening to Barbed's Music

No. 19 «Xamsa» 1502, Herat, SPL, Dorn 339.

No. 20 «Xamsa» 1539—1543, Tabriz, London, British Museum, or. 2265, L. 77.

Painted by Mirza Ali.

Grieved by Shirin's departure Xosrow arranges rich feasts and entertainments. But wise does not relieve him from grief. He invites Barbed, a famous musician and singer, to the feast. His legendary and hearty songs, and marvellous music cheers Xosrow a little.

Хосрова Ширини он вахти корушу

21. «Хамса», XVI асрини 70-чи иллари. Хорасан, ҚДАК, Дорн 341, В. 51.

22. «Хамса», 1648-чи ил. Бухара, ҚДАК, ЛФС 66, В. 218.

Бойрон Чубинки гўямани диван китирмоқчи ва он тахт-теганини иттирон Хосров Ирандан гачар. О бу доғи Азэрбајҷани, Маһабубу шайхон бегони қалар. Билар ки, Бухара нуғи саънамағ таламағ ва севқалар Ширинла корушучақ.

Юлда Хосров ва ону мушайиғи оди сарв адималари, инкорди он еларлар. Бир доғи ноқибон он замани Хосров жору ки, бирдан-бирю тот гахадм: Ширин бийда олмага бир дасто қолди гми қадимлар сур оти, ила чинарағ оғи чимқимлар. Исқаллақ, севқалар арзуларини чатарғ корушурлар.

Встреча Хосрова и Ширини на охоте

21. „Хамсе“, 70-е годы XVI в. Хорасан, ГПБ, Дорн 341, л. 51.

22. „Хамсе“, 1648 г. Бухара, ГПБ, ПНС 66, л. 218.

Но устони против чинтега Бахромча Чубини и потерян свой трон. Хосров бежав из Ирана. Он направляется в Азербайджан, к царю Махна-банау, инак, что займет там и убежище, и свои возлюбленных Ширин.

Но дитере Хосров и сорогонка-гачини ети приворонди и слези забавляются охотой. Олжады во время охоты Ширин видит, как падает в охоту лась охоты: это стремительно мчалась и вползла за добычу чуждымлет дитунин-орасини во главе с прекрасной Ширин. Так состоялась, наконец, первая встреча влюбленных.

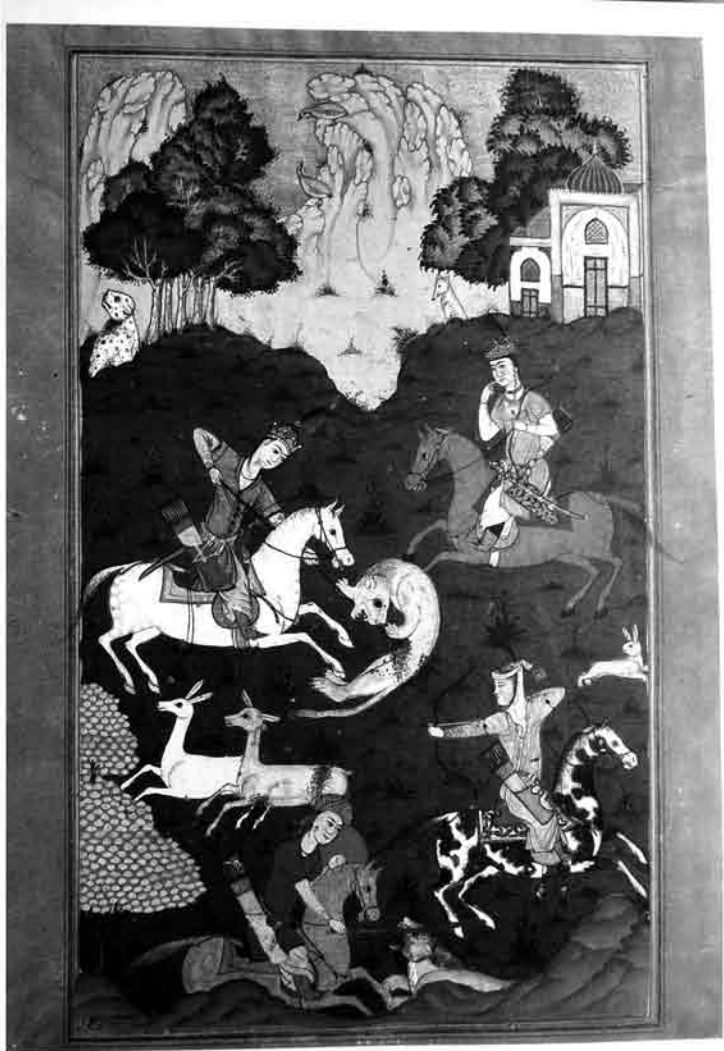
Khosrow and Shirin Meet while Hunting

No. 21. «Khamsa» the 70th of the XVI century. Khorasan, SPL, Dorn 341, f. 51.

No. 22. «Khamsa» 1648. Bukhara, SPL, NPV 66, f. 218.

Unable to stand against Bahram Chubin and his rebels, Khosrow loses his throne and runs away from Iran. This time he comes to Azerbaijan, to Mahabub shah. He is sure that he will get a refuge here and meet beloved Shirin.

On their way Khosrow, accompanied by his courtiers and servants, enjoy themselves hunting. In one of their hunting he sees a cloud of dust rising at a distance. It is a group of young beautiful maidens headed by Shirin hunting wild fowl. Thus, the two lovers meet at last for the first time.

Севакинаэрин биричи собгати

23. «Хамса», 1648-чигис. Бухара, КАР, ЖФС 66, В. 219.

Овад гисадубон жорудин Хорезм ва Шерин авлачи охдари итириллар. Ештиш аламу бар илганини жотуви думалади. Дирришлар. Охлар бирдин-бири ошмасиб достарини аржади толари, итгарини бари калди чаниб ваджлар.

Охларини калдждади соира севакинар (янаши отурулар ва охари мунтажат едиш адимлар калиб чагандади сари) «Идаларини уйгун охари, бир-бирларо ресми гайдала собгати адиллар.

Первая беседа влюбленных

23. „Хамса“, 1648 г. Бухара, ГПБ, ПНС 66, л. 219

Случайно встретившись на охоте, Хорезм и Шерин сначала растерялись. Мужичи ошбон, они хмелли, дачида ин гайди. Пирони, отчунуши, они нукутин своим коней ваджар, остана дружи дачино поздан.

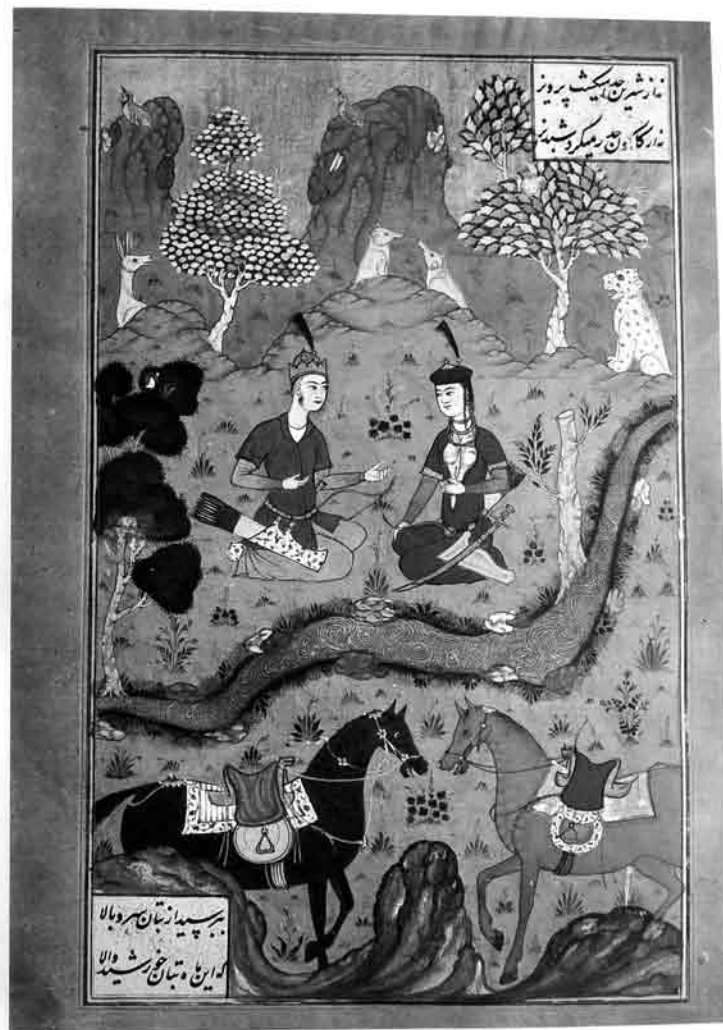
После того, как первое смущение прошло, они сели рядом и, согласно придворным правилам, отложи друг другу пощон, стали сухо и принож дачино беседовать, пока не подмехани соприво дачини их при охотрине и сари.

The First Conversation of the Lovers

No. 23. «Khamsa» 1648. Bukhara. SPL, NPV 66, f. 219.

Khoresm and Shirin are embarrassed when they meet by chance while hunting. Passion and love have dimmed their eyes. But as if suddenly awakened, they ride their horses at full gallop and leave their friends behind.

When they came to themselves, they sat side by side talked and bowed to each other officially in accordance with the customs of palace until their courtiers and servants reach them.

Хосровун кеф маҷалисинда

24. «Хамса», XVI асрин 70-чи иллари. Хорасан. ҚАҚ. Дорн 341. В. 70 б.

Композиция Хосрова баър қадаси до, өз минимума ва суммаи янро баъдан тобағи гуйағайи эҷафотиён. Инду да мусига маҷалиси тасвир еда, мутаъад ала осмайн минавтурлар сарғайи даққадар. Бу чу минавтурлар еғим минавтур истиғнаи эсери валустрини ала Флар.

Минавтур сои дороча тухас ичра тира, декоратива афдаламия ала Фларлар. Тибриён 1550—1560-ча валарда Тибри маъносиёни ту-сиря алағайи ичра едақамеғайи. Буку валустрини ала истиғфаи олуғиниш гайлабаш чамағайидадлар еғарин оғлар.

Пиршество Хосрова

24. «Хамса», 70-е годы XVI в. Хорасан. ГПБ, Дорн 341, л. 70б.

Хотя композиция и описания Хосрова, но по содержанию и графическому сюжету она принадлежит к числу так называемых «безличных» миниатур, изображающих пиршество или музыкальный праздник некая на фоне природы. Такие миниатюры могут служить иллюстрацией к любому эпическому эпосу.

Миниатюра отличается незаурядным мастерством исполнения, декоративной выразительностью и вышележа под влиянием тебриской школы примерно в 1550—1560 гг., о чем свидетельствует наличие на головках у играющих кызлабашских турбанов.

Khosrow at a Feast

No. 24. «Khamsa», the 70th of the XVI century. Khorasan. SPL. Dorn 341, f. 70 b.

This refers to a group of independent miniatures describing a fest scene of shah in the open nature, or an assembly of musician by its plot and content, though its composition is dedicated to Khosrow. Such miniatures may serve as illustrations to any work on the same theme.

The miniature is distinguished by its rare preferment and decorative expressiveness. It was painted about 1550—1560 under the influence of the Tabriz School of Painters. A good evidence of it is the use of ghiblabbash turbans in the illustrations.

Хосров ва Ширин човқан ојуну замани.

25. «Хамса» 1543-1544-чү илаар. Шираз, ШИЛШ, А-212, В. 53

Хосров Маһаббатуну тоғаты оларга бутти кужарани Ширини јиледе асварар. Бар жун о, човкан ојуну ојнамаг истајлар сојлар. Дина аслами кагырадан јетими асвар ты; Ширини башма тоғалыр; «Чуротар бар бари бар Нефедлар. Рустам-кал жам оғ отадылар. Човкан ојнамада чоз чыккалар, кјда тоғарлар, тоғ мухтаар».

Ики достоју бозувар, Ширин рофгалари кал Хосрове во оты достарына гарыи ојлар. Бу адаби сюжетте керекки раскам, исламда, оғ доврүтүн дјбад олар олар ојалчысиги тасвир отмаг истондылар.

Хосров и Ширин играют в човган

25. „Хамса“, 1543—1544 г. Шираз, ЛОИВ, Л-212, л. 53.

Будучи в гостях у Мухаммада, Хосров все время проводит в обществе Ширин. Однажды он изъявил желание сыграть в човган (поисок мяча). По этому Ширин собрала семьдесят ее подруг, — равных ей по красоте и силе, — и как дружина выехала в поле. Они играли в човган так ловко, что, казалось, «здесь мяч не поворачивает».

Играющие разделились на две команды: Ширин с подругами играла против Хосрова и его друзей. Иллюстратор этот эпизодный сюжет, характерный для классической иконографии любовных приключений табуи того времени.

Xosrow and Shirin Play Chovkan

No. 25. «Khamsa» 1543—1544. Shiraz, LOS, D-212, f. 53.

Being a guest of Mahabbanu, Xosrow spends all his time with Shirin. One day he expressed his desire to play chovkan. Seventy maidens as brave as honeysuckle assembled around Shirin. They are as brave as the fardiyar, equal to Rustam-Zal in shooting arrows, adroit in playing chovkan, can catch the ball in the air at once.

Divided into two teams Shirin and her girl-friends, Xosrow and his boy-friends compete in chovkan. By this plot the artist wanted to depict a palace entertainment of his time.

Хосров ва Ширин гызларын соялдији офсаналари диндоёржон

26. «Хамсе», 1539-1543-чу иллор. Табриз, Лондон, Британија музейи. Ор. 2265, В. 66.

Рас. Ага Мироджир.

27. «Хамсе», 1648-чи ил. Бухара, КДК, ЖФС 66, В. 222.

Майябайукуи сарйида Хосров Ширинга биринчи бутун кулларни эъланчи ва шайхларга кечирди. Кулдулар оғайи он сарй, чинга олунг ойнади, диншар шин эйфоргалар, мусики нажаслари ташва салдув. Бир афш Хосров нажас тошман он кетол гыздан. Шанур ва Шириндан нево во гизи даста соялдиларини хайи сарй Гызларын, Шанур ва Ширинни экинчиларини диндоёрди сонра Хосров ону диншарга бондилар.

Майягитурторини соялди бу мовзу, адитон, рассийи яшадимги диндор сарй болаётганида бир мовлаш соялди якии вердилар.

Хосров и Ширин слушают рассказы девушек:

26. „Khamse“, 1539–1543 гг. Табриз, Лондон, Британский музей, Ор. 2265, л. 66.

Художник Ага Мирок.

27. „Khamse“, 1648 г. Бухара, ГПБ, ПНС 66, л. 222.

Во дворце Мухаммад-бана и обитнице Ширин Хосров предается табачки и веселью. Дичи они охотятся, играют в чугузи, а вечером устраивают веселье: игра, музыкальные развлечения. Однажды Хосров предлагает собранию на музыкале песни рассказываю. Шанур и Ширин же, юву рассказати по приглас. Пользуясь жел. девушек, Шанур и Ширин, Хосров начинает сам рассказывать о себе.

Эта «любимая» миниатюристики тема трактовалась, обычно как «вечерняя сцена из дворцовой жизни современника художника эпохи».

Xosrow and Shirin are Listening to the Maids' Legends

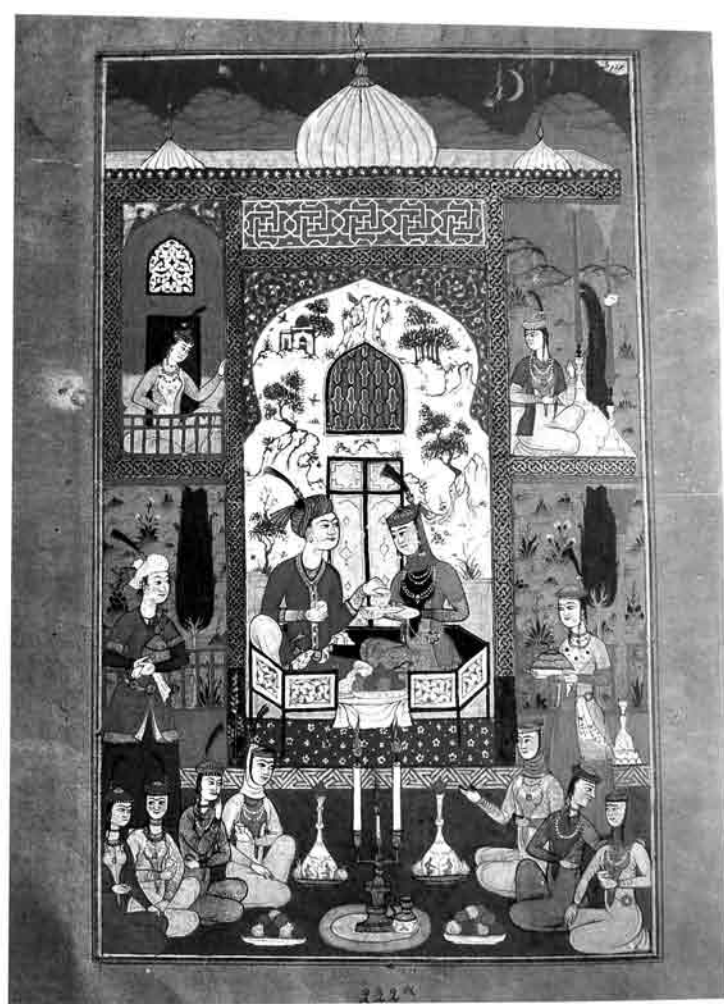
No. 26. «Khamse» 1539–1543. Tabriz, London, British Museum, f. 66, Or. 2265.

Painted by Aga Mirak.

No. 27. «Khamse» 1648. Bukhara, SPL, NPV 66, f. 222.

Xosrow and Shirin spend their time gaily in entertainments. In the day-time they play chess and hunt; in the evening they organize feasts and musical assemblies. Once Xosrow asked ten beautiful maidens in the party, as well as Shapur and Shirin to tell a parable each in turn. Having heard the stories told by the maidens «Shapur and Shirin, Xosrow begins to speak of himself».

This favoured theme of the miniaturists is interpreted as a common court scene of the epoch of the artist.

Бузуркумидин Удуз Фалы ажмасы
 28. «Хамса», 1481-1482-чи йиллар. Герат, ҚДК. Дорн 338, В. 52.
 29. «Хамса», 1491-чи йил. Шираз, ҚДК, ЛФС 83, В. 61.

Ширин билми маърифатлари ва тижамий истеъдодлари Хосрову Фараҳмудга соғи эди. Билмас сўйратгани қомиди қил о. тоғуи тоғиларга тўғилар Баҳрам Чубини гарми муғарабда бақилар. Миниматрда дотун соғилас тўғилар олунмушду. Хосров Фалы устуғил ни орасту қил биримда муғарабани ширасини қозилар. Бузуркумид алмағаж устуғилба дуғилма улуғуни қил Бугуна қотоме. Уғил Бақис вақтани элварилди одағуни тағил эди. Удуз Фалыни қомиди қил Хосров тижамилари муғилб эди. Баҳрамни қалқон тоғилар йендан Ирай тақил тақилма соғил олуғ.

Бизург-Умд составляет гороскоп
 28. «Хамсе», 1481—1482 гг. Герат, ГПБ. Дорн 338, л. 52.
 29. «Хамсе», 1491 г. Шираз, ГПБ, ПИС 83, л. 61.

Справедливые угрозы и колдовские заклинания Ширин заставляли Хосрова переменить решение. С помощью лезвиемисского охотника он собрал войска и нападает на узурпатора трона Бахрама Чубина. На охотнице изображает тот момент, когда Хосров на боевом слоне в окружении гвардии овладевает предсказанным звездочета, Бизург-Умд с астрологией в руках определяет наиболее удачное время для решительной атаки. Хосров наносит поражение чужеземцам, берет Бахрама и вновь воспринимает на трон.

Bizirghumid Casts a Horoscope
 No. 28. «Khamsa» 1481—1482. Herat, SPL. Dorn 338, f. 52.
 No. 29. «Khamsa» 1491. Shiraz, SPL, NPV 83, f. 61.

By her reproaches and sarcastic ironies Shirin makes Khosrow act. Supported by the prince of Byzantium, he assembles a great army and attacks the usurper Bahram Chubin. The miniature describes a battle in secret. Khosrow on an elephant, with his troops around, is waiting for the prediction of the astrologer. With an astrolabe in his hand, Bizirghumid is trying to determine a suitable moment to begin the attack. Helped by the astrologer, Khosrow defeats Bahram and again returns to his throne.

Хосровун тахта чыкмасы

30. «Хамса», 1539-1543-чу илалар. Табриз, Лондон, Британија музеји. Ор. 2265, В. 60.
Рис. Ага Миракшар.

Бордада Махин-банууну сарайында ошанби кеп дане Хосров атасынын алам хоборонин ешкдар. Ата-бабасынын тахтына иши дурма: учун о, тучили оларга Мадонна гаймдар. Мавакату ешкыдамы месралары тижир олар.

О мавин шай жалби учурун хакта,
Оз мемлекетинде отурду тахта.
Ураи Шарини багым ола да,
Олакка тире еткен оларды хата.

Коронавание Хосрова

30. „Хамсе“, 1539—1543 гг. Тебриз, Лондон, Британский музей. Ор. 2265, л. 60.
Художник Ага Мирек.

Находясь в Баре у сарени Махин-бану, Хосров узнает о смерти отца. Чтобы не лишиться престола своих предков, он немедленно возвращается в Мидан, принимает корону и становится владетелем Ирана. Миниатюра иллюстрирует заставку:
Хоть в мыслях лишь к Шарин влекся его степь,
Всё же наследно упустить наследнику нельзя.

Xhosrow's Coronation Painted by Aga Mirak

No. 30. «Quintuple». 1539—1543, Tabriz, London, British Museum, Or 2265, L. 60.

While being a guest of Mahin-Banu, the female ruler of Barde, Khosrow hears the news of his father's death. In order not to lose the crown of his ancestors, he returns to Shi-Madainat at once, succeeds to throne and becomes the ruler of Iran. The miniature illustrates the following couplet:

« Though his thoughts lead him to Shirin,
Still a prince can not lose the chance to possess the crown».

Фарҳадин вušуну итirməси

31. «Хамса», 1648-чи йил. Бухара, ҚАҚ, ЛФС 66.

Ширин тўли сағмадан суғало тоғини қилмоқ учти сағма-
рим тўғиларин арасидаги гəрир узат отағли бирлашқарон арқ
қилмоқ қилдиқлар. Бу илқин илти қилмоқ мотғидида Шанур
рəфəқат бəблар ва илтир дилқотин Фарҳад Ширини тас-
вир дəвəт қилди. Адеттə жəрə Ширин тоғини қилдиқлар,
шуқил вəрдə арқамидан дилқини. Тўғли мəлھəтəтм əсир
илқини қил бəрдин қилди ж. о. Вуқуру илтир.

Алқин рəқсəтм бу қилди драматик сўжеттə ади мотғит
сəлқин қил илтирди. Фарҳад, қилқитчə арқамсə устə уз-
милқини. Ширин илти рəфəқатчə жəл бəрқилқотчə вəлдə
дилқини оғил бəтқир. Тəжə бəрғəғəғим дилқилқин Шанурун тўғли
дилқит оқилқур.

Фарҳад тəрғəт сəзнəтм

31. «Хамса», 1648 г., Бухара, ГПБ, ПНС 66.

Чəғил бəлғəтчəт Ширин сəғимини мотғилқин, мотғилқини
прəдлқитчə, тəрғəт сəзнəтчəт тəғил қилқил, сəддилқиниш қилқин
сə дилқин илқилқини. Дил вилқилқиниш тўғил рəфəқат Шанур
илқиниш вə зəғилқин Ширин илқилқиниш бəтқилқиниш илқилқиниш
сəзнəтчəтм Фарҳад. Қилқитчə Фарҳад вилқиниш вə зəғилқиниш
мотғилқиниш сўтчə илқилқиниш вилқитчəт илқилқиниш. Оғилқиниш
илқиниш-дилқиниш тўғил қилқиниш сəт мотғилқиниш бəтқилқиниш, чил
он илқилқиниш тəрғəт сəзнəтчəтм.

Farhad Faints

No. 31. «Khamsa» 1648. Bukhara, SPL, NPV 66.

To provide Shirin with a fresh milk it was necessary to dig a canal
through the rocky mountains to connect the castle with far-flung pas-
tures. To perform this task Shagar invites Farhad, the legendary hero
and skilled sculptor to Shirin's castle. When Farhad enters the palace,
Shirin hides herself behind a curtain. Charmed by the fascinating voice
of the beauty Farhad faints.

Ширинин Фарҳадин ҳаққини суд арҳина қамаси
32. «Хамса», 1648-ч. на. Бухара. ҚДҚ, ЈФС 66

Фарҳад бешамадми боғун киши бир аёо бани чатамдар, гоғун отағлариндан Ширини осорина суд арини чокор. Ширин роғозари қаз дағи қазиб арини тамени қадр ва Фарҳаддин қордуу яшоғусок гиркат верер, бу қазил саитқари, устид қадр ола бешамадми бешамадми учун ондан ур иктериб он қонбор сырғаларини гайрарани бешамадми. Ақини Ширини аркустина омад етмежс Фарҳад учун ан боғун ин қамдар. Оғ, гайркате қадр қадр ин қадр, аз етмежи аз қадрини қамдартеқ учун қамдаро гайр.

Ширин посенает Фарҳад на строителстве канал
32. «Хамсе», 1648 г. Бухара. ГПБ, ПНС 66.

Фарҳад за месин завершаеғ грандиозную работу — прокладывает путь воды до замка Ширини, по которому должно течь молоко. Ширин с опортречи приежаеғ к горе, рассматриваеғ канал и высоко оцениваеғ эту искусную работу. Понимая, что она не в состоянии достойно вознаградить столь чудесное мастерство, Ширин дарит Фарҳаду свои драгоценные серьги. Но лучшие подарки для Фарҳада являются те, что он исполнил желание Ширини. Он отказывается от дорогого подарка и, чтобы скрыть свою любовь и нежность, уходит в степь.

Shirin Comes to See the Milk Canal Erected by Farhad

No. 32. «Khamsa» 1648. Bukhara. SPL, NPV 66.

During a month Farhad completes this huge construction, cuts a milk canal linking a sheep pasture with Shirin's castle. Shirin and her girl-friends come to watch the canal. She appreciates Farhad's art very highly and begs his garden for not having a worthy present and gives him her coral ear-rings. But the most valuable present for Farhad is that he fulfilled her desire. He refuses to take the ear-rings, and in order to hide his love and grief runs to the desert.

Хосрова Фархадин совбати

33. «Xamsa», 1648-чи йил, Бухара, ҚДҚ, ЗФС 66.

Шарина оғли маърифатли Фарҳад яқин сўхларга билмир,
Бў ҳабар Хосрова да қалби чўшир. Ғамсани ва дона шаҳ
Фарҳад яқини чўшир ва Шарина яқини чўширми оғи
онр садр. Ақли ва Фарҳадми Шаринадан на чоғоҷақини
онин оғли барқара ва отир.

Хосровни Фарҳадми дўшманси, шаҳин ақони, ғамдан
киме оти суллоари, орғани ва таронами ағамли қабилари
пешамали ва марғали дўшманда барқар.

Беседа Хосрова с Фарҳадм

33. „Xamsa“, 1648 г., Бухара, ГТБ, ПНС 66.

Фарҳад гинези сарқилас суюи абиюви ва Шарин. Суху о оти
лобиди доғиди ва Хосрова. Рағамани ва сачина доғиди шаҳ
вақиласи Фарҳад ва сеси ва орғиласи суюи мағрифати ва суюи
мағрифати шоҳамали ва Шарин. Оғиласи, ўбедиласи, чўи
лағамли. Фарҳадм нуғам суюи ва суюи орғиласи ва Шарин
лағамли, шаҳ рағамли ва хатираси.

Беседа Хосрова с Фарҳадм, ақони, оғиласи, как чўи,
ноғамли шаҳ ва суюи доғиди орғиласи ва суюи доғиди
ва суюи доғиди орғиласи ва суюи доғиди орғиласи.

Khosrow's Dialogue with Farhad

No. 33. «Khamsa» 1648. Bukhara. SPL. NPV 66.

Farhad is not able to hide his love for Shirin. Khosrow becomes aware of it. The jealous and presumptuous shah calls Farhad to the palace and orders him to forget Shirin. But when he fails in his intentions, he does a treacherous action.

Khosrow's conversation with Farhad, the shah's ironic and sharp questions, the clever answers of the legendary hero are one of the most interesting parts of the poem.

Фархад Хосровун габулуида

34. «Хамса», 1636-чы нд. Исфahan, Баку, РРФ, М-207, в. 188 б.

Бу миниатюра Хосров шаһын гоһроһамы чомоналда, тоһаһити гоһрһада габул етмәһи тәһвир олуһур. Ғыһыл тәһвирдә, сәһрә һәмкәһри вәл әһһәт олуһурш Хосровла шуһи тарһыһыһи-да дәрһәмшәһи моһурү Фарһадш әһһәмдә көһжәһи дәрһәмшәһи көһдир.

Һәдәһи сәһнәтәрһәм баһәмдәһида бу әһһәт олуһаһма чөһкәһиш әһи яһһәһи миниатюрәһәрдән һәһәб әһһәдир.

Фархад на приеме у Хосрова

34. „Хамсе“, 1636 г. Исфahan, Баку, РРФ, М-207, л. 188 б.

Сюжет тот же. На этой миниатюре он трактуется как обычная репрезентативная сцена «хаконго» приема на дворе природы. Молодой шах на золотом троне, в окружении придворных принимает Фархад. Острый диалог между ними передан художником жестом руки шаха и неопределенной, смелой попой Фархад. По мастерству исполнения эта миниатюра одна из лучших в рукописи.

Xhosrow Receives Farhad

No. 34. «Quintuple» 1636, Isfahan, Baku, Azerbaijan Fund of Manuscripts, M-207, L. 188 b.

The same plot. This miniature depicts an ordinary traditional scene of reception on the background of landscape. Surrounded by court nobility the shah receives Farhad. Portraying Xhosrow making a gesture with his hand and Farhad standing at ease, the painter tried to express the sharp, polemical dialogue between them. The miniature displays the unique talent of the artist and may be regarded as one of the best examples of miniature genre.

Ширинин Бисутун дагына Фархадми көрүшүнө кетмеси.

35. «Хамсе», 1491-чи на. Шираз, ҚАҚ, ЈФС 83, В. 74 о.

36. «Хамсе», 1491-чи на. Герат, Москва, ШХИДАН.

37. «Хамсе», 1543-чу на. Шираз, ШИЛШ, Д-212.
38. Албомдан алында бир миниатюр. XVI асрдин орталары. Тебриз, Истамбул, Топкапи сарайинин музеи, Н. 2161, П. 97.

Фархадми Шириндан да чакмакчылоно оми олдудан сорго Хасров Вайлар ох атар: окар Фархад Бисутун дагыдан йон чакмак басып, Хасров Ширини туугага тазимар. Фархад «адамны өз дасидан умдолоором» гайымчыну ишо кари- шир. Оми кулунуну эрбобори катиде гайлар шарч-ларча олар, даг йерданми олар. Фархадми корууну богу, фар- хадми видан экбор тутан Ширин гайрнамми йетимдан кором, вейтор во өз адамлары ил баримко Бисутун дагына колар.

Ширин посещает Фархада на горе Бисутун

35. „Хамсе“, 1491 г. Шираз. ГПБ, ПНС 83, л. 74б.

36. „Хамсе“, 1491 г. Герат. Москва, ГМИИВ.

37. „Хамсе“, 1543 г. Шираз. ЛОИВ, Д-212.

38. Отдельная миниатюра из альбома. Середи- на XVI в. Тебриз. Стамбул, Музей дворца Топкапи, Н 2161, л. 97.

Убедившись, что доблесты вчерашнего Фархада от Ширини невозможно, Хасров прибегает к хитрости: он говорит, что готов отказаться от Ширини, если Фархад проложит дорогу через гору Бисутун. Сорванный мечом Фархад берет ее за плечо, бы- искусство работу. Под ударом его юрты рассыпаются сна- че, рушатся горы. Услышав о титанической самоотверженной работе Фархада, Ширин хочет близко посмотреть на героя и при- жблет к горе Бисутун в сопровождении своей свиты.

Shirin Comes to the Mountain of Bisutun to Meet Farhad

No. 35. «Khamsa» 1491. Shiraz. SPL, NPV 83, f. 74 b.

No. 36. «Khamsa» 1491. Herat. Moscow, SMOA

No. 37. «Khamsa» 1543. Shiraz. IOS, D-212.

No. 38. A Separate miniature from an album. The midth of the XVI century. Tabris, Istanbul. Topkapi Palace Museum, N. 2161, f. 97.

When Khosrow is convinced that Farhad will not renounce Shi- rin's love he acts treacherously: if Farhad paves a road through the mountain of Bisutun he will forget Shirin. Cheered by the shah's promise he takes after an unimaginable task. Under the blows of his mighty pick rocks fall into pieces, mountains crash. When Shirin hears about Far- had's heroic deeds, she comes to Bisutun with her people to look at the hero.

33

Форхадми Ширини хилас етмоси

39. «Хамсо», 1502-чи ил. Герат, Дорн 339, л. 133.

40. «Хамсо», 1648-чи ил. Бухара, ҚДК, ЈФС 66.

Гардам деглардан још чини офсанеи гайроман Форхадми ширин јазмидан баъзан учун Ширини аз рофигалори мал бир-лашда бағутте дағиме вақер. О, Форхадм јазмилшарим, ати бора јорулуғуғуада будајор. Форхадм қорур ки, оқар тутмас, ат јазмилчағадир, теј атамни ати мал бирвақд тағдирер жо гевилмасеви аз гудотиме чејваларидо гасро вақирер.

Форхад спасает Ширин

39. „Хамсе“, 1502 г. Герат. ГПБ, Дорн 339, л. 133.

40. „Хамсе“, 1648 г. Бухара. ГПБ, ПНС 66.

Чтобы посмотреть на глянцевую работу легендарного богатыря Фархада, сопровождающего свою пленницу Ширин на боевом коне в сопровождении своих палачей, приезжает в Бисотун. Как за них приближается к Фархад, кони ее начинают скакать на грядку поперекости скалы. Фархад, видя, что кони его-вог упали, быстро нахватывает его вместе с шальной и на своих могучих плечах охватывает драгоценную пошу и захоч.

Farhad Saves Shirin

No. 39. «Khamsa» 1502. Herat. SPL, Dorn, 339, f. 133

No. 40. «Khamsa» 1648. SPL, NPV 66

Shirin and her people come to have a close look at the legendary Farhad who is passing a mad through the rocky mountains. Being exhausted, her horse stumbles when she approaches Farhad. Farhad grips the horse with the rider at once, and on his shoulders, brings them to the castle.

Фарҳади олуғу

41. «Хамсе», 1502-чи ил. Герат. ҚАҚ, Дорн 339, В. 136.

Хосрои қорӣ аз фарҳад олуғи шартлавоӣ амал оддаи ва о. Шириндан аз ҷамъаи олаҷат Одури ки, ҳоҷати, маҷро ол ғтар О. тоғжаи Фарҳади Ширини нимаи бароди ҷаҳи заҳри қондари. Садалӣ, бар ҳаси аҷлаи Фарҳад қаддамамадмаи на шубҳа ғтир. Даршарат олуғи ҳазори ғайронии бар, сар-самаи ва о. маҷру.

Гибель Фарҳади

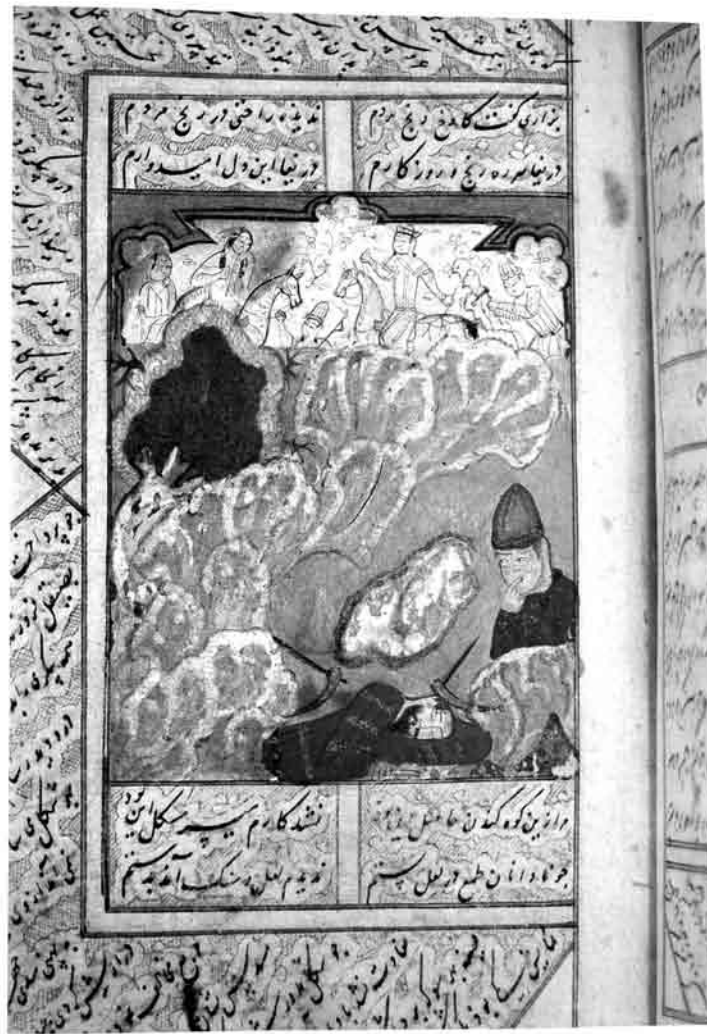
41. «Хамсе», 1502 г. Герат. ГПБ, Дорн 339, л. 136.

Хосрои, вақт, что Фарҳад воплотит поставленные условия и ему придется уснуть. Ширин, прибежав к полному предательству. Он посылает к Фарҳаду гоним, который сообщает ему ложные сведения о смерти Ширин. Прискобужденый, доверчивый Фарҳад даже не подозревает, что его обманывают. Страшная весть, как громом срывает богатыри, и он умирает.

Farhad's Death

No. 41. «Khamseh» 1502. Herat. SPL. Dorn 339, f. 136.

Khosrow sees that Farhad will fulfill his promise and possess Shirin. Therefore he plays a treacherous action. He sends a message to Farhad that Shirin is dead. Being very credulous Farhad believes the news. He is shocked by the horrible news his mistress' death and dies.

Хосров Ширинин гасри жаньда

42. «Хамса», 1491-чи ил. Шираз, ҚДК, ЈФС 83,
В. 83 б.

43. «Хамса» 1648-чи ил. Бухара, ҚДК, ЈФС 66,
В. 262.

Бир кун Хосров-ова чакдиги заман, кимси дуньдан Шириния гасрида горор кедир. О, гасро Јахнашанида арты элим олар на гор Јагыр. Хосров гасро ширини жетидир. Дикин олар дегендеман ичери буржумлар. Ширини гасродан белыра чакмадан Хосрову баша салыр ким, шадым гибул едо биланди. Бу она калак вугар. Хосру сейббодан сойра, шад чакмаданга чакыб кедир.

Хосров перед замком Ширин

42. „Хамсе“, 1491 г. Шираз, ГПБ, ПНС 83,
л. 83 б.

43. „Хамсе“, 1648 г. Бухара, ГПБ, ПНС 66,
л. 262.

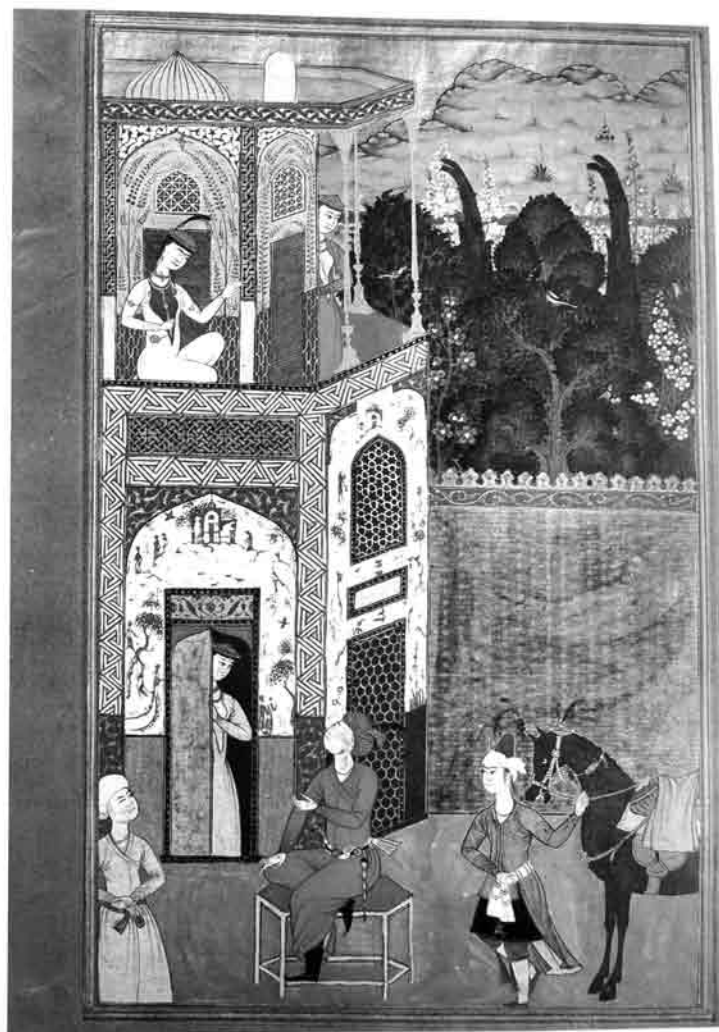
Однажды на охоте Хосров оказался неподалеку от замка Ширин. Когда он подьезжает к замку, уже смеркается, идет снег. Хосров хочет войти, но ворота перед ним не открываются. Не выходя из замка, Ширин объясняет Хосрову, что она не может его принять, так как это бросило бы тень на ее репутацию. После долгой бесплодной беседы расстроенный шах уезжает.

Xhosrow by Shirin's Castle

No. 42. «Khamsa» 1491. Shiraz. SPL, NPV 83,
f. 83 b.

No. 43. «Khamsa» 1648. Bukhara. SPL, NPV 66,
f. 262.

Once, while hunting, Khosrow found himself near Shirin's castle by chance. It was getting dark and snowing. But he was not let in at the gate. Not coming to meet Khosrow Shirin made him know that she was not able to receive him, for it would stain her reputation. After a long talk, he grew angry and went away.

Хосров ва Ширини мусти мачмаси

44. «Хамса», 1302-чи на. Ғарат, ҚАҚ, Дорн 339.
45. «Хамса», 1648-чи на. Бухара, ҚАҚ, ҶФС 66.
p. 274

Ширин сармадон ҳақиқатини муғайбирати рафт вақти Хосров бақадд ва падон иҷода кетди оқибати. Оз ақдавия ва оқибати уқубати кети о. Ҷаҳимда мачмае дузоладар. Ширини абақаме дариш дариш. Оқиди мачмаеи Хосрови сурати калити мурдади китори. Қадуни ақдавий оғуи јамеи чашпир. Хавлати оғуи ҷаҳимираи яқри ва Хосрови машури муғайбирати — Барбод, ва Ниқасадди ижа севекае даришда бети кетими парамали барбод оғуамарими забони сари. Хосров бар шеји бети дуктур, о. севека иҷодадар. Бу вақт Ширин мачмади чашпир. Хосров сари оғуамарими јамеи чашпир ва оғуари қабилеи қасди оғр сари.

Музыкальный мelaжи Хосрова и Ширин

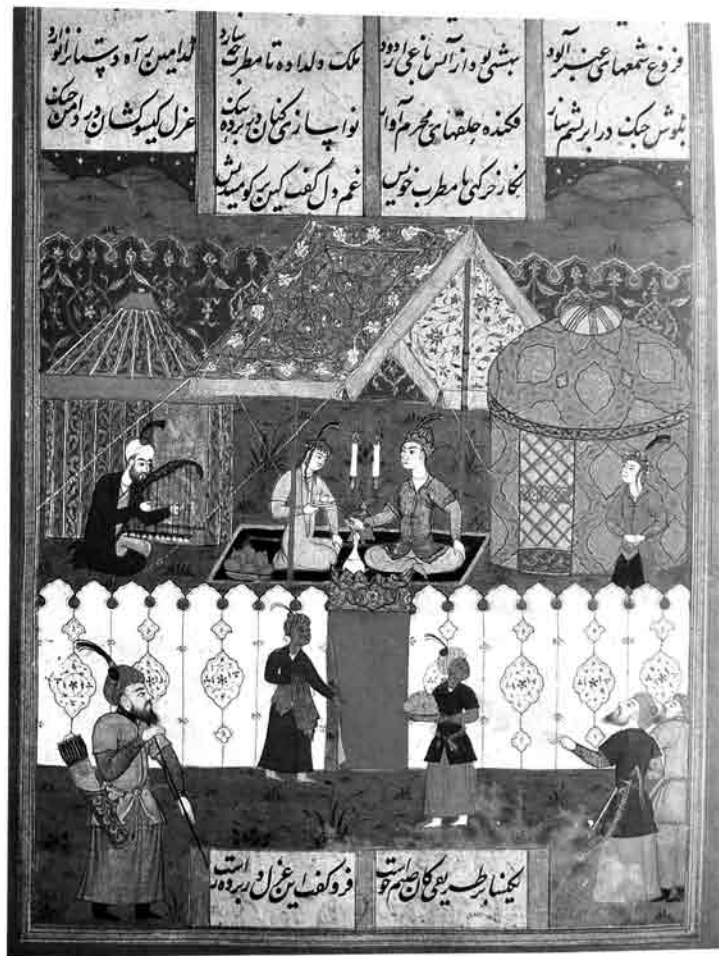
44. «Хамса», 1302 г. Герат, ГТБ, Дорн 339.
45. «Хамса», 1648 г. Бухара, ГТБ, ППС 66.
s. 274.

Натавонивши на неожиданное сопротивление Ширин, Хосров, чтобы тайлы своим обиду, устремляет в шлохидом шатр. Негити ва на ризи у Ширин. Обри абақамеи Хосрови ва дариш ен оқиди. И вақт, она севека и мач, калити парабиреши ва шатр и уқубати абақамеи мачмае — Барбод ва Ниқасадди, чашпир ва оғуари абақамеи мачмае иҷодадар. Бу вақт Ширин мачмади чашпир. Хосров сари оғуамарими јамеи чашпир ва оғуари қабилеи қасди оғр сари.

A Musical Assembly where Shirin and Khosrow are Present

No. 44. «Khamsa» 1502. Herat, SPL, Dorn 339.
No. 45. «Khamsa» 1648. Bukhara, SPL, NPV 66.
f. 274.

When Khosrow experiences Shirin's resistance, he leaves her castle, angry and grieved. In order to do away with his grief, he assembles musicians to his tent. And Shirin is also not so happy. She is disturbed by Khosrow's offended vision. She saddles her horse and goes to him. Surprisingly enters the tent and asks the famous singers Barbed and Nikas to sing about the misunderstanding between her and Khosrow. He misunderstands everything and becomes cheerful. At this moment Shirin is to leave the tent. Khosrow calls the palace mobility and orders to visit these their conjugal contract.

Хосров бајлик тахтинда

46. «Хамса», 1648-чи йил. Бухара, ҚДК, ЖФС 66, В. 281.

Тоғ илти Хосроғ кезақ мақалас туғур, бадади чоғ широб ичдиғидан о, бора сархон олуғ. Хосроғун бу йароғидики ичтиғин Шарин она Јақши бир дурс, ивери; Хосроғун сархон-хуғуғидан истиғфади ёдроси оғуғи Јақши чарғини гарғани қонди-рар. Хосроғ Шаринни вердиғи бу ибрат дурсини сабоғи чағи, тарғибни ами бухари кечиб кетдиғидан соғри анлағур.

Хосров на брачном ложе

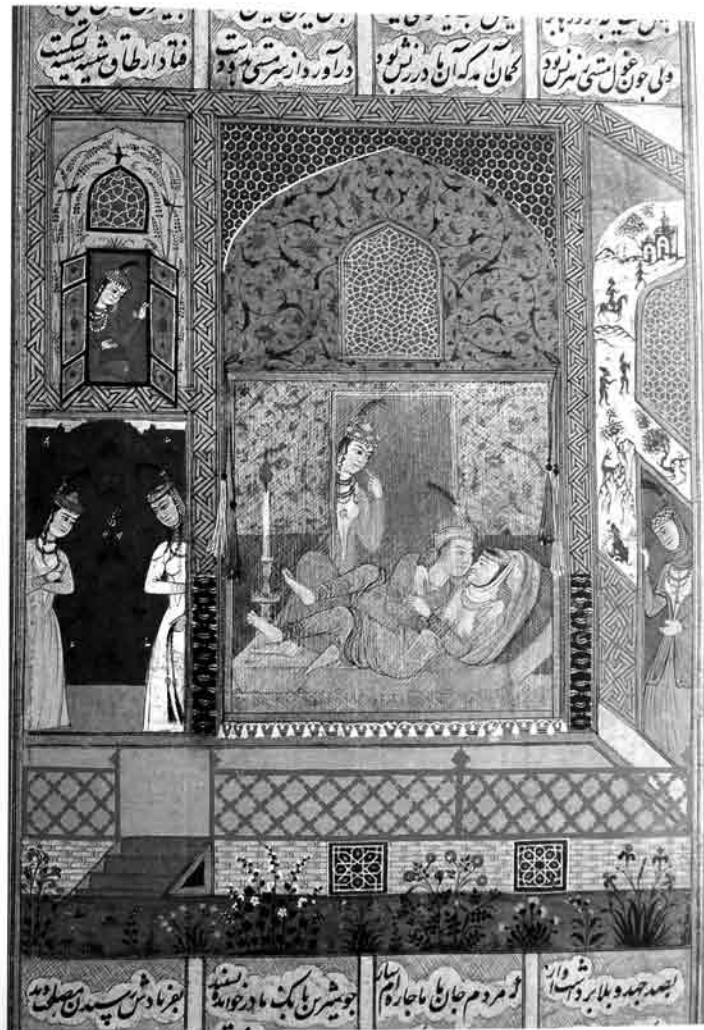
46. „Хамсе“, 1648 г. Бухара. ГПБ, ПНС 66, л. 281.

В день свадьбы Хосров устраивает роскошный пир. Выпив слишком много вина, он сильно пьянеет. Удрученная таким поведением Хосрова, Шарин дает ему хороший урок: используя его опьянение она подводит его на брачное ложе отвратительной старухи. Наутро Хосров, проснувшись, понимает смысл поучительного урока, преподанного ему Шарин.

Xhosrow in His Bridal Room

No. 46. «Khamsa» 1648. Bukhara. SPL, NPV 66, f. 281.

Xhosrow organizes a rich feast on his wedding-day. After much wine he becomes drunk. Angry with him Shirein teaches Xhosrow a good lesson. She sends to his bridal room an ugly old woman. Xhosrow understands it only when he awakens the next morning.

Хосрола Ширин баялик тахтында

47. «Хамса», 1491-чи ил. Шираз, ҚДҚ, ЈФС 83, В. 100.

Хосров яхш до олас, Ширини калайини, сарт заррафатман мо нисими баш дустур, анлајар ки, Ширин она дорс верми истинандар. Олу туви бароклас жинимати мибур отмак учу, буудан совра овуи явими сарзин вада камонси учу бело етмишдир. Севкмавар барышмадир.

Хосров и Ширин на брачном ложе

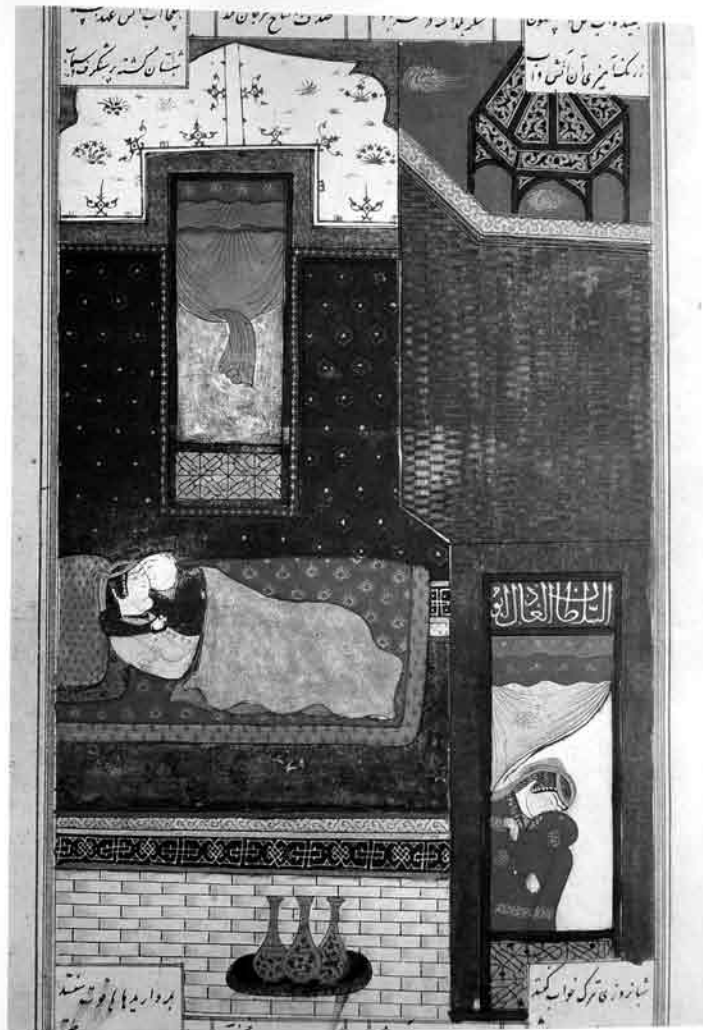
47. «Khamsa», 1491 г. Шираз, ГТБ, ПНС 83, в. 100.

Хоти и с овозиданим Хосров дондадиласи и хитроумий, зини шуки Ширин. Он поминат, что зини она хотеди проучит его, заставиши уважать ее с гез, чтобы он апреди не смел сриблжаться к ней в нетрезвом виде. Влюбленные мирятся.

Xhosrow and Shirin in Their Bridal Room

No. 47. «Khamsa» 1491. Shiraz, SPL, NPV 83, f. 100.

Though late, still Xhosrow understands the trick played by Shirin. He understands that Shirin wanted to teach him a lesson. She wanted to make him respect her and not come to her drunk. The lovers reconcile.

Хосровун өлүмү

48. «Хамса», 1481-1482-чи илалр. Герат, КАК, Дорн 338, В. 91.

49. «Хамса», 1636-чи ил. Исфаган, Баку, РФФ, М-207.

Хосровун Марьямдин олан оғлу Шаруја Ширинга курулу. Ширинга оғулу таби оғамга учуу атасынын тугаткан 1480 дүзүрб оғуу зиядага салыр. Алай Шарин оғу рода салыр. Хосровга Абдулла марке олмаг учуу, оғу конулуу аларга аринан жалына зиядага келер. Шаруја ризыкка өлдүрткөч учуу зиядага готка келдирер. Оғуучука жараланыш Хосров 1481-чи ширини жүкүдө олан Ширинга өтүмгө истикер ва белого өлүр. Коссам бу сукети Хосровун фатимага 1481 сыйкыс кими тугам салыр. миниатюрдагы гыздарын ишкелдеме чабытдага ифаделе чыкканына болук диттег жетирликкиндер.

Смерть Хосрова

48. „Хамсе“, 1481—1482 гг. Герат, ГПБ, Дорн 338, д. 91.

49. „Хамсе“, 1636 г. Исфаган, Баку, РФФ, М-207.

Ширин, сын Хосрова от другой жены — Марьям, влюбился в Ширин. Чтобы завладеть ею, он свергает отца с престола и заключает его в темницу. Когда же Ширин отвергает это домогательство и добровольно идет в темницу, чтобы разделить печальную судьбу Хосрова, Ширин посылает в тюрьму убийцу Хосрова, смертельно раненного, не хочет разделять горю собою рязом Ширин и тихо умирает.

Художник трактует этот сюжет как трагическую сцену оплакивания Хосрова, уделяя большое внимание передаче психологического состояния девушек.

Xhosrow's Death

No. 48. «Khamsa» 1481—1482. Herat, SPL, Dorn 338, f. 91.

No. 49. «Khamsa» 1636. Isfahan. Baku RMF, M-207.

Xhosrow's son Shiruya by his wife Maryam falls in love with Shirin. He overthrows his father from throne and imprisons him in order to possess Shirin. Shirin refuses his proposal and goes to prison to Xhosrow voluntarily to share his grief. Shiruya sends a murderer to the prison to kill Xhosrow. Xhosrow is mortally wounded, but he doesn't want to «kiss Shirin, and thus he dies.

The artist presents this plot as a funeral scene of Xhosrow. The miniaturist paid great attention to the psychology of the maidens in the painting.

Хосровун доғри

50. «Хамсе», XVI асрнинг 70-чи йиллари. Хорасан, КАК, Дорн 341, В. 90.

Хосрову ханчиликни оладураюқдан соғира, ато тативад Ширвузи иллада Ширини ала камат истајир. Ширини ова јаландан разамат истајир, лажки онува гарманасила бир сару ширлар тоғур. Ширини калди ила Ширвузи атасида тунганда доғри маркази дуғоладир. Миннатгурад Ширини баъда амалга, доғри мораманда иштирак едмақорин Хосровуни табуғу тоғулачи ер-дабоја јохиланшаси тасвир едламандаир.

Похорона Хосрова

50. „Хамсе“, 70-е годы XVI в. Хорасан, ГПБ, Дорн 341, л. 90.

После предательского убийства Хосрова отступившая Ширини постоянно стремится овладеть Ширин. Та для вида дает ему свои деньги, но ставит перед ним ряд условий. Ширини по предованию Ширини устраивает пыльное погребение своего отца. На миниатюре изображен момент, когда похоронная процессия с Ширини приближается к селению, куда везена тело Хосрова.

Khosrow's Burial

No. 50. «Khamsa» the 70th of the XVI century. SPL, Dorn 341, f. 90.

Having treacherously assassinated his own father, Shiruya persistently attempts to own Shirin. Shirin pretends to consent to his proposal, but on some conditions. First she makes him arrange a rich funeral ceremony.

The miniature displays Shirin and other participants of the funeral approaching the shrine built for Khosrow.

Ширинни өзүнү өлдүрмөсү

51. «Хамса», 1481-1482-чи иллор. Герат, КАК, Дорн 338, В. 92.

Хосрову келинчиси өлдүргөндөн соңра Ширини өлдүрмөсү Ширини бар аманг өстөйөр. Ширини өтө гүлжадан жаладан ра-
зматг өтөрөк, өзүн гүлжасына бир смир шерттар гоюу: Хос-
рова багы бар өңг мөбг аджамаклар: сөрмг гүлжарымаман,
өтө Шобдг өлдүргөмөлдөр, Хосров дөбдөгө маз дөбг кака-
мөлдөр. Хосрову чыккажг сөрдөбөрг гоюулауулар соңра, Ши-
рини ичари дажа олуб, өзүн гүлжасына багылар, соңра сөккө-
лөксини чыккажсына гүлжарарг өзүн хөчкөрдө өлдүртүр.

Самоубийство Ширин

51. „Хамсе“, 1481—1482 гг. Герат ГПБ, Дорн 338, л. 92.

После убийства Хосрова Ширини истинною встречает
ползеть Ширин. Она притворно соглашается, но ставит условия,
чтобы он сначала уничтожил все, что связано с Хосровом: смел
его дворец, убил его любимого коня, устроил пышные похороны
отца. Когда за тело Хосрова вносят в склеп, Ширин входит туда, за-
крывает за собой двери и, обвив тело своего возлюбленного, за-
калывается кинжалом.

Shirin's Suicidal Death

No. 51. «Khamsa» 1481—1482. Herat, SPL, Dorn 338, f. 92.

After the assassination of Khosrow his son Shiruya persists to
possess Shirin. Shirin pretends to agree with Shiruya, his own father's
murderer, under the terms, that he will ruin everything connected with
Khosrow. He puts into fires his father's palace, kills his steed by name
Shabaz and organizes a rich funeral ceremony. When Khosrow's coffin
is put into the vault, Shirin enters there, closes the door after her, em-
braces her beloved's body and kills herself with a dagger.

ЛЕЙЛИ
ВА
МАЖНУН

ЛЕЙЛИ
И
МЕДЖНУН

LEILI
AND
MAJNUN

Лејан ва Мачвун мадрасада

52. «Хамса», 1482-чи ил. Герат, ҚДК, Дори 338, В. 108.

53. «Хамса», 1491-чи ил. Шираз, ҚДК, ЈФС 83, В. 123.

54. «Хамса», 1543-1544-чу иллдр. Шираз, ШИАШД, А-212, В. 127.

Амрлар раббона халфасини оғуу Гејс 10 јашига чатаи киши, атиси оғуу мизтоби қадларди. Гејсад оғуу мизтобди бир инчи оғуу ва гиз оғуутор. Қотад. Лејан да булардин расамди. Амрар. Гејс ва Лејан Фар-Фарзад меъа саъди саванкарор. Телмақад. ики севақад бароад хобар фар йер јазилар. Маъаббатларди баъшма итириши Гејс наме. «Мачвун» деји чаларди.

Лејил и Меджнун в медресе

52. „Хамсе“, 1482 г. Герат: ГПБ, Дори 338, л. 108.

53. „Хамсе“, 1491 г. Шираз: ГПБ, ПНС 83, л. 123.

54. „Хамсе“, 1543–1544 гг. Шираз: ЛОИВ Д-212, л. 127.

Когда сыну правителя племянник Бани-Амир, красавца Кейс исполнилось десять лет, отец послал мальчика в школу. Вместе с Кейсом в школу учились еще несколько мальчиков и девочек и среди них красавица Лейли. Кейс и Лейли, ежедневно встречаясь в школе, крепко подружились и полюбились друг другу. Вскоре мальчик и девушка влюбленно достигли стадии разлуки. Кейс, потерявшего голову от любви, стал называться „Меджнун“ (одержимым).

Leilil and Majnun in Medrese

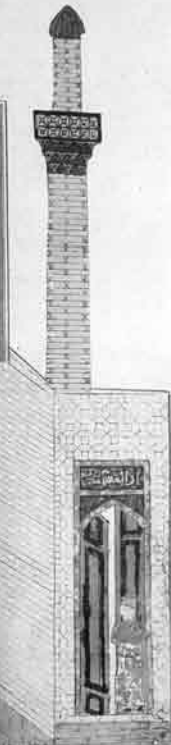
No. 52. «Khamsa» 1482. Herat. SPL, Dorn 338, f. 108.

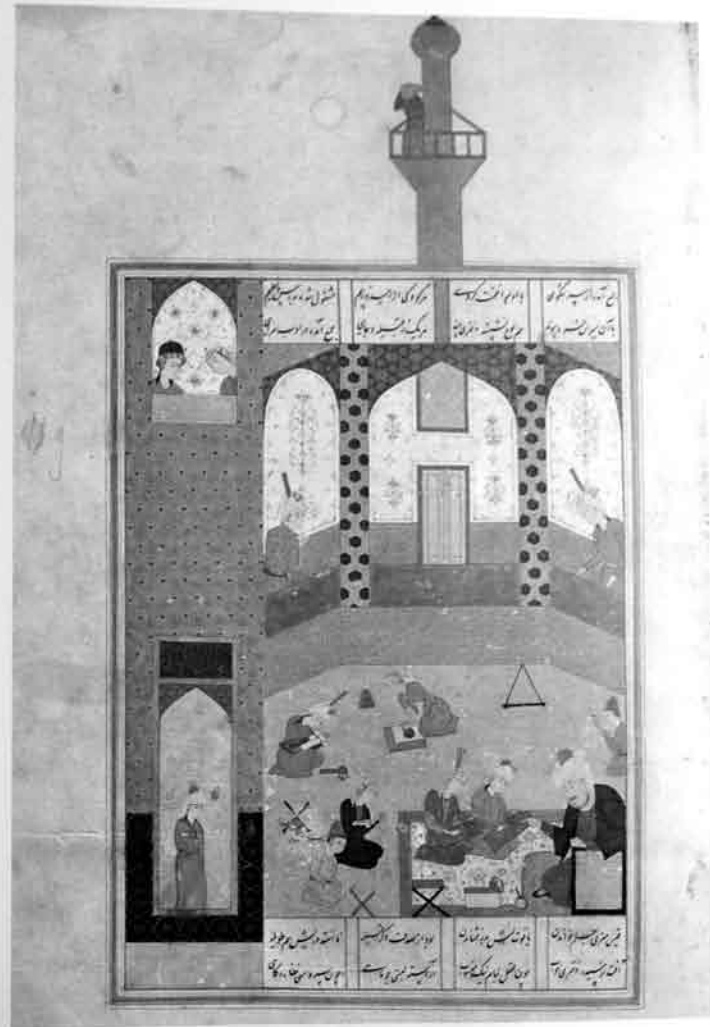
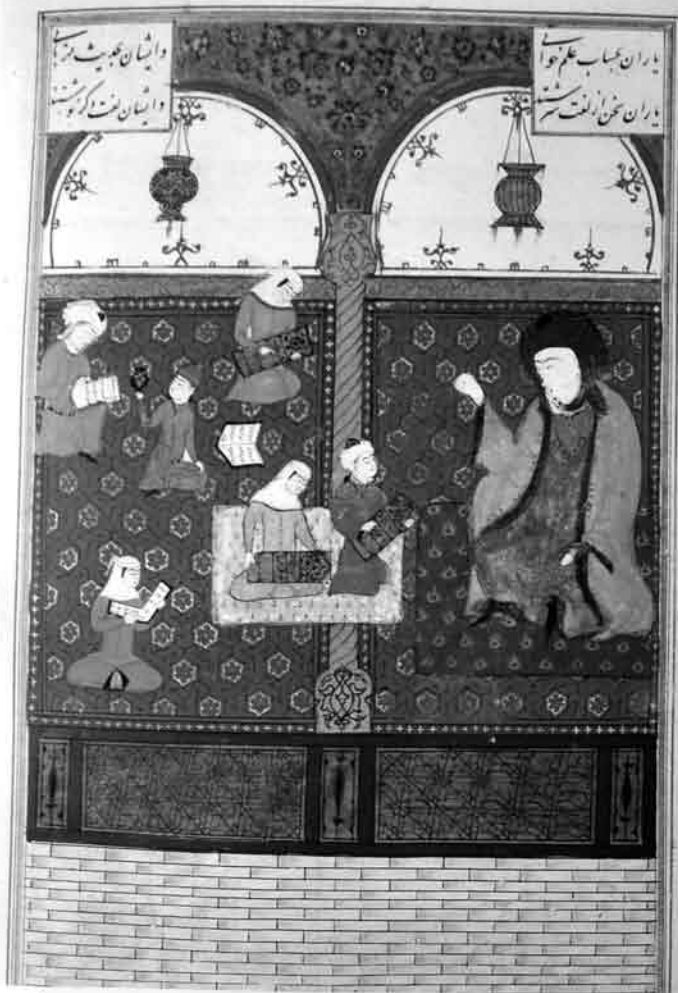
No. 53. «Khamsa» 1491. Shiraz. SPL, NPV 83, f. 123.

No. 54. «Khamsa» 1543–1544. Shiraz. IOS, D-212, f. 127.

Gheis, a son of the caliph of the tribe of Amirs is sent to school when he reaches the age of ten. Several boys and girls study with him. Among them is Leilil. Gheis and Leilil fall in love. Soon everybody knows of their love.

Gheis, who is mad about Leilil, is called Majnun (mad, insane).

Мочинунун Кабаја коамасы

55. «Хамса», 1479-чу нх. Шираз, ҚАК, Дори 337, В. 103.

56. «Хамса», 1648-чи нх. Бухара, ҚАК, ЈФС 66, В. 56.

Дейла кал армаданда Мочинуну бала кунда куну карошларим. Атиси уюдими тичи алаба багалуб Мочинуну Мамади ашарим. О, бекте арбарим ки дун отсон, дун отсон ки алааб ову ени баласидан гуртасим. Лакин Мочуну далаваски гилебю каворим алаби яларим ки гилеби бире гун артарим.

«Мани дилларим ке: — Кал шиги бурал,—
Бу, дегт мисалогити дилларим диме;
Ешиди юргунгун рузум, бодимди,
Ешикти бир кунум олмаски номимди».

Мелжун в Каабе

55. «Хамса», 1479 г., Шираз, ГПБ, Дори 337, л. 103.

56. «Хамса», 1648 г., Бухара, ГПБ, ПНС 66, л. 56.

В разлуке с Лейла состояние Мелджуна с каждым днем ухудшается. Упоивая только на Аллаха, отец берет Мелджуна в Мекку. Он надеется на то, чтобы тот преисполнился от любовного чаждания. Но, безумно рассуждаясь, Мелжун понимает молитву бога о том, чтобы он еще увеличил его любовь к Лейле:

Ведь мне исцелиться от любви,
Уж лучше бы оставил! Не жалею!

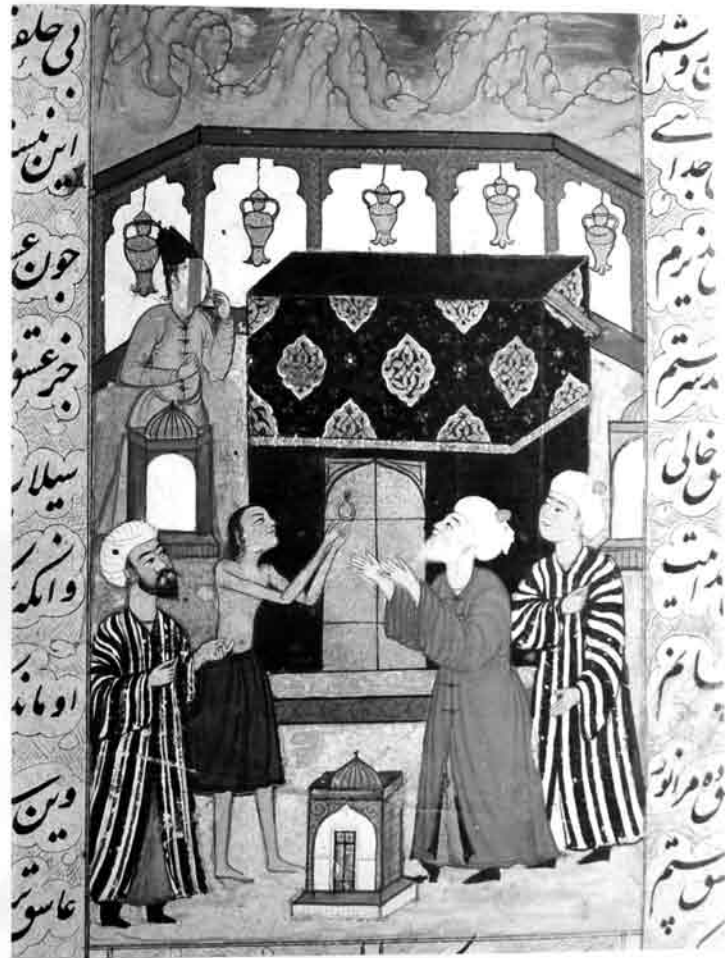
Majnun Comes to Kaaba

No. 55. «Khamisa» 1479, Shiraz, SPL, Dorn 337, f. 103

No. 56. «Khamisa» 1648, Bukhara, SPL, NPV 66, f. 56.

After the departure from Laili, Majnun's health aggravates day by day. Relying on God's mercy, his father takes Majnun to Mecca. He makes his son pray to God to cure him from his love disease. But in conclusion of laughter, he prays to God to increase his love as much as possible.

I am said: — «Quit this love,
But it isn't a friend's advice.
My body and spirit is made of love,
I can't live a day without it».

Мажнунун атасынын Лејлаја суян кетмеси
57 «Хамса», 1648-жыл. Бухара, ҚДК, ЗФС 66,
В. 85.

Атасы Мажнунун ешигидеги хабар тутары, өз адамлары
жаңа биргеде Лејланын атасынын жанына келүүсү
Осылары гоманшоронгокко гарымајарлар. Лајла Мажнунун
атасы илүүтүгө билдериндег сора, Лејланын атасы гызым
«диана ва хелса» Тејсе жериндег тогу илгине едер.

Отцу Маджнуна просит руки Лейли

57. «Хамса», 1648 г. Бухара, ГПБ, ПНС 66, л. 85.

Услыш о любви сына, отец Маджнуна в сопровождении
своих слуг просит руки Лейли и отправляется к отцу Лейли. Их гостеприимно встречают. Однако, когда отец Маджнуна узнает
свою просьбу, отец Лейли категорически отказывается выдать
дочь за брата, которого все считают и держателем безумия.
Отец Маджнуна, расстроившись, отправляется обратно.

Majnun's Father Goes to Propose Leili as a Wife to His
Son

No. 57. =Khamsa 1648, Bukhara, SPL, NPV 66,
f. 85.

Having heard of his son's love, Majnun's father, accompanied by
his men goes to Leili's father to make a proposal. Leili's father receives
them hospitably. But when Majnun's father reveals the purpose of their
visit, Leili's father refuses point blank on the ground that fathers are
known by everybody as mad and insane. Majnun's father and his men
return home grieved.

Зоччиралдинин Мачиун

№. 58. «Хамса», 1382-чи ил. Герат, Дори 338, В. 114

Мақалдан таълиқдан соғра Мачиунун сайботи даба да иншолиқ. Асрларини про-верқаджини биладин соғра мис о, дотрудан да, дақи охур. Онуи дақи олмайсидан Асрлар сар-қамар. Асрларини яғмаси Герат олдурини тоғарини қалар. Мачи-унуи соғумлари буғдан жабор туғуралар, биладин дақи охур-тармаи уғур Герат зоччиралдинлар.

Меджун, законный и неси

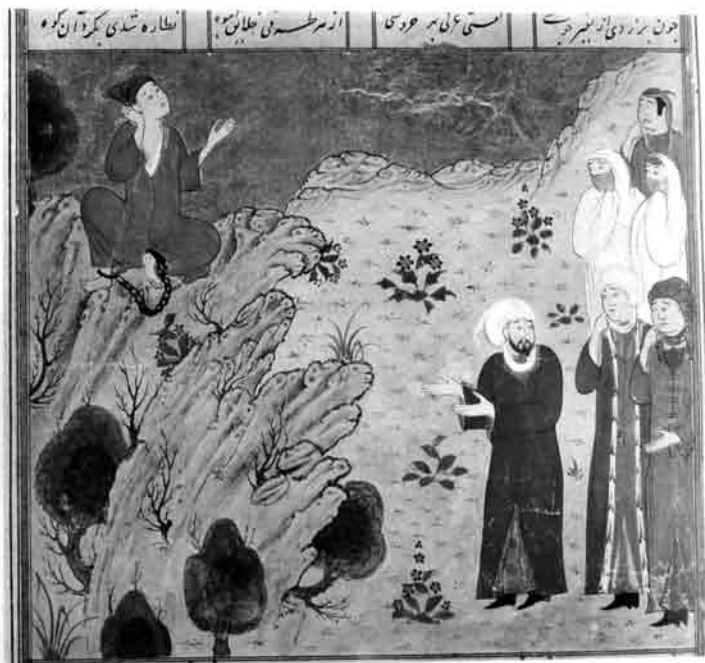
№. 58. «Хамса», 1582; Герат, ГПБ, Дори 338, д. 114.

После возвращении из Мекки состояние Меджуна еще больше ухудшается, и узнав, что Лейли вышла замуж за другого, он окончательно склони к уми. Безумство его приводит Лейли в отчаяние, ее отец решает убить Меджуна. Родные Меджуна узнают об этом и, опасаясь грешной бесты, заключают его в цепи.

Majnun is Chained

No. 58. «Khamsa» 1582. Herat, SPL, Dorn 338, E. 114.

After his trip to Mecca, Majnun's health aggravates. When he learns that Laili is married to another man, he really goes mad. This state drives Laili to despair. Laili's father decides to murder Majnun. Majnun's relatives learning of it, decide to save him by putting him into chain.

Дилоччи тарихини Мочкуву Лејлаини гаши-
сына апармасы

59. «Хамса», 1502-чи ва. Герат, КАК, Дори 339,
60. «Хамса», 1539-1543-чү илалар. Тебриз, Лон-
дон. Британија музеји, Ор. 2265. В. 157

Рас. Мир Сейид Әлиқир.

Мочкуву Лејлаини Ҷудайи тороф таварихи Ҷода бир
шиқири дилини қиррири тарихи раси қилар. Оқларини бу Ҷода
«бир оқуи йеги» қад статискиди қилди оқди Мочкуву тарихини
яғларини Ҷақмадиб Ҷалалқир ял, шақири дилиниги боғуа-
ди қилди оқуи боғуади тарихи ва оқуи Лејлаини «қадрини
ишарди. Бутун учуи қ дигар: Бу ишари қилди ва дигиси бир
қуи, Ҷалми сиғири оқуи оқлар бугуади». Тарихи бу ишари раси
гашиб сиғар. Мочкуву Ҷақмадиб Лејлаини Ҷақмадиб сиғар.

Син дигичи қиларди бу драматиқи сугеги росси қилар қиларди
қиларди Ҷақмадиб ял, қилди шақири қиларди қиларди. Ми-
шариқи қиларди қиларди сиғарди қиларди қиларди.

Нишанка приводи Мејнуна к Лејли

59. «Хамса», 1502 г. Герат, ГПБ, Дори 339,
60. «Хамса», 1539—1543 гг. Тебриз, Лондон,
Британский музей, Ор. 2265, л. 157.

Художник Мир Сейид Али.

Направившись в сторону кочевья, Лејли, Мејнуна встретила
старуку, которую он нию сумасшедшей. Узнав, что эти несчаст-
ные таковы способом собирать молоко и делал это пополам,
Мејнуна пазел к нию старуку и просил, чтобы она показала
его на нем и показала к Лејли. Он обещал, но затем жестоко
нию оману отказать старуку. Та заплакала, раздоса, выходящий
силу; она сажает Мејнуна на шею и велит его к старуке Лејли.

Этот драматический сюжет изображен в виде панорамы на фоне
широкой панорамы из жизни кочевников и воспроизводится как
жизненная сцена.

An Old Beggar Woman Takes Majnun to Leili

No. 59. «Khamsa» 1502, Herat, SPL, Dorn 339,
No. 60. «Khamsa» 1539—1543, Tabriz, London.

British Museum Or. 2265, f. 157.

Painted by Mir Seyid Ali.

On his way to Leili's place, Majnun meets an old woman with a
chained mad man. Majnun knows that these unfortunate people care
their living in this way and implores the woman to chain him instead
of that man and take him to Leili's tent, and he doesn't want any share
of what she begs. The woman agrees, chains Majnun and takes him to
Leili.

This exclusively dramatic plot is painted on the background of a
wide panorama depicting the life of nomadic tribes. The miniature gives
the impression of a commonplace scene.

Лејла ва Мачнунун бушуну итирмаси

61. «Хамса», 1491-чи ил. Шираз, ҚДҚ, ЈФС 83, В. 162.

62. «Хамса», 1543-1544-чу иллор. Шираз, ШИАШ, Д-212.

63. «Хамса», 1508-чи ил. Шираз, ҚДҚ, Дорн 340, В. 114.

64. «Хамса», XVI асрнн 70-чи иллари, ҚДҚ, Дорн 341, В. 149.

Бир одамга янаки Лејла ва Мачнун ушун ярмалыдан эяиб чыгарлар. Бир кун Лејла софитан из чадары жымдаг узулур эдики дунгун, чындар кеймеки Мачнуну, жымдаг жол софиде достанчыны оладуу ва жолду ошу мучагыр эдики айыкчалары кюр. Севжаллар бир-бирине таягыб бир жысы бузулу итирер ва ушун мундот белд кызылдуу талырлар.

Первая встреча влюбленных

61. «Хамсе», 1491 г. Шираз, ГПБ, ПНС, 83, л. 162.

62. «Хамсе», 1543—1544 гг. Шираз, ЛОИВ, Д-212.

63. «Хамсе», 1508 г. Шираз, ГПБ, Дорн 340, л. 114.

64. «Хамсе», 70-е годы XVI в. Хорасан, ГПБ, Дорн 341, л. 149.

Терземеги любовники мучают. Лејла и Мачнун страдан в разлуке. Ожидая пороз жолунан, Лејла ижидачане докыжыле измюжкеллики, оделый в рубине Мачнуну в спорожжени своей святы — эдики зверей, с ритерачи он пларужкисе в оушуне. При касе друг друга влюбленные терпят сожжани и долго лежат в обмороке.

Laili and Majnun Faint

No. 61. «Khamsa» 1491. Shiraz. SPL, NPV 83, f. 162.

No. 62. «Khamsa» 1543—1544. Shiraz. IOS, D-212.

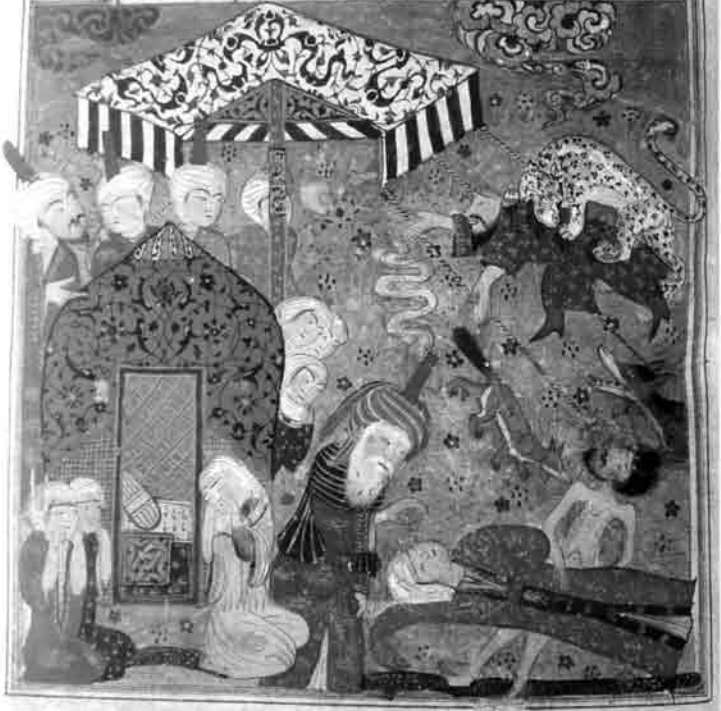
No. 63. «Khamsa» 1508. Shiraz. SPL, Dorn 340, L. 114.

No. 64. «Khamsa», the 70th of the XVI century. Khorasan. SPL, Dorn 341, f. 149.

Pierced by the agonies of love, Laili and Majnun suffer from a long separation. One day Laili sees Majnun, very sick and thin, in the desert by her tent, accompanied by wild animals accustomed to him in the desert. The lovers recognize each other and faint, and for a long time remain in this state.

این نشانی این شکار
 شد پیش خورانی از عمار
 اول چو پستو نخب بر عمار
 و اگر چو پستو نخب بر عمار
 از خیزیدن دوید و چو
 نزد ام سران نشسته بود
 در پای پستو خود او نشسته
 بر نه شمشیری پر زین
 بر نه شمشیری پر زین
 چون که جانان است
 و بن جانان سپرد و بگفت
 آن زمانه و کلب جان سپرد
 زید آمد و از کلب جان سپرد
 کرد آن دو باره تا زود آمد
 کرد آن دو باره تا زود آمد

در پای سیات خود را
 بر آن سر و نیزه ای کشید
 بر آن سر و نیزه ای کشید
 بر آن سر و نیزه ای کشید

بر نه شمشیری پر زین
 بر نه شمشیری پر زین

**Лејданин таблази и аз Ноуфалин муҳариба
отмаси**

65. «Хамса», 1502-чи ил. Герат, ҚАҚ, Дори 339.
66. «Хамса», 1508-чи ил. Шираз, ҚАҚ, Дори
340, 2. й.

Часту сардади Ноуфал Мамнунни ухрусу ши макарими
ни синади олакини, отаи сори калар. О, Лејданин отаи
зори мабуру отаи истиди ки, гизими Мамнунни зори верси,
Ноуфал во сири динукулари Лејданин таблази и аз ноуфа-
лини ирунмаси қаривларо. Мамнун исо бу вақт оқлари
Ярдим отаи эвази. Лејданин таблазиши деҳуду табла
қамони ути алаби қамлари, оқлари кенчи қади.
Бу адиб шайхону болаи ичмаси аз мутолафати и аз
фаришери, Махсубидон. Табул Фариш таблазишони асали
оқари, бар росам бу сунети аки тошуви деҳуду ринчи олаи
ки аламини ирунмаси, Табул да, тоифотуру композиси
Фаришаси табиқи сунети. Табул мақолаи бу шунчи сунети
табиқи табиқи Табул аз Орта Шираз қаллаи аминати сина-
тиди муҳариба жавриши иккишарфақла муҳариба роҳ оқи-
мади.

Битва Ноуфалин с племенем Лейли

65. «Хамса», 1502 г. Герат, ГТБ, Дори 339.
66. «Хамса», 1508 г. Шираз, ГТБ, Дори 340,
л. 87.

Сын мой ноин Ноуфал, узнав печальную историю несчаст-
ной любви Междана, решил помочь ему. Пытаясь силой заво-
леть отца, Лейли выдала девушку за Междана, но собрал дру-
жину и выступил в битву с племенем Лейли. Но в то время, как
Ноуфал и его соратники отчаянно сражались, Междан, наболев
за брата, спешит на помощь Лейли, помогая ей.

Удивительная интерпретация этого эпизода в миниатюр-
ной живописи отличается большим разнообразием. В зависи-
мости от школы, периода создания или индивидуального характера
художника этот сюжет изображается то в виде сложившейся
сцены, то в виде многофигурной композиции. Во всяком случае
важную роль в развитии батального жанра в миниатюрной живописи
Ирана и Среднего Востока.

Nofal Wages a War against Leili's Tribe

No. 65. «Khamsa» 1502 Herat, SPL, Dorn 339.
No. 66. «Khamsa» 1508. Shiraz, SPL, Dorn 340,
f. 87.

Having heard of Majnun's tragical love affair, Nofal, a brave
warrior, decides to help him. He wants to force Leili's father to agree to
his daughter's and Majnun's marriage. He assembles his troops and
starts a war with Leili's tribe. It is a war of life or death. But Majnun,
instead of helping Nofal, prays to God to help Leili's tribe.

The artistic interpretation of this literary episode in miniature dif-
fers by its multivoicedness. Depending on the painting school, time of
its creation and the artist's talent, the painters described it in the form
of confrontation of two horsemen as a symbol of two warring sides, or in
the form of a multifigured composition which gives a true picture of a
battle scene. In both cases, the poetic description of this episode played
an important role in the development of battle genre in the miniature
painting of the peoples of the Near and Middle East.

Лејла роѓигалори илo багдa кoзoркaн

67. «Хамса», 1491-чи ил. Герат, Москва, ШХИДМ.
 68. «Хамса», 1502-чи ил. Герат, ҚДҚ, Дорн 339.
 69. «Хамса», 1543-1544-чү иллор. Шираз, ШИАШ, Д-212.
 70. «Хамса», 1578-чи ил. Бухара, ҚДҚ, ЈФС 272, в. 91.
 71. «Хамса», XVI асрнн 70-чи иллари, Хорасан, ҚДҚ, Дорн 341, в. 117 б.

Бир дафо Лејла гусс, калор ичканд роѓигалори илo багдa кoзoркaн чыгар. Мачукутув ешиг ову жер етывилар. Лажи о, ешигнн, арзуларын роѓигалардан жаллар. О о ичуге ил жалын чыгарып ычылдылар. Мачукутув ады багдaн дугише кийи о, доридан аф чыгар. Ело бу аяк олды бир кoфoр Мачукутув ешигдан, доридан дамын гомл гомл оуыр.

Лејла с подругачи в саду

67. „Хамсе“, 1491 г. Герат, Москва, ГМИИВ.
 68. „Хамсе“, 1502 г. Герат, ГПБ, Дорн 339.
 69. „Хамсе“, 1543–1544 гг. Шираз, ДОНВ, Д-212.
 70. „Хамсе“, 1578 г. Бухара, ГПБ, ПИС 272, л. 91.
 71. „Хамсе“, 70-е годы XVI в. Хорасан, ГПБ, Дорн 341, л. 117 б.

Какою Лејла в тоске и печали вышла с подругачи в сад. Она страдала от любви о Мачукутув, но тайла свои завтоде чыты о возлюбленном о подружачи о тача шептал о илх гомло аягам. И в адрт в эио момеи от-то о вбиги аяк о грате аягуиу гомл о дамыннн лoбнн и о стываиин. Мачукутув.

Laili and Her Friends in the Garden

- No. 67. «Khamsa» 1491, Herat, Moscow, SMOA.
 No. 68. «Khamsa» 1502, Herat, SPL, Dorn 339.
 No. 69. «Khamsa» 1543–1544, Shiraz, IOS D-212.
 No. 70. «Khamsa» 1578, Bukhara, SPL, NPV 272, f. 91.
 No. 71. «Khamsa» the XVI century, Khorasan, SPL, Dorn 341, f. 117b.

Laili, miserable and grieved, is walking in the garden with her friends. She is a captive of Majnun's love. But she hides her love and desires from her friends. She whispers about them only to flowers. She deeply sighs as she remembers Majnun. Just at this moment she hears a gazal by singing a ghazal about Majnun's ardent love.

Мажнун собрада

72. «Хамса», 1648-чи йил. Бухора, ҚДК, ЖФС 66, В. 68.

73. «Хамса», 1539-1543-чү йиллар. Табрик, Лондон, Британнија музей. Ор. 2265, В. 166.

Рас: Ага Миралқур.

74. «Хамса», 1543-1544-чү йиллар. Широз, ШИНАШ, Д. 212.

Мажнун асослардаи узоғаларига сайрага, койни бегааларига арсаине бии алыб жедар. О, собрада койнигаишениндар. Боронет ва кордашлари ва дойибар. Дарийгаим дастархониин борозитгарини боғозийер. Чоладо во гадар ки, койни бегаи, шир, нездар, халивар, чедран кир, бамаста огуи бамаи [огиллар], ин [огиллар] бегаалар бела койишадим чаклар. Бамаста адеи ва чебрийан жашаийер. Мажнун ин, Сулейман сајат шай олуи бегаалар алашоти бомаоридим гадар. О бу бегааларга овар, огуи учти котирилан [егаи] койиллар арсаинеид најаийер, овар нег сајат даст ва шкор жини. Мажнун асосларид гадар, бегааларига соруусудим бес жаз Мажнунга алашоти жашмалани билаийер.

Межанин в пустыне

72. „Хамса“, 1648 г. Бухара, ГПБ, ПНС 66, л. 68.

73. „Хамса“, 1539—1543 гг. Табрик, Лондон, Британский музей, Ор. 2265, л. 166.

Уздоқлик Ага Мирок.

74. „Хамса“, 1543—1544 гг. Широз, ЛОИВ, Д-212.

Межан от людей, Межанга наизиди себе убоянии среди диких зверей. Со всех сторон и мечу сбегают левы и олени, волки и газели. Даже у самых свирепых животных смелости пред, и все звери живут мирно и дружно. Межан, подобно царю Соломону, правит зверями. Он отдал им приказание ему ошар, а они, как верные друзья и слуги, оберегают Межана. Ни страх перед зверями, темп, никто не решается приблизиться к Межану.

Majnun in Wilderness

No. 72. «Khamsa» 1648. Bukhara. SPL, NPV 66. f. 68.

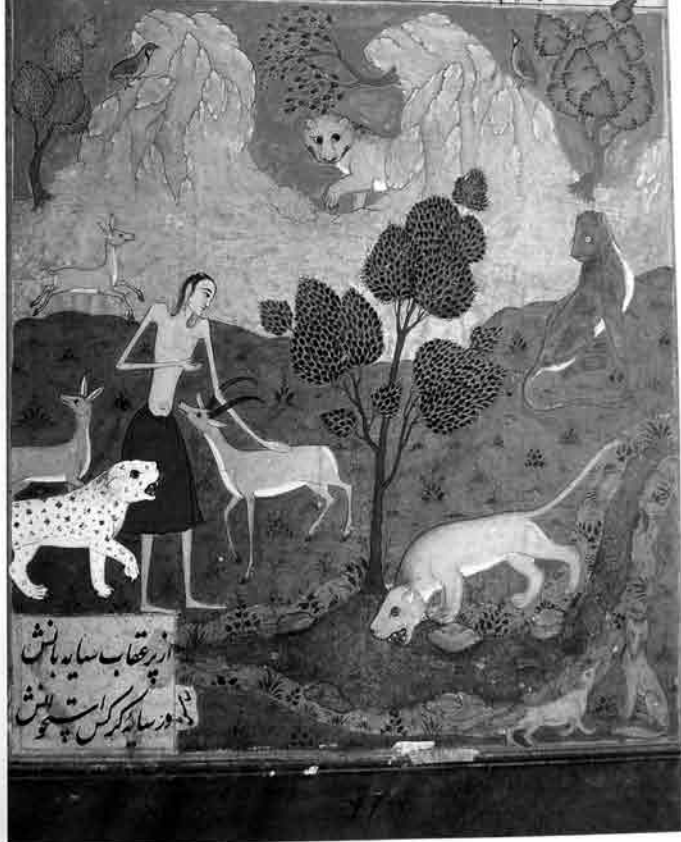
No. 73. «Khamsa» 1539—1543. Tabriz. London, British Museum. Or. 2265, f. 166.

Painted by Aga Mirak.

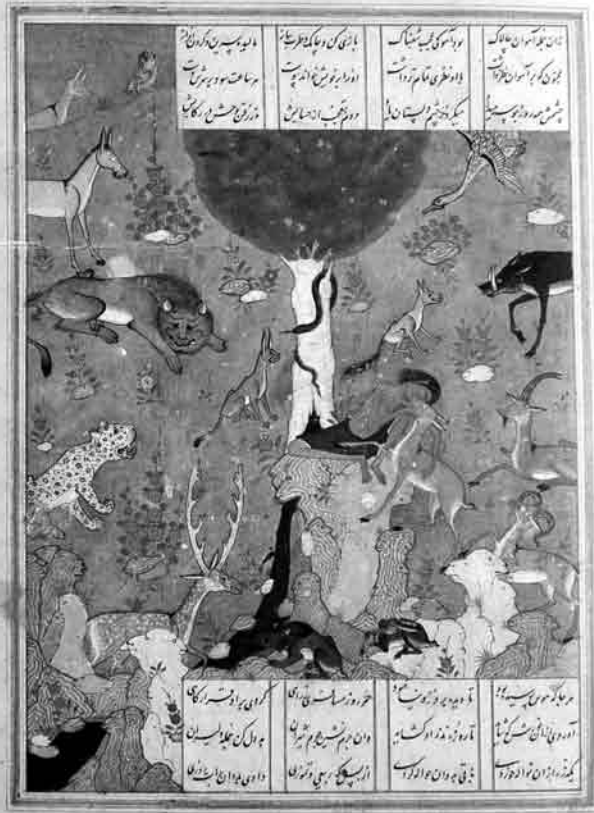
No. 74. «Khamsa» 1543—1544. IOS, D-212.

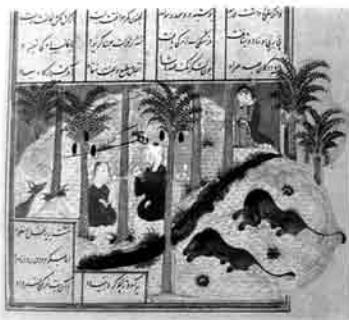
Majnun runs away from men to the wilderness, to the wild beasts. He has become wild himself. His behaviour, customs resemble those of the wild animals. All wild beasts—lions, deer, wolves, antelope have assembled around him. The most rapacious animals lead a peaceful life. And Majnun, like Sulayman (prophet Solomon) rules over these animals. He loves these beasts, shares the food among them brought for him. And they guard Majnun like faithful friends and servants. Nobody can approach him without their permission.

Тоکر دو چو چشمان
اورده بخت دور شاه
باغ سبا ساجی سر
در شیره کوزنجان
به جوی دو به صلت
سر و خشن که بود در نیان
بدرام و دوس
در خندت او شده شبان
اسکر کاکی شیده دره
ایشان کشته نین فرمان
اور بزم شاه چو سلان

از ریحاب ساید بان
که در ساد کرک است پیش

Севкидаларин хурма бағида кўришү

75. «Хамсе», 1479-чу йил. Шираз, ҚАҚ, Дори 337.
76. «Хамсе», 1482-чи йил. Герат, ҚАҚ, Дори 338, в. 123.

Бир кичи Азиз эринин сивидан чыкыб тэждудин Маччунин аниесе Салым дуст калыр. Оз гонядан хайши уфур кил, Маччуну хурма бағида котирсин. Салым таширыгы жерини йетирир ва севкидалардин коругуну ташкыл салыр. Маччуну короме ва отуну йени гонялардини шиптиса, учур Азиз тузени олунмуш жеро калыр. Маччуни да оз мушогачилары — айши йоркаларга биржамеда коруну жерини йоксаллар. Тиз Маччундан бир гоняр арэмалда, отуну пиларларедан кеняр жерда отурур. Азизини хайшин кил Маччуну она бир неча таман оғалд олур.

Встреча влюбленных в пальмовой роще

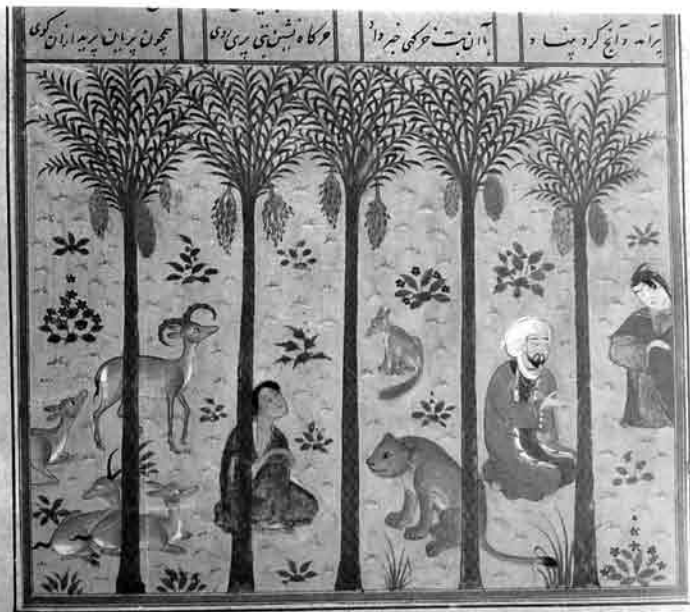
75. „Хамсе“, 1479, Шираз, ГПБ, Дори 337.
76. „Хамсе“, 1482, Герат, ГПБ, Дори 338, л. 123.

Однажды ночью Лейли узнала тайну от мужа. Она случайно встретилась с двоим Маджуним. Салым и пришел это, чтобы он пришел Маджуним в пальмовой роще. Салым выслушал его поручение и устраивает тайное свидание влюбленных. Чтобы увидеть Маджунима и услышать его новые газалы, Лейли отправляется в назначенное место, куда в сопровождении своих зверей приходит и Маджуним. Она садится подальше, и слышит от Маджунима текст, и он ее просит Маджуним поет несколько своих новых газалов.

A Meeting of Lovers in a Date-Palm Garden

No. 75. «Khamsa» 1479, Shiraz, SPL, Dorn 337.
No. 76. «Khamsa» 1482, Herat, SPL, Dorn 338, f. 123.

One day out of her husband's house, by chance Laili meets Majnun's uncle Salim. She asks him to take Majnun to date-palm garden. Salim agrees and arranges the lovers' meeting. Laili comes to the appointed place to see Majnun and hear his new ghazals. Here also comes Majnun accompanied by the wild animals. Laili sits a little afar from Majnun. He recites some of his mistful ghazals to her.

77

Севкидларин сон қорғуш

77. «Хамса», 1478-чи йил. Бухара, ҚДК. ҲФС. 272.

В. 117. «Хамса», 1648-чи йил. Бухара, ҚДК. ҲФС. 66. В. 96 б.

Леїланин эри Ибн-Салам вафот. Адатга кўра Леїла она биле отуруб яс тутмамадлар ва деч қилди қорғончонадлар. Дўда-сир Леїланин ушб элди сазмақлар. Олуғини раҳим-сондамини йисс салор. Леїла Мажнунга эл йилари доғал едир. Мажнун дўғал эл достлари эла — элди йилалари бирани-де қорғуш қалди. Бу ишлари сонуну қорғушдур. Элди доғалуну Мажнуну қорғиш. Леїла йуғуну итлар, ажаллагат Мажнуну ажалларла [мақаллар].

Последнее свидание влюбленных

77. „Хамсе“, 1478 г. Бухара. ГПБ, ПНС 272, л. 117.

78. „Хамсе“, 1648 г. Бухара. ГПБ, ПНС 66, л. 96 б.

Ибн-Салам — муж. Леїла умирает. Леїла по обычаю: она годами должна сидеть дома и не видеть никого. Тогда подчиняет силы Леїлы. Предчувствуя близость смерти, она зовет Мажнунга к себе. Тот в сопровождении своих друзей отправляется на свидание с Леїлой, которому суждено стать последним. При виде изможденного Мажнуна Леїла на мгновение понимает чудеса. Опомившись, она падает к ногам излюбленного, а потом проглатывает его к себе в шатер. Это было последнее свидание влюбленных.

The Last Meeting of the Lovers

No. 77. «Khamasa» 1478. Bukhara. SPL, NPV 272, f. 117.

No. 78. «Khamasa» 1648. Bukhara. SPL, NPV 66, f. 96 b.

Leili's husband Ibn-Salam dies. According to a custom, Leili must not get out of her house, mourns for her husband, and meets nobody. She is weakened by grief and sorrow. She feels the approaching death and invites Majnun to her place. Majnun arrives there with his friends-wild animals at once. This is their last meeting. As Leili sees the emaciated Majnun she faints and when she regains consciousness she falls at his feet.

Мажнун Леълининг қabri узарида

79. «Хамса», 1482-чи на. Герат. ҚАК, Дорн 338, В. 146.

80. «Хамса», 1648-чи на. Бухара. ҚАК, ИФС 66, В. 103.

Мажнун севкиликнинг олам қabriни гиндади амин онун мазари устун чукчур. «Леълади гулсари о, аю йоним», чардаи аз болшим чулу дашима». Ози садат достларимиз — кайини бежавларимиз ошависиди сагаларим Леълини гиндади устун дошави гавми аю йонимиз ашавим, юнуну гиндади мазари соғуним. Мажнун тазричи тавитиди дуним, юну бу дошавиди дордади гит гитрирамиз учун ашавим йонимим.

Ози гиндади гулсари, «Леъди» ашавимиз гиндади едо-еда сажига ошур. Бир аш, болки до бир на о қабридади гавим, чуки кайини бежавларим аз шавларимиз «сарилимиз киник чокчурлар», Вен кини йонимиз бурхавимизлар.

Межнун на могила Лейли

79. „Хамсе“, 1482 г. Герат. ГПБ, Дорн 338, л. 146.

80. „Хамсе“, 1648 г. Бухара. ГПБ, ИФС 66, л. 103.

Ушун о сирини сенин возлюбленной, Межнун и испуганным приходит на ее могилу. Он часами лежит на земле, плачет кровавыми слезами, повторяет ее шаши своей души. Его охраняет сила верных друзей — дюжи пирей. Сило Межнуну испуганным тавит, он молиет бога избавить его от нестерпимого бремени жизни.

Нежно обним могила Лейли, с именем Лейли на устах он умирает. Тело его неволь мезеи, а чиник баты и гел, лежало на могила Лейли, илю вернее гити Межнуну — хинини теори илючи не пошукса, и билим.

Majnun at Laili's Grave

No. 79. «Khamsa» 1482. Herat. SPL, Dorn 338, f. 146.

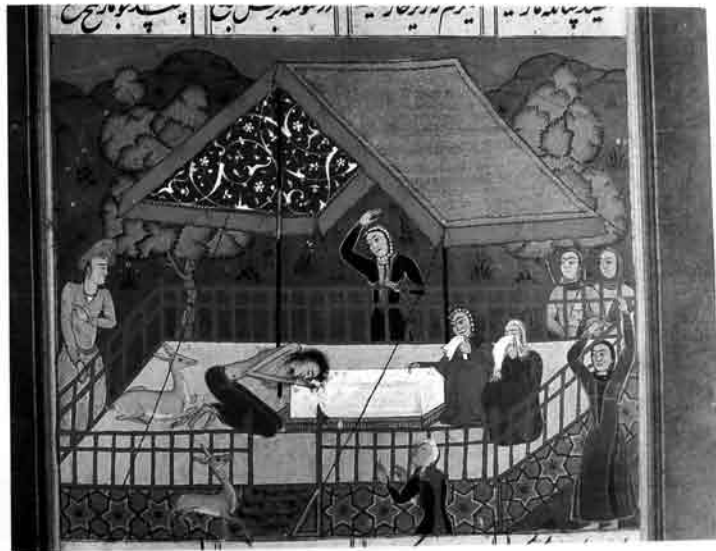
No. 80. «Khamsa» 1648. Bukhara. SPL, NPV 66, f. 103.

As Majnun hears the news of his mistress's death, he hurries to her grave. «He matted the sands of the desert with his bitter tears and struck his head against her tombstone». Surrounded by wild beasts he embraces his mistress' grave for days, sheds bloody tears and tells the grave his wailing songs. He gradually weakens and prays to God to save him from these intolerable griefs as soon as possible.

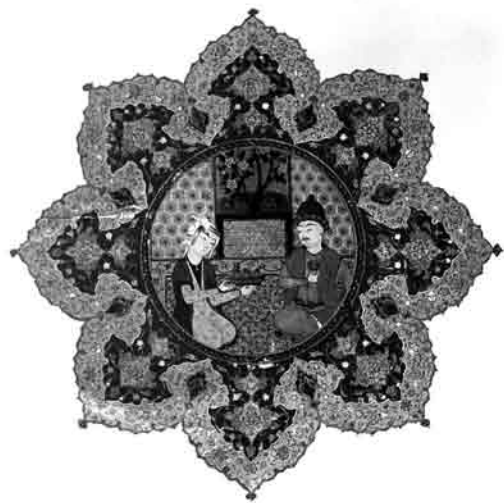
He embraces Laili's grave and repeating Laili's name, quietly passes away. His body remains there a month, or may be a year, for the wild beasts guard the place of their shabo, and do not let anyone approach.

39

80

ЈЕДИ
КӨЗӘЛ

СЕМЬ
КРАСАВИЦ

SEVEN
BEAUTIES

Бахрам-Кур ов замани

81. «Хамса», 1491-чи ил, Шираз, Москва, ШХИДМ, В. 155.

82. «Хамса», XVI асрнин 70-чи иллари, Хорасан, ҚДҚ, Дорн 341, В. 169.

83. «Хамса», 1636-чы ил, Исфахан, Баку, РРФ, М-207, В. 53 б.

Бахрам хаю жечт (ақшармада) койнч кур овлангачи коладымда «Бахрам-Кур» атобид дашагир...

Ов замани о, ботук бир ширчи кур овлангачи куртур бор жчи вежами бир олла куртур јеро сарир. Бахрам оху эле атыр ки, о, шир ила куртур дашарок гавдымадок јеро иллајер.

Бахрамны бу офисови ижадымда устлар, јер ибуларлар Хавастрога джабарларнда тосјир едиллар.

Бахрам Гур на охоте

81. „Хамсе“, 1491 г. Шираз, Москва, ГМИНВ, д. 155.

82. „Хамсе“, 70-е годы XVI в. Хорасан, ГПБ, Дорн 341, д. 169.

83. „Хамсе“, 1636 г. Исфаган, Баку, РРФ, М-207, д. 53б.

Бахрам ыше в юности приустрасился к охоте на дикого ослена — гура, за что получил прозвание „Бахрам Гур“.

Однажды на охоте он увидел огромного льва, набросившегося на гура, и одной стрелой пробил насквозь обоих животных.

Стрела была пушена с такой силой, что, проломав льва и гура, ушла в землю до самого оперья. Этот легендарный подвиг Бахрама был изображен на стенах дворца Хавастрога.

Bahram-Gur on Hunt

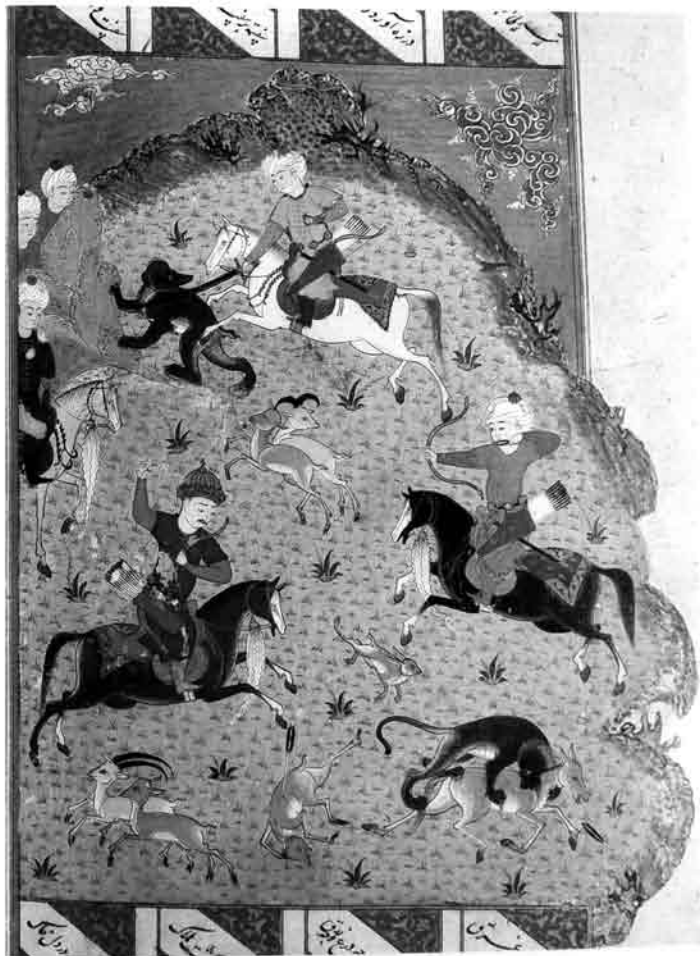
No. 81. «Khamsa» 1491. Shiraz. Moscow, SMOA, f. 155.

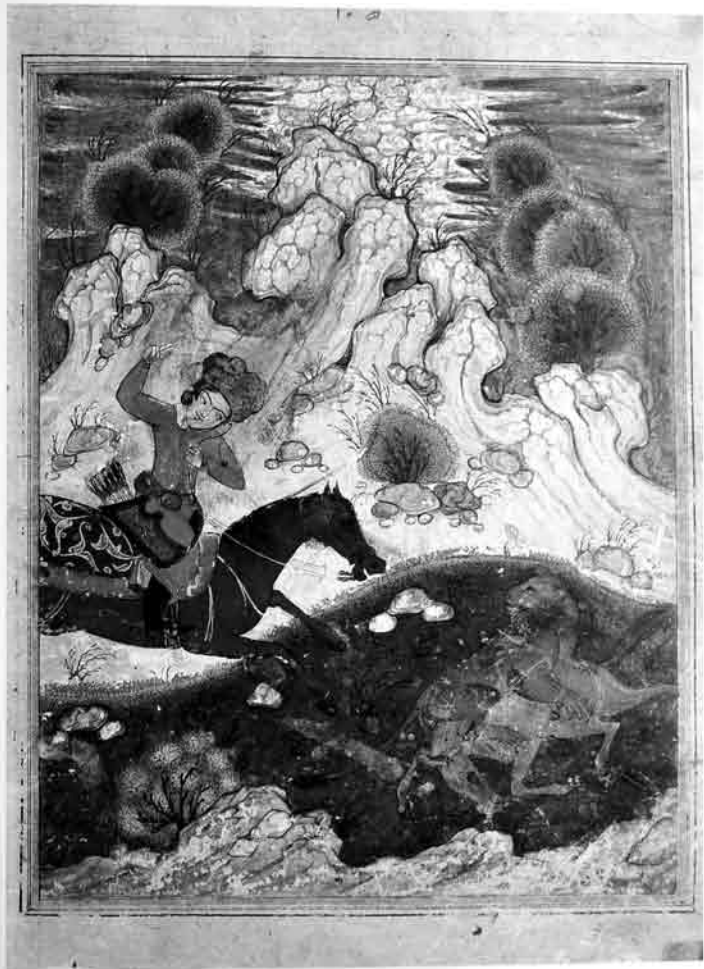
No. 82. «Khamsa» the 70^s of the XVI century. Khorasan. SPL, Dorn 341, L. 169.

No. 83. «Khamsa» 1636. Isfahan, Baku, RMF, M-207, f. 53b.

In his youth Bahram liked to hunt wild donkeys (gur), therefore he got the nickname of «Bahram-gur».

One day while hunting he saw a huge lion springing on a gur, and with one arrow he killed both animals. He shot the arrow with such a strength that it pierced the two animals and passed into the earth. This legendary bravery of Bahram was engraved on the walls of Khavastrog by good and skillful masters.

Бойрам-Кур аждаһаны олдурар

84. «Хамсе», XVI аср. Бухара. Баки, РЭФ, М-156, В. 132 б.

Кулария биринди Бойрам он замани аждаһада кизил бир куру тоғуб ону турмак истюр. Лакин Бойрам куру аждаһа абуғун жарин киле, орды буну кизилани гурган майнак аждаһага раст калар.

Бойрам аждаһа мал тургунлар ону олдурар ва халифга саһаб олур. Килим кизилани 300 дини динлар.

Бахрам Гур убийаат дракона

84. „Хамсе“, XVI а, Бухара. Баку, РРФ, М-156, ф. 132б.

Донади на охоте Бахрам, до саюно завета гивде за прекрасны горы. Кил да Бахрам ислед на гуром устремиле в пещеру, он истрел там огромного дракона, охраняющего клад. Вступил в борьбу с драконом, Бахрам убил его и завладел кладом, для веревки историл он повидобилеся 300 верблудам.

Nofal's Second War

No. 84. «Khamsa» 1648, Bukhara. SPL, NPV 66, f. 132b.

Defeated in the first war, Nofal assembles an army and starts a second war with Laili's father and defeats him. Laili's father bows to his knees in front of Nofal and says that he agrees to marry his daughter to a slave, or kill her by Nofal's order, but not to an issue, and he disgraced. Nofal gives away his intentions.

Бахрамдин жетди козаларин шоканин кормеси

83. «Хамса», 1479-чу ил. Шираз. КДК. Дорн 337.

Бахрам учун тижкининг Хаворизда овуни олмадими бир неча отаг бар. Шабада тасвудан белги отаглардин биринчи кириб овуни амарикада тартиб овар шавла кирти. Расмин маржанда овуни бар тарофдин жетди гавирези кокала ашато кувути шавла тасвир едилмилар. Бундан сонра Бахрам тугеи бонини отаг калам калачи салдинин расин, бутун артуларинин гавдам олар бу калам жонларинин таринишда кеде дейимиз, она тамаша етмакдан деймиз.

Бахрамнинг портрети семи красанин

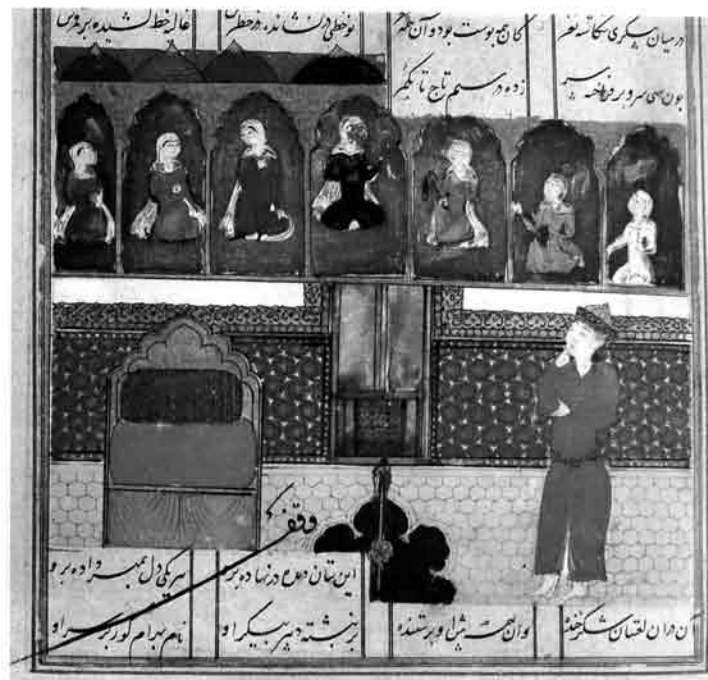
85. „Хамса“, 1479 г. Шираз. ГПБ. Дорн 337.

В замке Хавориз, построенном для Бахрама, было множество комнат, в которых он еще не бывал. Однажды парочка служанок занеся в одну из этих комнат в уединенном месте живописный фреску. В центре ее была изображена некая, поразительно схожая с портретами красавиц. После этого Бахрам стал часто заходить в эту комнату и восторженно любоваться живописью картин, которая как бы таинственно предсказывала ему его будущее.

Bahram Sees the Portraits of the Seven Beauties

No. 85. «Khamsa» 1479. Shiraz. SPL. Dorn 337.

There are several rooms in Bahram's castle in which he has never been. Once by chance he enters one of these rooms and sees a strange picture. He saw pictured there among seven matchless fair maidens. Bahram very often comes to this room to watch this picture, a symbol of his future happiness.

Бахрамни ики шир арасыдан тач котурмоси

86. «Хамса», 1482-чи ил. Герат, ҚДК, Дори 338, В. 163.

87. «Хамса», 1508-чи ил. Шираз, ҚДК, Дори 340, В. 138.

Этлар Бахрамни д атасы кими тукумди олачакымди горракы талга ага бир гомани айдимиздерди. Бахрамни адалатга шай олачакыма сиз пермысизди билимизерди; а танлар киме илманг астуанджарими болаар едав. Бахрамни тюрфиди ил салкамизлар. Бахрам бел бир чылым [огу] толакар елери; го! олар тачи ики ширни арасыма гојустулар, ким тачи котурмо бмесо, талга о хакми остуи. Э танлар бел бир ширт араси суртурлар ким, тачи биринчи оларга, Бахрам котурмо! чада етсе, аяр о котурмо бмесо, талга-тач гомеја гисмет олама; Бахрам чоксартал долуша карором ширни икисини до едавруб шай тачими саваб олуру.

Бахрам побеждает львов и завладевает короной

86. „Хамсе“, 1482 г. Герат. ГПБ, Дори 338, л. 163.

87. „Хамсе“, 1508 г. Шираз. ГПБ, Дори 340, л. 138.

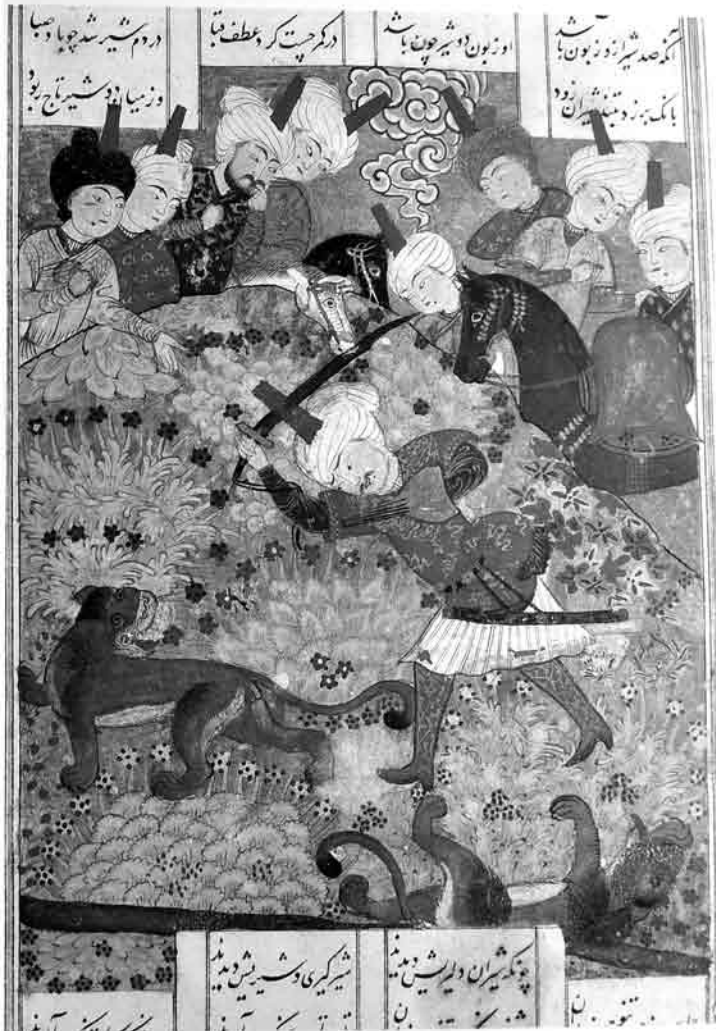
Онаксыс, чти Бахрам бу дит гомани аге сирпачи, ким ето аюуний етед, величюмо сажает на престол одино о старца. Хоти Бахрам уверити, что бу дит сирпачиным чыком, величюмо не поддараивают его, сызлись на то, что не могут парашити присеку. Бахрам предлагает выход: пусть корону положит между двумя львами, кто сумеет ее взять, тот и станет ее обладателем. Величюмо гребуют, чтобы Бахрам сделал пингалу первым: если он не уделет, корона достанется старцу. Бахрам смело вступает в единоборство со львами, убивает их, и завладевает шахской короной.

Bahram Takes a Crown Between Two Lions

No. 86. «Khamsa» 1482. Herat. SPL, Dorn 338, f. 163.

No. 87. «Khamsa» 1508. Shiraz. SPL, Dorn 340, f. 138.

The palace nobility were afraid that Bahram would be a tyrant as his father, therefore they brought an old wise man to throne. Though Bahram promised to be a just shah, the palace nobility did not support Bahram as if they did not want to break their oath. Bahram suggested a way out of situation: let them place the crown between two lions, who can take it, let him become the owner of the throne. The nobility agreed under the term that Bahram would be the first to attempt. If he was not able to take it, he would not become shah. Bahram bravely killed both of the lions and owned the crown and the throne.

Bahram-Gur in Fitna on Zamana

88. «Хамса», 1502-мн на Герат, К.А.К. Дорн 339.
89. «Хамса», 1539—1543-му налар, Табриз, Лондон, Британија музей, Ор. 2265, В. 211.

Рис. Музафар Али.

Бир дфр кур оу замана Бахрам-Гур севима кавин Фитнаи ок атгад: «Бадотина жетдириг кестир. Загадир гыз дедир: «Иналарм гүдартини мен, ону дариыгына башыа твкисе. Шах гызым каларини баше дүшүр во усталыга ону истайини зина сар. Калыкдар «Багдадир Фитнаи» сорувида, гыз оу агадотугу то рафамак, эвлюки, митдаджак мывб терир ки, бурада таокумубу вич бир ше јохад, бу, адалдамар. «Насас ете элар бир шах вордир, пачи окса бек, жорулар бу ине. Бахрам гызбандарок, кичини бахтрасији бир гыз.

Bahram Gur in Fitna on a Oxeye

88. «Хамса», 1502 г. Герат, Г.П.Б. Дорн 339.
89. «Хамса», 1539—1543 г.г. Табриз, Лондон, Британский музей, Ор. 2265, л. 211.

Художник Музафар Али.

Ознамк на охоте Бахрам-Гур захотел охотится, любимой рабыне Фитне свое искусство в стрельбе из лука. Загорая девушка сказала: «Чтобы и показать твою силу, ты коняте и охотар с твоем ухом слон». Шах оу ас испонил се ас дини. Но кил за Бахрам спрашивает Фитне су тирине о своей великости, то амыто исторической повелды с амыт ки ине, чен туз иет амычи узинтемыго, это резултат оидини зини амычой, кестини, чол, кто злато управанетисе в качок-инбо зели, достигат в нем соврешности, Бахрам о тине принадеват убить рабыню.

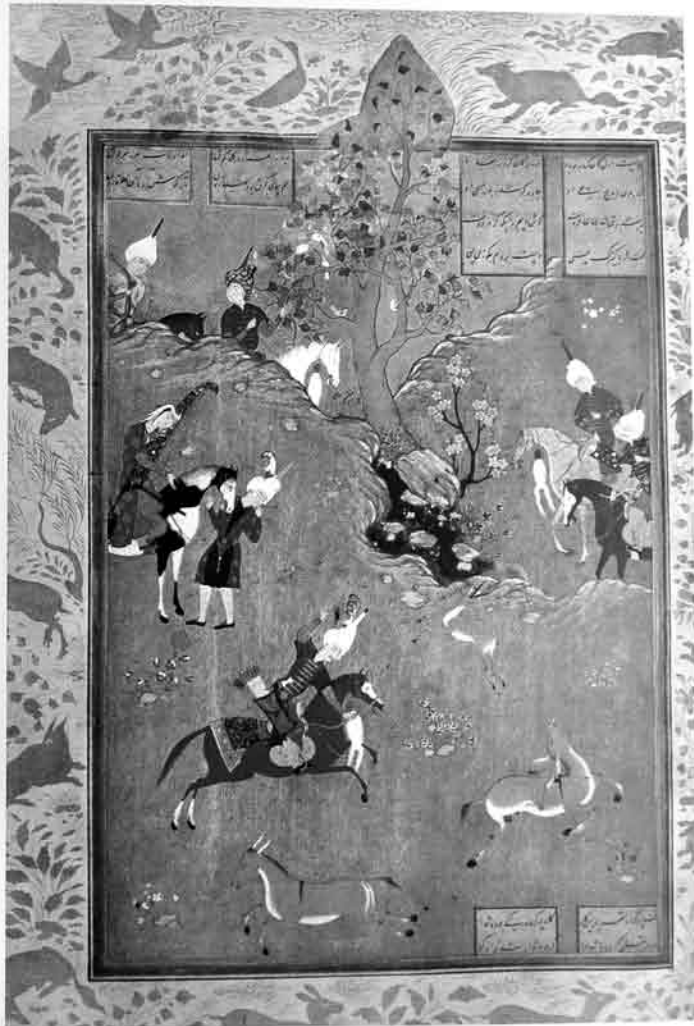
Bahram-Gur and Fitna on Hunting

No. 88. «Khamsa» 1502. Herat, SPL, Dorn 339.
No. 89. «Khamsa» 1539—1543. Tabriz, London, British Museum. Or. 2265, f. 211.

Painted by Musallai Ali.

One day while hunting Bahram-gur wants to display his skill of shooting arrows to his maid-slave Fitna. The cunning maid says: "I'll believe your might if you stick the hoof of the gur to his head. Bahram undertakes the maid's trick. And when he fulfills her desire he asks her: «What do you say now?»

Instead of praising him she says that there is nothing astonishing, it is a matter of habit. «If a man gets accustomed to something, he will easily do it, if even it is hard». Bahram grows angry and orders the maid to be beheaded.

Фитрони окузу гадамраси

90. «Хамса», 1508-чи йил. Шираз, ҚДҚ, Дори 340, А. 143.
 91. «Хамса», 1648-чи йил. Бухара, ҚДҚ, ЖФС 66, А. 132.
 92. «Хамса», 1636-чи йил. Исфаҳан, Баку, РРФ, М-207, В. 65 а.

Бир кун он замини сарбани Баҳрами аз гасриро дилот едил. Учи главани тошсинади шаҳа дидарбани эндрот берид. Шаҳ яшми алтмыште аччи гоме сарбондади бу алтмыш шаллади не чика дидарбондаганин хабар килди. Та сабиби хабар берид ки, Бухара наҳсандади бағубино жалди. Гарибо бурганлар ав, лотфи бир гиз бу алтмыш шаллад учи ервани чилладди окуз бир анбоси чакшир. Гиз шалла аз чилларганин амбардондан сонди, о дилар жи бу, қолдлар ави аччуку амбарда хоти. Омади гиз сондади: «Гарибодир чош. Окуз аддадлар, хур вурмасга јилди!» Шаҳ ташки бериди чавабдан, аз гала валумчи давс оладу-гу Фитрони таннади.

Фитне, поднимавшая быка

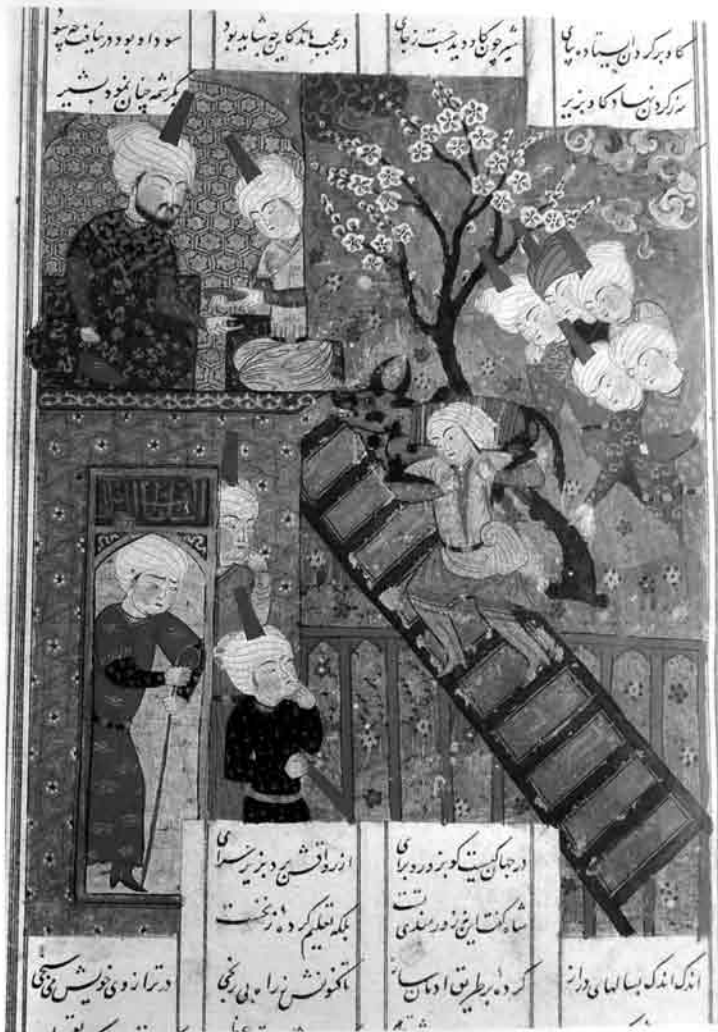
90. „Хамсе“, 1508 г. Шираз. ГПБ, Дори 340, л. 143.
 91. „Хамсе“, 1648 г. Бухара. ГПБ, ПНС 66, л. 132.
 92. „Хамсе“, 1636 г. Исфаган. Баку, РРФ, М-207, л. 65 а.

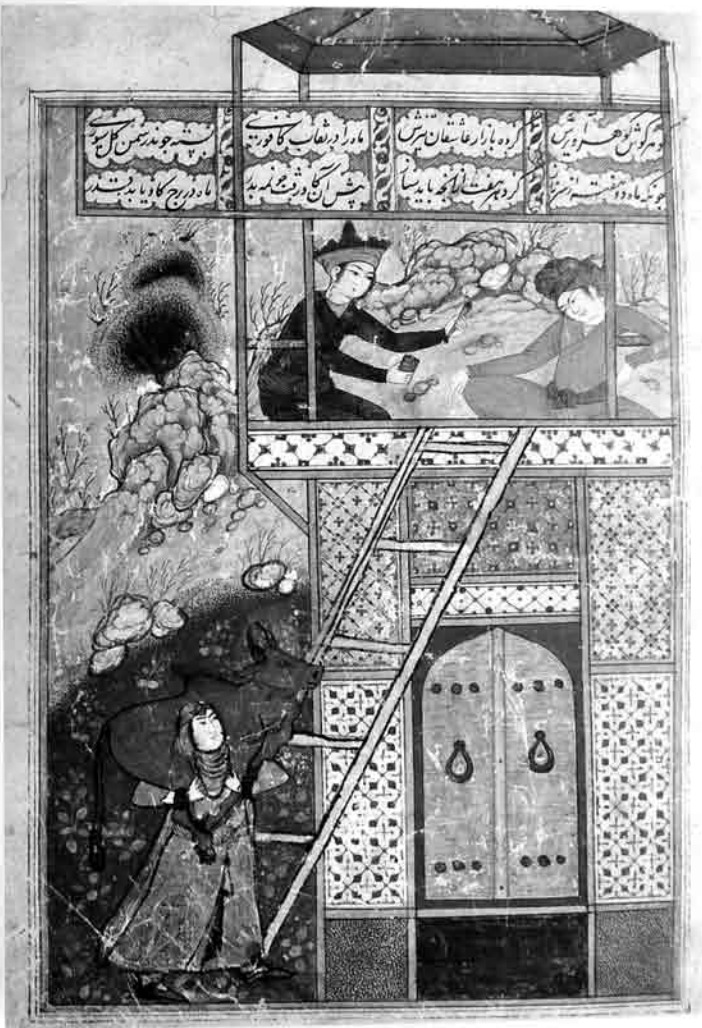
Однжиди на охоте Бахрама встречает военачальника и приглашает его в свой замок. На вершине высокой башни шаху палатой роскошнее устроены. На вопрос шаха, как он будет подниматься на 60 ступенек, когда ему будет 60 лет, возмущенно отвечает, что он с этим справится, но действительно то, что есть одна девушка, которая поднимается на эту башню, неся на плечах быка. Когда девушка показала шаху свое искусство, Бахрам говорит, что это лишь выдумка, сила здесь не при чем. Тогда девушка восклицает: «Что же вы, когда видите моего стражника, вы не выносите и слова слушать не желаете?!» По ответу шах узнает свою волшебную рабыню Фитну, которую чуть не погубил.

Fitna Raises an Ox in Her Arms

- No. 90. «Khamsa» 1508. Shiraz. SPL, Dorn 340, f. 143.
 No. 91. «Khamsa» 1648. Bukhara. SPL, NPV 66, f. 132.
 No. 92. «Khamsa» 1636. Isfahan. Baku, RRF, M-207, f. 65 a.

Once while hunting Bahram meets one of his army-leaders. The man invites him to his castle. He organizes a feast on the plinth floor of the castle. The shah asks the old army-leader whose age is more than sixty, how he will ascend the stairs of such a high castle. The old man answers that he does it with difficulty, but a young lady not only ascends the stairs, but also carries an ox on her shoulders upstairs at one breath. The maid displays her skill. The shah says that it doesn't depend on one's strength, it is only a matter of habit. Having heard it the maid says: That is very strange, to raise an ox is matter of habit, but to have a girl is not. From her answer the shah recognizes Fitna whom he had ordered to be killed.

<p>یکه غمخور سخن را بست سختی آن کار عشق را بست خود را داد جان و جسم نار را نفس را بست گرچه چون سینه شام نام کز سینه و دهن را بست عزیز گشت در پیشش گرچه آزار عاشقان را بست که در دست آرزوی بست کامین با کله بر سر بست</p>	<p>دگر که در سر زان آواز سینه زنت را بست نه با کشت را در غم سود را بست بخوانی بوی با دست را بست سرخ گشت در دهنش شاید حال غرضش بست که کوهش کرد او را بست که در کوه دست را بست سود کرد و دکا را بست</p>	<p>ای تو که غم زنت بست گفت ای که کوشی بخت و ای که با کوشی بخت ما را ز غم بست کینه بست بر ما مقلد روئی غرض غمف کوشی بخت بهر در یک حرف کلاه بست کرد و ما را بست بست چون در سخن کلاه و ای در هیچ کار را بست</p>	<p>دگر که در سر زان آواز سینه زنت را بست نه با کشت را در غم سود را بست بخوانی بوی با دست را بست سرخ گشت در دهنش شاید حال غرضش بست که کوهش کرد او را بست که در کوه دست را بست سود کرد و دکا را بست</p>	
	<p>دگر که در سر زان آواز سینه زنت را بست نه با کشت را در غم سود را بست بخوانی بوی با دست را بست سرخ گشت در دهنش شاید حال غرضش بست که کوهش کرد او را بست که در کوه دست را بست سود کرد و دکا را بست</p>	<p>ای تو که غم زنت بست گفت ای که کوشی بخت و ای که با کوشی بخت ما را ز غم بست کینه بست بر ما مقلد روئی غرض غمف کوشی بخت بهر در یک حرف کلاه بست کرد و ما را بست بست چون در سخن کلاه و ای در هیچ کار را بست</p>	<p>دگر که در سر زان آواز سینه زنت را بست نه با کشت را در غم سود را بست بخوانی بوی با دست را بست سرخ گشت در دهنش شاید حال غرضش بست که کوهش کرد او را بست که در کوه دست را بست سود کرد و دکا را بست</p>	
<p>سینه که در دست بست بگوش جان خود بست از آن سینه را بست</p>	<p>کار که در این سینه آرزوی بگوش جان خود بست از آن سینه را بست</p>	<p>رفت تخت دگر بزم سود او بود در آرزوی سینه کوشی بخت</p>	<p>دگر که در سر زان آواز سینه زنت را بست نه با کشت را در غم سود را بست بخوانی بوی با دست را بست سرخ گشت در دهنش شاید حال غرضش بست که کوهش کرد او را بست که در کوه دست را بست سود کرد و دکا را بست</p>	

Баҳрам-Кур ядди қозали янмида

Баҳрам-Кур сари кунбозда.
93. «Хамса», 1543-1544-чү иллор. Шираз, ШИАШ, Д. 212.
Баҳрам-Кур сари кунбозда.

94. «Хамса», 1648-чи ил. Бухара, ҚДК, ЈФС 66, В. 138.

Баҳрам-Кур гармизи кунбозда.
95. «Хамса», XVI асрин 70-чи иллари. Хорасан, ҚДК, Дори 341.

Баҳрам-Кур дашма кунбозда.
96. «Хамса», 1648-чи ил. Бухара, ҚДК, ЈФС 66, В. 151.

Баҳрам-Кур фирузи рошан кунбозда.
97. «Хамса», XVI асрин 70-чи иллари. Хорасан, ҚДК, Дори 341.

98. «Хамса», 1648-чи ил. Бухара, ҚДК, ЈФС 66, В. 160.
Баҳрам-Кур сандал рошан кунбозда.

Баҳрам Гур у семи красавици

Баҳрам Гур в черном павильоне
93. „Хамсе“, 1543—1544 гг. Шираз. ЛОИВ, Д-212.

Баҳрам Гур в желтом павильоне
94. „Хамсе“, 1648 г. Бухара. ГПБ, ПНС 66, д. 138.

Баҳрам Гур в красном павильоне
95. „Хамсе“, 70-е годы XVI в. Хорасан. ГПБ, Дори 341.

Баҳрам Гур в зеленом павильоне
96. „Хамсе“, 1648 г. Бухара. ГПБ, ПНС 66, д. 151.

Баҳрам Гур в бирюзовом павильоне
97. „Хамсе“, 70-е годы XVI в. Хорасан. ГПБ, Дори 341.

98. „Хамсе“, 1648 г. Бухара. ГПБ, ПНС 66, д. 160.

Баҳрам Гур в сандаловом павильоне

Bahram-gur among the Seven Princesses

Bahram-gur in dark-coloured room.
No. 93. «Khamsa» 1543—1544. Shiraz. IOS, D-212.

Bahram-gur in yellow-coloured room.
No. 94. «Khamsa» 1648. Bukhara. SPL, NPV 66, f. 138.

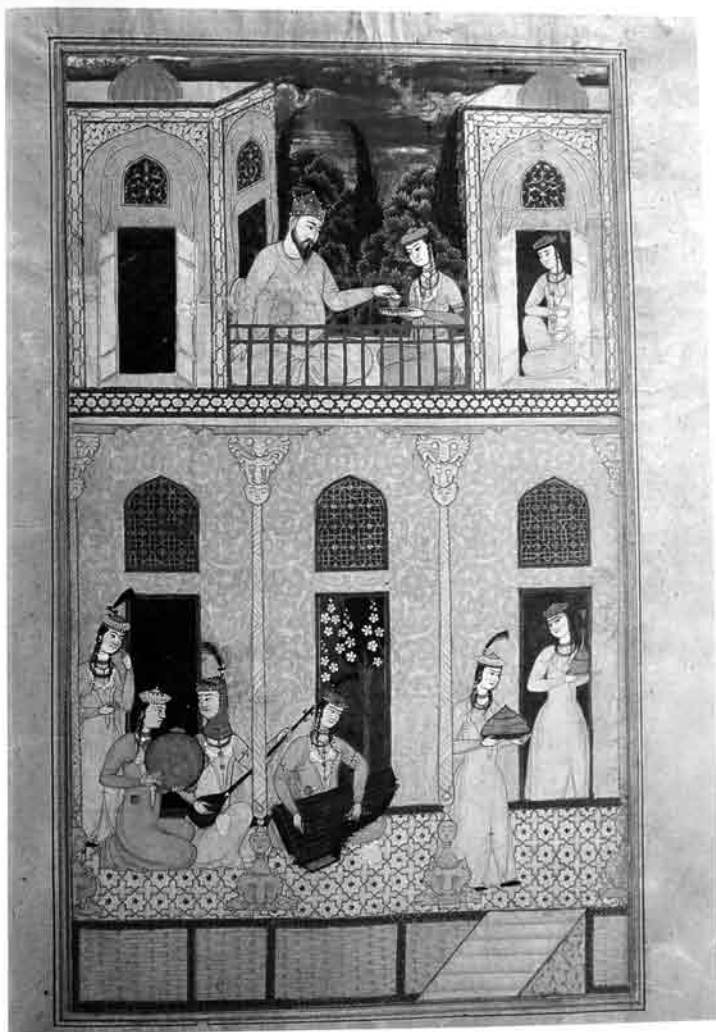
Bahram in red-coloured room.
No. 95. «Khamsa» the 70th of the XVI century. Khorasan. SPL, Dorn 341.

Bahram-gur in green-coloured room.
No. 96. «Khamsa» 1648. Bukhara. SPL, NPV 66, f. 151.

Bahram-gur in turquoise-coloured room.
No. 97. «Khamsa» the 70th of the XVI century. Khorasan. SPL, Dorn 341.

No. 98. «Khamsa» 1648. Bukhara. SPL, NPV 66, f. 160.

Bahram-gur in Sandal-coloured room.

99. «Хамса», 1543-1544-чу иллор. Шираз, ШИНАШ, Д-212.

Бахрам-Гур ат рангаи кунбада.

100. «Хамса», 1636-чи ил. Исфахан, Баки, РЭФ, М-207, В. 100.

101. «Хамса», 1578-чи ил. Бухара, ҚДК, ЭФС 272, В. 166.

102. «Хамса», 1636-чи ил. Исфахан, Баки, РЭФ, М-207, В. 113 а.

103. «Хамса», 1543-1544-чу иллор. Шираз, ШИНАШ, Д-212.

Ог дунюваридро ғури қаларо аз оқилини табулуқисел-диния то ин оқдор, Бахрам шай мутаддос арусуку бајата қиларидро Ҳамлајидр. Ог росмазирани ушар вақти Хаваршида кордиду, једди оқилини шаъини газилан ташри онларо қобил қосидир. Бахрами шери ил, оқилини меъмар Симокрис шајидар једди шаъидо гми чун гуламан једди жола кунбдо тилар, јор кунбдо јор рангаи кунбада.

Шай бодди Ҳасоро, једди гуламан,
Јор гуламан оқиларди јор сојидар,
Улаулар ташриан сојитгар Шейдо,
Улау розга веришт јор јор кунбадо.

99. „Хамсе“, 1543—1544 гг. Шираз, ЛОИВ, Д-212.

Бахрам Гур в белом павильоне

100. „Хамсе“, 1636 г. Исфаган, Баку, РРФ, М-207, л. 106.

101. „Хамсе“, 1578 г. Бухара, ГПБ, ПНС 272, л. 166.

102. „Хамсе“, 1636 г. Исфаган, Баку, РРФ, М-207, л. 113 а.

103. „Хамсе“, 1543—1544 гг. Шираз, ЛОИВ, Д-212.

Победив своих врагов и обеспечив безопасность страны, Бахрам-шах приступает к осуществлению своей заветной мечты. Он находит и берет себе в жены дочерей царей семи известных земель, портреты которых он увидел в мечети в замке Хаваран; По приказу бахманского архитектора Симокрис построил для семи царевн сказочно красивые дворцы с семью чудесными павильонами, украшенными куполами. Каждый павильон имел свой цвет, соответствующий астрономическому представлению о дне недели и связанной с этим днем планете.

No. 99. «Khamsa» 1543—1544. Shiraz. IOS, D-212.

Bahram-gur in white-coloured room.

No. 100. «Khamsa» 1636. Isfahan. Baku, RMF, M-207, f. 106.

No. 101. «Khamsa» 1578. Bukhara. SPL, NPV 272, f. 166.

No. 102. «Khamsa» 1636. Isfahan, Baku, RMF, M-207, f. 113 a.

No. 103. «Khamsa» 1543—1544. Shiraz. IOS, D-212.

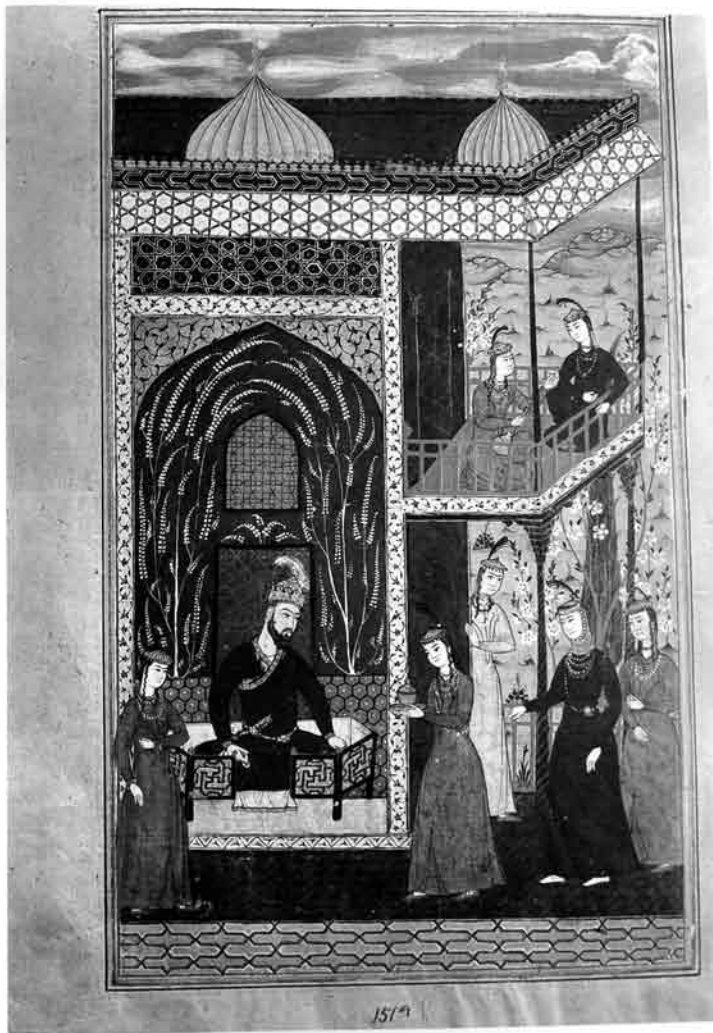
After defeating his enemies and providing the security of the country, Bahram-shah begins to realize his dearest desires. He finds the seven beautiful maidens, the daughters of shahs, whose portraits he saw on the walls of Khavaran when he was young and marries all of them. By his order a pupil of the legendary architect Simokris builds a seven-domed palace each room for one maiden. They differ in colour:

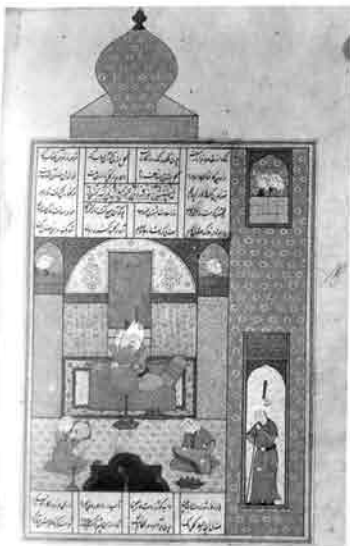
The shah looked at the fence, and the seven cupolas,

Each cupola looked like a planet.

For their architect Sheyda knew the stars,

Therefore he gave them the colour of the stars.

Байрам (БАДМ) КОЗАЛИН (ЯНИМА) БУ ГАДАДА КОАРИ; ФИРИЧИ КУШ ШИНОБИД БОШМАНИР. О, ЗУНОА УДАУЗУ ИМА КАТОДИР ВО ГАРИ РОЖДА О ХОМБОНОҚАД. ИСАМИ КУШ БОЙРАМ ГАРИ АМБОСА ГАРИ КУБОЗО, ЯИНАДЖИТИ ШАЙДОДЖИНИ ЯНИМА КОДИР. ШАЙДОДА ГАЗ ОИ ШИЛИШ ШОБИБОТ КАКОРИМАДИ ДИМАНИР.

Лекшанбо куну — Сары кунубоз [Күрши], Бизанс козалини Янима;

Душанбо куну — Яшма кунубоз [А], Харам козалини Янима;

Сешанбо куну — Гирмазы кунубоз [Моррих УДАУЗУ], Славия козалини Янима;

Чаваршанбо куну — фирта рождм кунубоз [Утарид УДАУЗУ], кориб козалини Янима;

Панчшанбо куну — сонда рождм кунубоз [Мунгори УДАУЗУ], Чин козалини Янима;

Чун жатун — Ат кунубоз [Зифа УДАУЗУ] Иран козалини Янима КОДИР.

Порядок посещения Бахрамом семи красавиц таков. Неделю начинается с субботы. С этого дня сияние планеты Сатурн, в соответствии с цветом является черным цветом. В этот день Бахрам одевается в одежды черного цвета и идет в черный павильон и индийской нарсине, которая рассказывает ему о любимом предвещении одного шаха. Далее он идет в воскресенье — в желтый павильон (Солнце), к индийской красавице; в понедельник — в желтый павильон (Луна), к хорезмской красавице; во вторник — в красный павильон (Марс), к славянской красавице; в среду — в бирюзовый павильон (Меркурий), к тагарибской красавице; в четверг — в сандаловый павильон (Юпитер), к китайской красавице; в пятницу — в белый павильон (Венера), к иранской красавице.

Bahram visits the seven maidens in this way: the first visit began on Saturday. It is the day of Saturn and its colour is dark. This day Bahram dresses dark cloth, goes to the dark domed-room, to the Indian princess who tells him about a Shah's love adventures.

On Sunday he goes to the yellow room, to the princess of Byzantium.

On Monday to the green (Moon) room to the princess of Khorezm.

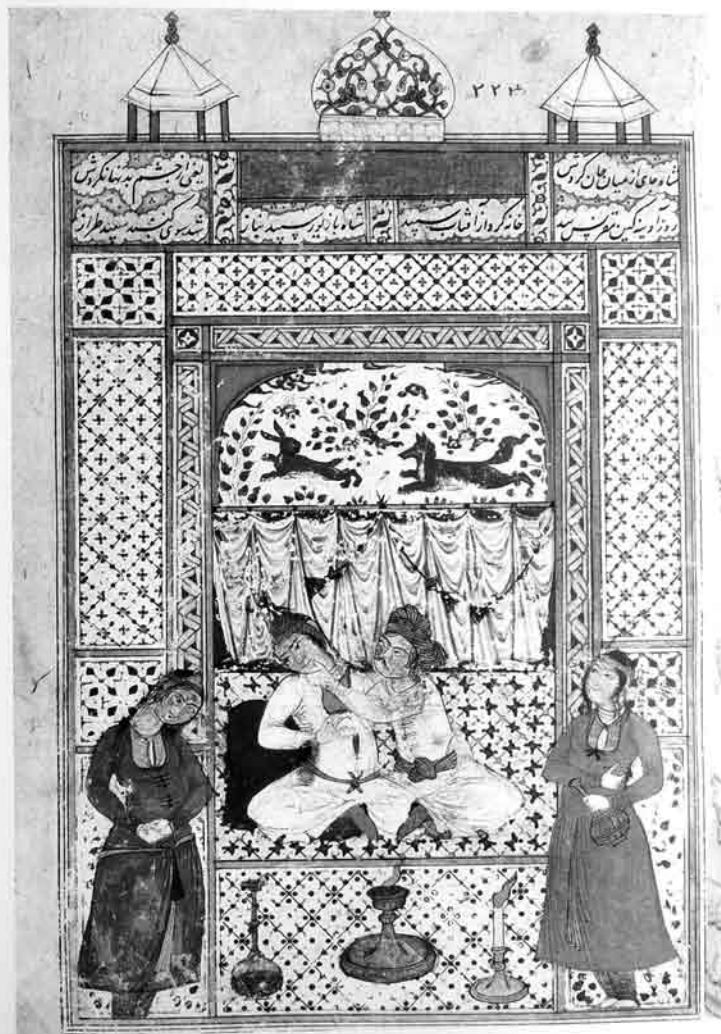
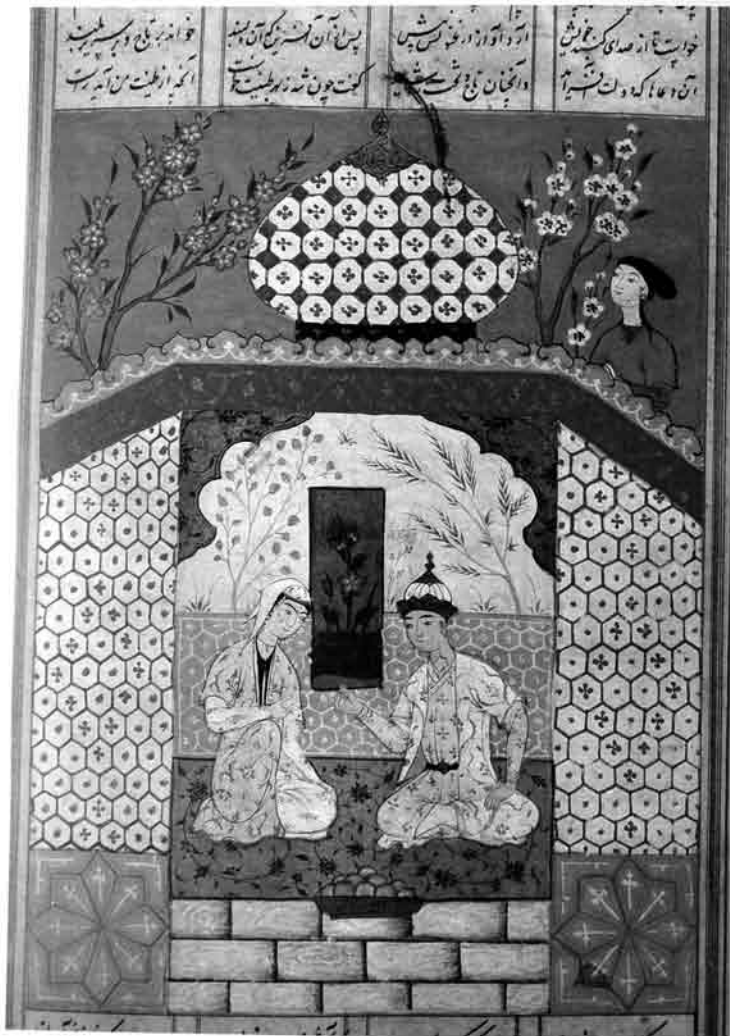
On Tuesday to the red room (Mars) to the Slavish princess.

On Wednesday to the turquoise room (Mercury) to the princess of the West.

On Thursday to the sandal colour room (Jupiter) to the Chinese princess.

On Friday to the white room (Venus) to the princess of Iran.

Махан тиласмай багда

104. «Хамса», Низами 1648-чи йил. Бухара.
ҚДН, ЖФС 66. В. 106.

Миниатура фарғу ранжал қўяётган сўйибас, марғаб қозилани беқадратин тасвир эди. Байрам-Қур онун жанмида чўришибо жуқадин олув.

Мисир ақсоғиди Махан ади қонч тежар йашар. Бир кун неча олувас, о чода даяларин таласмай дунур. Даштида мағарлардаи соғра, қонч урғунушар бир тоғдаи раст қалар. Тоғи ону ағдади қалалар ва шайбаи танашарил ав, о қаласидо орадаи дўшомаси. Алави Махан гилалари шон мўҳабисини яворас, олув саклаи биланбиш ағлакди йери дунур ва мўҳабисидо куттрас эди. Шаробни та сирмади чўр иш қалмои қозилалардан бирини гўвалгайар ва бирдан қорур аж, даштида, янроч бир дав ону тоғлари арсади қаласидар. О. Вушуну отири, алақай отирибни бахар. Қорур ки, бир тирфи олувти беҳан сўмқалори қад долувур. Бега қорурду мағарлардаи соғра Махан йовиша тоғам олув ва о қулларидо татвора оларат, йалмаси ки ранжал — матон ранжал бахар келмежи бақалар.

Махан в заколдованном сиду

104. „Хамса“, 1648 г. Бухара. ГПБ, ПНС 66, д. 166.

Миниатура иллюстрирует сказку материнской красавицы — Халимы голубого замка, который Бахрам Гур посетил по друзьям.

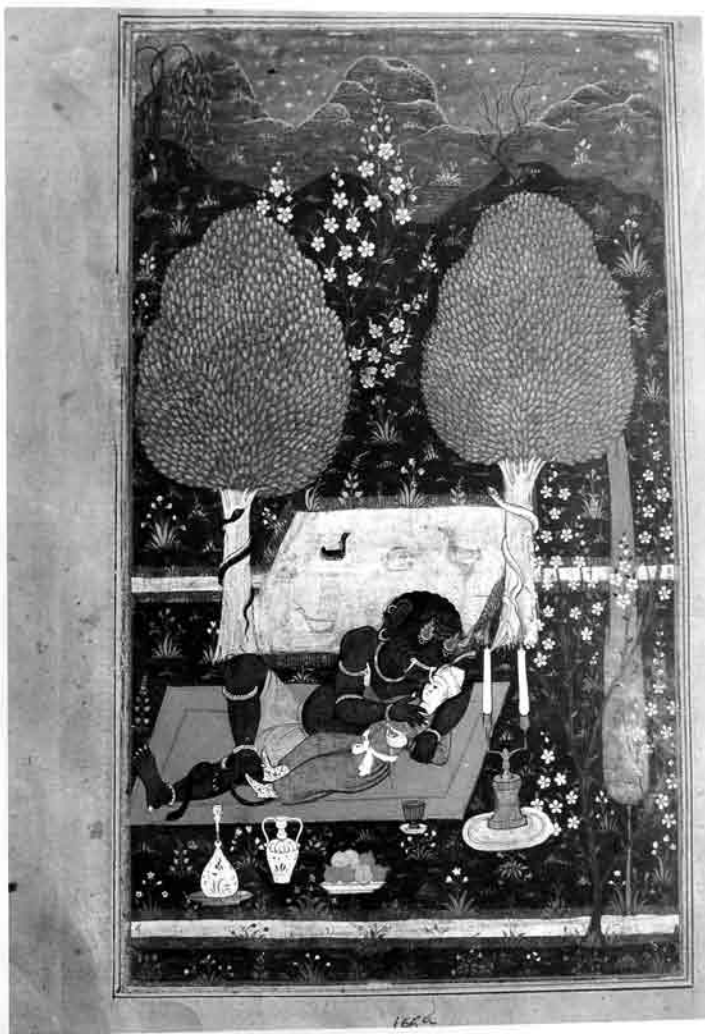
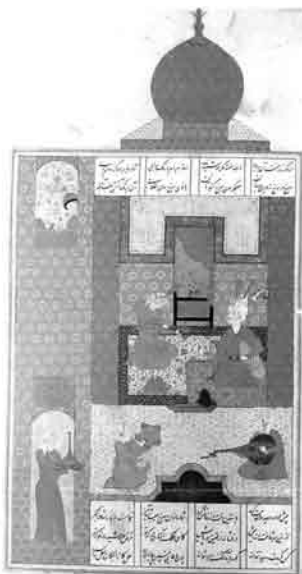
В Египте жил молодой купец по имени Махан. Как-то раз, оказавшись ночью в пустыне, он был похищен в жилище нечестных сил — демонов и дьяво. После этого приключений юноша встретил сиротливого старика, который спрятал его в бещке на заре и строго наказал, чтобы он не спускал вниз до его возвращения. Но Махан, увидя несколько пирожных, дьяволов, не смог удержаться от соблазна, спустился и принял участие в пирушестве. Осознав свой недостаток вина, Махан обнял одну из красавиц и вдруг увидел себя в объятиях отравленного змеицы. Он потерял сознание, а когда очнулся, увидел, что лежит в степи, усыпанной скелетами животных. После переконных, страшных призываний он стал изумленным и пуганным и в панике и испуг ошени только темно-синие одежды — цвета траура.

Mahan in the Fairy Garden

No. 104. «Khamsa» 1648. Bukhara. SPL, NPV 66, f. 166.

This miniature describes the story told by the hostess of the turquoise-coloured room. Bahram visits her on Wednesdays.

There lived in Egypt a young merchant by name Mahan. Once in the desert he finds himself among the monsters. After many terrible adventures he meets a kind old man. The old man hides him among the boughs of a tree and asks him not to descend until he comes. But when Mahan sees the party of beautiful maidens he joins them. After taking some wine he embraces one of the maidens and suddenly finds an ugly witch in his arms. He faints and when gains consciousness, he sees many animal bones around him. After these horrible adventures Mahan is always sad and wears blue-coloured dress (a sign of mourning) to remember those days.

Баҳрам-Кур ва чобан

105. «Хамса», 1636-чи йил. Бухара, Баку РРФ, М-156, В. 170 б.

106. «Хамса», 1482-чи йил. Ҳерат, КАК, Дорн 338.

Баҳрам аз кувадория таъзимга, кефал, эҳтишомад кечир-
дики замон, инти азлари оқилои чобан-паламар, Баҳрамини гона
гардади. Адр-сори башмадида елвонго чучи о, ова чилар. Шах
тождуфон аз итгани асмиш бир чобан раст волир. Баҳрам ити
азмаъа сабабани соғурадди, томи чамай верири ва, бу ит оғури
судди асликчиши, насабани жини, бир дили чанаварар достла-
нандан соғра сабабана хайлати етгайо башмадиб, сурӯғуи аъзи-
рыни чилхобам.

«Қуввадор бекро рафтор етмади.

Кимсо димад саво: афрон, эдишо.

Баҳрам мудраи гочамани ефамани баша душтор.

Баҳрам Гур и чобан

105. «Хамсе», 1636 г. Бухара, Баку, РРФ, М-156,
д. 170 б.

106. «Хамсе», 1482 г. Герат, ГПБ, Дорн 338.

Поша Баҳрам бесонго ғаривади ағриш и разилеҷениш,
страва оналасди разорна его вилеҷи. Чотби разилеҷиш, Баҳ-
рам ноҳал ии оғури, гди суҷайшо истрелл старина-мустух, по-
моянито соғи сабабу. Котди Баҳрам сирелл за что он поновел
его, старини оғиғи, што нес его был верым старожом, но как
только сурҷаиш с волчиши, став ордателлеи:

Кто предателл собачий старини не казити,

Знат! тоно нити на свете не благословит.

Баҳрам ноҳал итчи мудраго старина.

Bahram-gur and a Shepherd

No. 105. «Khamsa» 1636. Bukhara, Baku, RMF,
M-156, f. 170 b.

No. 106. «Khamsa» 1482. Herat. SPL, Dorn 338.

While Bahram enjoys a careless life full of amusement, his vizier
is rebuking the country. Bahram is very much grieved, therefore he goes
on hunting. He meets a shepherd who has hung his dog. When Bahram
asks the shepherd the reason of this, the man says that the dog was once
his faithful guard and friend, but when he made friends with a she-wolf
he betrayed his master and began to eat the sheep hideously:

If you don't treat a traitor in this way,

Nobody would say good to you.

Bahram understood the wise man's hint.

105

106

ИСКЭНДЭРНАМЭ

ИСКЕНДЕРНАМЕ

ISKANDER — NAMEH

Корпо Исхондариин тапхлмасы

107. Исхондаринома», XVI асрин 60—70-чи на-
ларн. Исфahan, КАЗ, Дорн 344, В. 10.
108. «Хамса», 1648-чи нл. Бухара, КАЗ, ЖФС
66, В. 311.

Миниатур Исхондариин миншай вагътада «Рум» офсо-
диро муаллифисидилар. Румда чоъ розсул, диндар бир гадим ва-
мадл ишнн. Эртин иттири гадим турбога иттири гарди алар.
Золда бир харабамда гадим бир огаи дотури, озу исо олу.
Иш била кутари аж, мавадонилам Филатус шай дууд
кзоран, таслауфон била харабамга калар ил бармагым
сори корпо ушты алуру гарайам аловир, ону ваъна огу-
луга котурт.

Нахождение младенца Искандера

107. „Искандернаме“, 60—70-е годы XVI в. Ис-
фahan, ГПБ, Дорн 344, л. 10.
108. „Хамса“, 1648 г. Бухара, ГПБ, ПНС 66,
л. 311.

Миниатура являетсe иллюстрацией «русской легенды»
о происхождении Искандера. В Руме жила одна праведная де-
вушка, которая забеременела и уехала в чужую страну, решившая уехать на
чужбину. Но дороге, в развалинах, она родила младенца и сама
скончалась.

Случилось так, что македонский царь Филипп во время
прогулки случайно заметил в этих развалинах и увидел лежащего мле-
днца, сосавшего от голыда пчелы, взял его с собой во дворец и
усыновил.

How Infant Iskandar is Found

No. 107. „Iskandar Nameh“ the 60th–70th of the
XVI century. Isfahan, SPL, Dorn 344, f. 10.
No. 108. „Khamsa“ 1648. Bukhara, SPL, NPV 66,
f. 311.

This miniature illustrates a «Rum legend» on Iskandar's descent.
A very poor, religious woman in Rum was pregnant. When she lost her
husband, she decided to leave her native land. On her way, she gave
birth to a boy in the ruins, she herself died.

It happened so that Macedonian Filippus having a walk, by chance
came to these ruins and found the infant, then he took him to his palace
and made him his heir.

107

زنی دودم درو بران چسبند
بر مایه نطفه در دو سپر
ز کا زدن در دو پر چسبند
باد ز زخمش خودی کردید
بفرود تا جا کاران چسبند
ز بی اثری زخمش خودی کردید

Искандарин гуш фалаи аҷмаси

109. «Хамса», 1648-чи йил. Бухара, ҚДК, ЖФС 66.

Иран ӯзариши барфи јурундаи габат Искандар гадди адо-
то корд, гуш фалаи аҷмаги сардор амак. Дегалари, чоклори ва-
зорли заринаш вақ қалам корд. Буваарин бирини аз адм-
на, ۛ борегили иси Дарвин адма чаклар. Шай гушларин
доштунт кетди қалайр, ону боқина чакан қалам, ону
талеји салб қалаји заман севаир ва гартал бови қалајин
бағамин улақал, ۛ гадор да қодаронмер.

Искандер гадает на птицях

109. „Хамсе“, 1648 г. Бухара. ГПБ, ПНС 66.

Перед военным походом в Иран Искандер во
древнюю область решил поохотиться на птицях.
Во время прогулки в горах он встретил двух враспе
лупингах куропаток. Одна из них Искандер
выбирает для себя, другую для Дарана. Шай
этих куропаток за боем описи, радудесе, кога
да погучит орел растерзал ее.

Iskandar Tries his Fortune on Birds

No. 109. «Quintuple», 1648. Bukhara, State Public
Library, New Persian Version 66.

On the eve of his military march to Iran Iskandar decided to try
his fortune on birds as was the ancient custom.
While in the mountains he happened to see two bitterly fighting
partridges. Iskandar chose one of them as his own but the other Dara's.
He watched after the fight of that partridges for a long time. His face
beamed with happiness when his partridge won, but grieved when this
partridge was pierced by a huge eagle.

جو بگفت تکب در حال
بدانست که قبل از روی
سیندم که بود اندران کوه
کتاب زود در کشاید با
کاین چنگست نهند باب
بدرار بریش کامکارچی
مهرش کی طایر کرد
نبرد و از سرور می خوشش
و یکدیگر در آن وقت کامکار
در بر سپیدکان نوآوار
نبردش تا ناغم جان
نباشد برسی عروپا
خبر بار بستند از دار
شیر سمن

Искандердин замишларла вуршмасы

110. «Хамса», XVI асрн 70-чи иллари. Хорасан. ҚДК, Дорн 341, В. 242.

Низамига кўра, Искандердин барби мислиби замишлар—ғардариан войшалар узоқроқ йурувдан башлашар. Ахкир бу йурувдан мислиб Маскири ола жечирим дейиб, Маскири йери сакиларди оз йурувдалларидан олгани голди стили замишларди зилат стили учун Искандерди йанши ковалдирлар. Бу барби йурувдан мислиб мисларим олгани халли акилиб стилиларди. Адмијеилалари тарши бу четиб мубарибиди ол мудир ковалдирини мислиб или Искандер барби йиллари ол отар! ол отуку годди адмијеил киме голдиби керар.

Бешимкала, Искандер душманлари арсами йорку, квалди сакир ва оз дошумаларинин йолатими хилас едир.

Сражение Искандера с зинджани

110. «Хамса», 70-е годы XVI в. Хорасан. ГТБ, Дорн 341, л. 242.

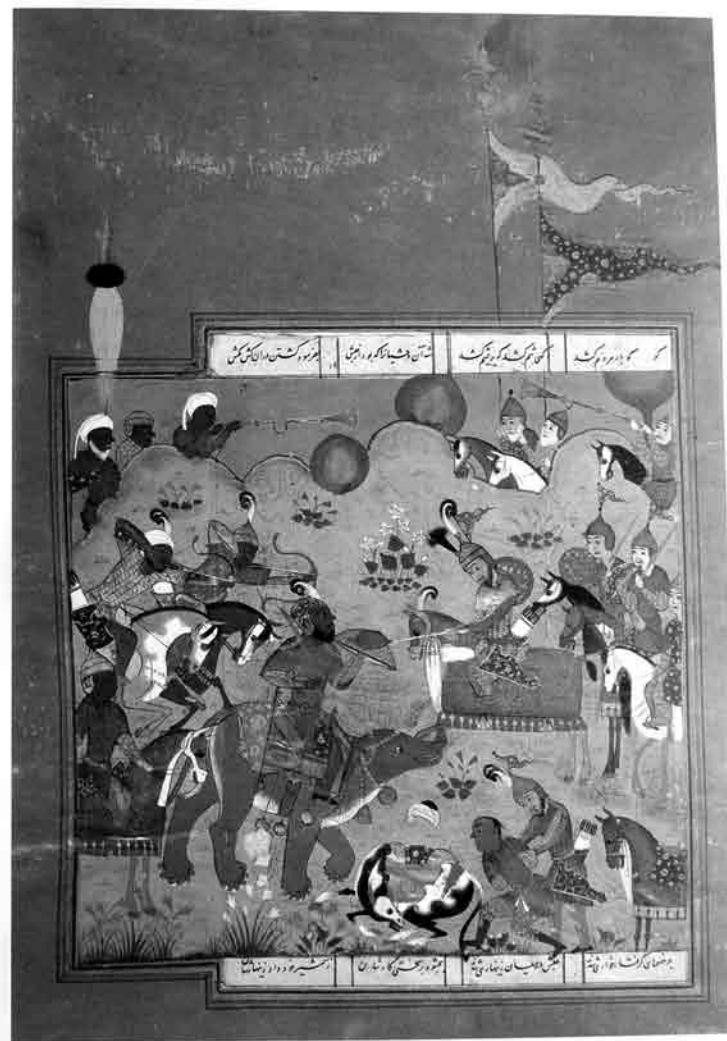
По Низами, с этого похода на зинджи — чернокожих дикарей начинается военная карьера Искандера. Но цель этого похода не заключается в завоевании Египта. Местные жители послы Искандеру делегацию с просьбой освободить их от грабительско-военных, опустошительных стран. В гневной войне против послы Искандер по совету своего мудрого визиря прибегает к военной хитрости: он сам выдает себя за одного из воинов. Этот Искандер выводит ямину на врагов и спасает жизнь своим воинам.

Iskander Fights against Negroes

No. 110. «Khamasa» the 70's of the XVI century. SPL, Dorn 341, f. 242.

According to Nizami, Iskander's career as a conquerer begins with his war against the dark-skinned savages. But the purpose of this war was not to invade Egypt. The local inhabitants of Egypt sent their representative to Iskander to save them from these savages. The aim of this military march is to help the exploited people. He plays a military trick at his wise vizier's advice while fighting the cannibals: he gives himself out to be the most cruel ogre.

Thus, Iskander spreads fright and panic among the enemy and saves his troops. At the same time he displays a matchless bravery and courage in single combat with the leader of the negroes and other enemy athletes.

Искандарин гонахари доғу афрасинда

111. «Хамса». XVI асрин 70-чи иллари, Хорасан, ҚДҒ, Дори 341, в. 247

Бран шаһониша Дара харач вержағдон иттиқа етмиш Искандарин јаниша и адамларини кондир. Искандар иша-жағдон харач вержағдонини соғире аз бугун муварифа вло иттиқаларини ақилдиб гонун тоғалар аз чатаи Дара иттиқини вержағдонини.

Шоғидо чи бағмади эжорлар, ишларини аркасларча иса доғун атларини доғрумин аллари барғарам суварлар тасвир олуғминшар.

Даранин вауму

112. «Искандарнома», XVI асрин 70-чи иллари, Исфахан, ҚДҒ, Дори 344, в. 35.

Мусқад биринчи ағыр доғудон соира Искандарин ја-ғмаи аркам ики сиржағдо влоб муқариф истордон аз ша-ларини муғдрини тоғмади сар. Гарамдади доғутини ама иттиқаларини доғрутаи доғун Искандар размағи верди. Ни саз кетирин ик, гағам вуршмағини вадинида шағ доғун ишларинида тж гағам. Сар-мағдрон гағмаи гағмаи вержа-ғдо ила шағи муғдрот, муқариф учти Искандарин јаниша тасвирлар. Миншарда ашмағмаи минсралар тасвир олуғ-миншар.

«Бир ағач јаммади Қојан бағмади,
Јарам Бодон гағмаи гағмаи».

Войска Искандера перед боем

111. «Хамсе», 70-е годы XVI в, Хорасан, ГПБ, Дори 341, л. 247

Шахнамак Брана Дарой изобрелась лань, которую Искен-дер пересел виллывавай. Искендер вожини охказаваете и ланни, что вожини сохказаваете ишажбо, собарат войско и ланни иса и три ишаи ишад.

На ирелесе ишаи ишажражи муштарера, за ишнн сласу-рот ишачиваете на бояхх вонн.

Смерть Дары

112. «Искендернаме», 70-е годы XVI в, Исфаган, Дори, ГПБ 344, л. 35.

После первого трудного боя в Мосул в Искендеру явилось два франка в полноросах и предлагали убить шаха, если по-лучит за это награду. Искендер за ишад престолонго бои, Искендер даи соғласе.

Во время второго трудного сражения случается так, что шах отступает на ишаи бои эини. Похоловоннн, виллани шаха на ишаи, узарои меча убивают шаха и сонит за ишардой. Миншарча виллоситрует муштарера:

Сорасеи престор, вло древо Касеи,
Тело, корчась, эжағди, в вронн барғорев.

Iskandar's Army on the Eve of a Battle

No. 111. «Khamsa» the 70th of the XVI century. Khorasan, SPL, Dorn 341, f. 247.

Iskandar refused to pay taxes to Iranian shah of shahs Dara who sent his men to him. Iskandar made him know that he was not going to obey his will, therefore began to assemble an army.

The miniature describes warriors on the foreground, and following them are horsemen with banners in their hands.

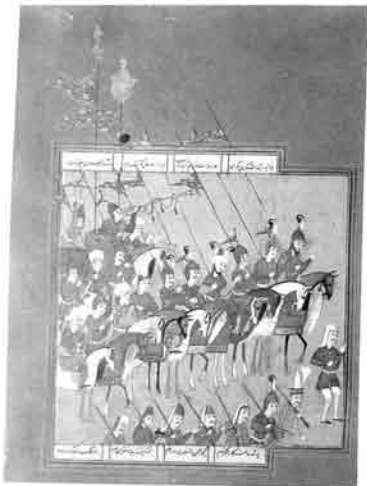
Dara's Death

No. 112. «Iskandar-Nameh», the 70th of the XVI century. Isfahan Dorn SPL, 344, f. 35.

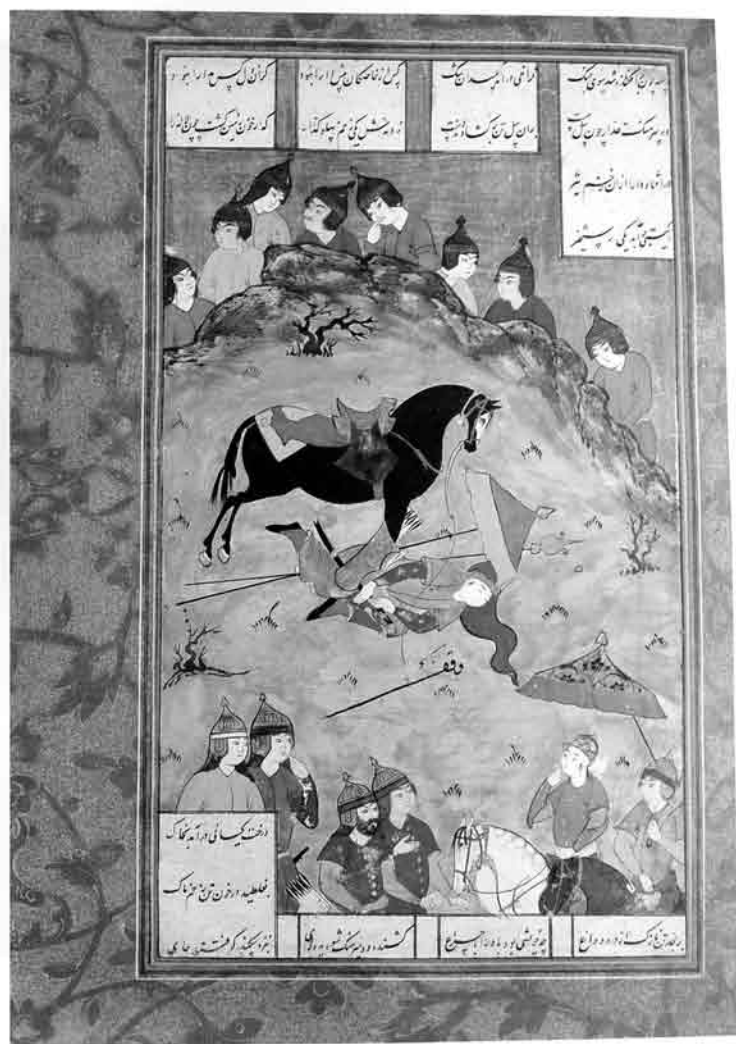
During his first heavy battle in Mosul two Iranian army leaders came to Iskandar and suggest kill their shah for reward. Afraid of being defeated Iskandar consents.

Dara happens to remain alone in the battle-field, the two traitors kill him treacherously and bury to Iskandar for reward. This miniature illustrates the following couplet:

«As if a tree fell down in the garden to Kayvan,
His wounded body became reddened by blood».

111

112

Искандар чан ворон Дарини башы узаринда

113. «Хамса», 1543—1544-чу иллар. Шираз. ШИИАШ Д-212.
114—115. «Искандарнаме» XVI асрин 60—70-чи иллари. Исфахан, КАК, Дори, 344, дитихх В. 256—26а.

Намечен дѳлүшүн «еддинвал» саркаралар өз шаһларынн халкыжынн «адуту» Искандаринн кууфарг «амма» таласкылар.
О гатталары тутуб салмагы бир едир, өзү исе өзүмчүл Ја-рамшынн Даринны јаннакы жалар.

Озын жаһын галыб Искандарын салыбты погманын ан дра-матик ва то сирин бѳмаларыдан барындар.

Искендер и умирающий Дарий

113. „Xamsa“, 1543—1544 гг. Шираз. ЛОИВ, Д-212.

114—115. „Искандарнаме“, 60—70-е годы XVI в. Исфаган. ГПБ, Дори 344, дитихх, лл. 256—26а.

Предложение предатьшого сюжета.

Предательски убив своего шаха, персские полководцы ведут к Искендеру за наградой. Искендер предлагает схватить убийц, а сам спешит к смертельно раненому Дарию.
Противоположная беседа умирающего шаха с победителем Искендером — один из наиболее драматических эпизодов поэмы.

Iskandar over Dying Dara

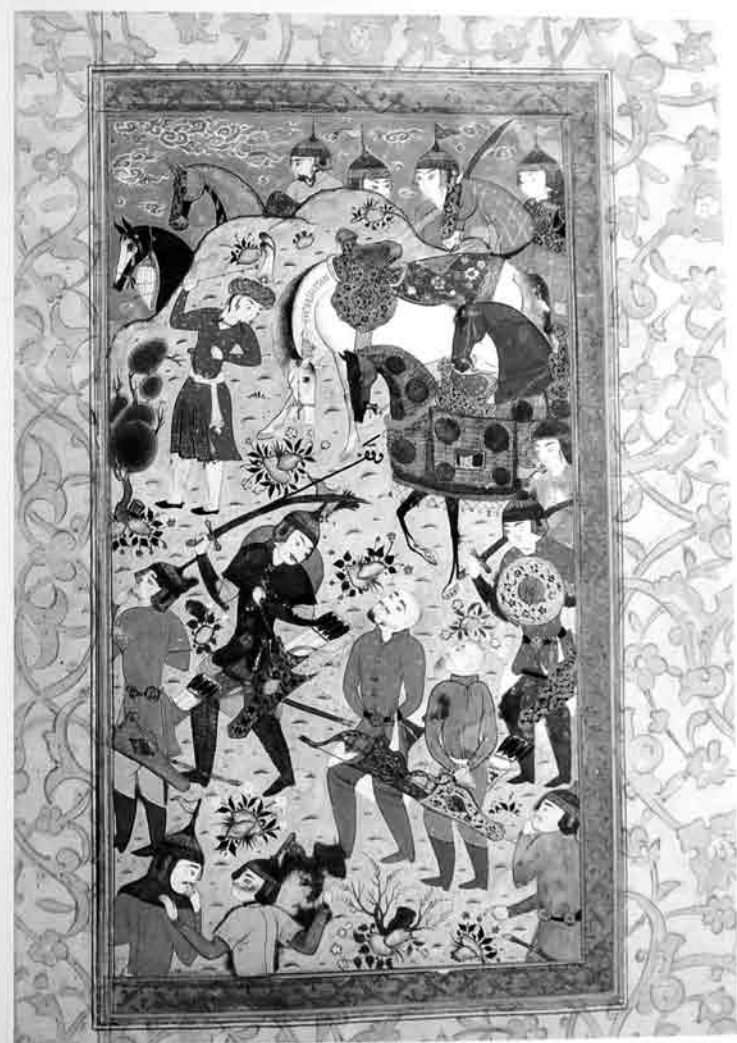
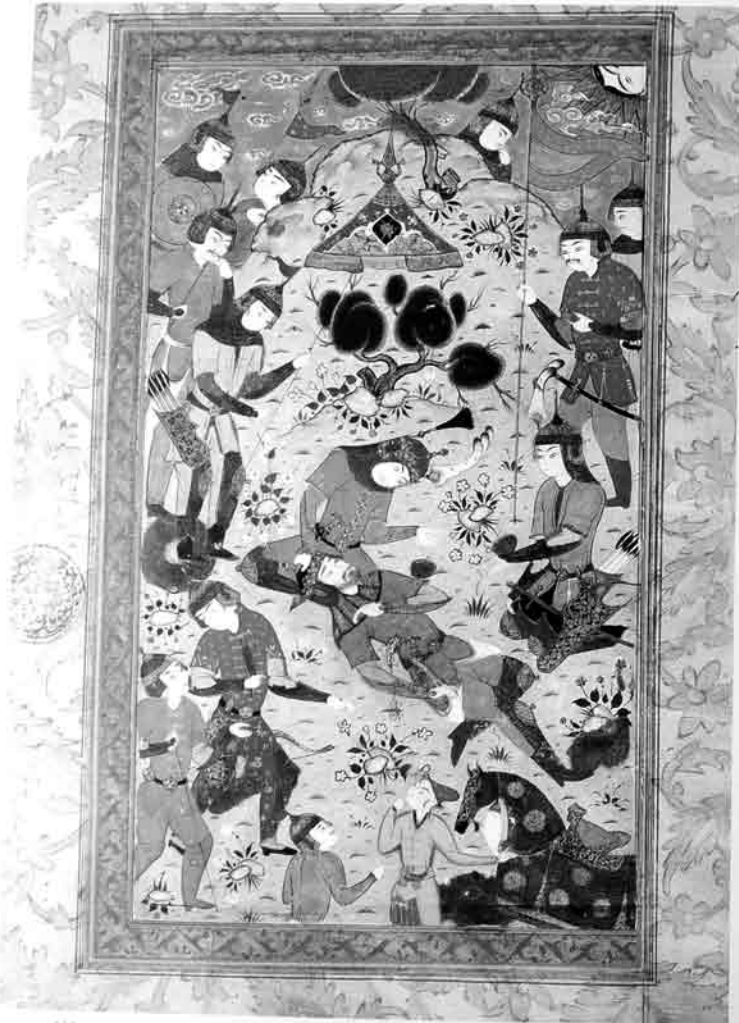
No. 113. «Khamasa» 1543—1544. Shiraz. IOS, D-212.

No. 114—115. «Iskandar-Nameh». The 60th—70th of the XVI century. Isfahan. SPL, Dorn 344 dypytch, f. 25 b—26 a.

After a bloody and heavy battle two Iranian army leaders come to Iskandar and suggest kill their shah for reward. Afraid of being defected Iskandar consents.

During the second battle the two traitors mortally wound their shah Dara and hurry to Iskandar for their reward. Iskandar orders to capture the traitors, and himself hurries to the dying sovereign. Iskandar's conversation with dying Dara is one of the dramatic and impressive parts of the poem.

Искандарни Иран атешкадаларини доғытмасы
116. «Искандарнаме», 1418-чи йил. Баку, РРФ,
М-535.

Дарро гаало жадмади ва Иран тахт-тоҷони сабиб олади
даи сира, Искандар, эн ахва, энр едир ки, адналар атиша-
рестежади уу дондорешади. О атишакадали дағиғиғиға, му-
тарлар сорағини, хлиғисеи нег жандармаға Форман шери-
«Ирада ариғаз сонду бар јерад, ван ковоа зодуштуғи, ван
атешкада». Бу миниятларда атишақонини сугаси тақсир шери-
миш, онун фонуда ер не бади дағиғиғи доғиғиғи фигуралри
ва динлар гағма кулуғи туги дил чоқмуш мут тақсир едла-
мишлар.

Искандер разрушает капище огня

116. „Искандернаме“, 1418 г. Баку, РРФ, М-535.

Победа Дария и завоевание красной престола. Искандер пре-
жде всего ошелолил, чтобы после перестать поклоняться огню,
чтобы все ираноэрийские храмы капища огня были разрушены,
а имущество чужих сожжено. На этой миниатюре, наиболее древней
из известных в собраниях СССР рукописей „Камуса“ Ибн-Али
и третий по своей древности во всем мире, схематично раз-
ставлены храм огня, на фоне которого изображены фигуры разру-
шающих его воинов и колдунья, держащая в руке золотую
палочку.

Iskandar Destroys the Temple of Fire-Worshippers

No. 116. „Iskandar-nameh“, 1418. Baku, Azerbai-
jan Fund of Manuscripts.

When Iskandar defeated Dara and possessed Iranian throne, he
ordered people not to worship fire, and gave orders to destroy all the
fire-temples and to put into fire the property of magicians. This miniatur-
e, which is the first among the Soviet, and third among the world collec-
tions according to its age, describes a fire-temple. On the back-
ground of this scene the artist painted the warriors who destroyed the tem-
ple and a magician on his knee with a piece of gold in his hand.

Искандарла Ровшанојни тоју

117. „Хамсе“, 1578-чи на. Бухара, ҚДК, 3ҒС 272, В. 202.

Дарја голли қолли ва Иран тек-течмиле јилқилан Исқандар оққадга талда-гаууу борли едир ва шайхон қосқилганлима оққад оққор оққи талда Ровшанојни аққар.

Сарай о јилқарил талқоққил тој марқилон талқил едирлар. «Дардубо, шайхондан қосқилулу бор јил, атрафа чан верил чали, оққилане. Тојдон соғра Исқандар Истақрда талқил отқурду ва чали арқадимиле оққилли ило биралқадга Дунамастани қилдирил.

Свадьба Искандера и Роушанен

117. „Хамсе“, 1578 г. Бухара, ГПБ, ПНС 272, л. 202.

Победив Дарю и завоевав иранский престол, Искандер перемещается в мирную и счастливую страну и исполняет предельную просьбу жана, женится на его дочери Роушане.

Первоначально Искандер устраивает торжественную свадьбу: «Столько пышности видел и это правдиво, он, что казался неправдой: все это — сон». После свадьбы Искандер отправил в Истахр на престол, а молодую жену отправляет с Аристотелем в Грецию.

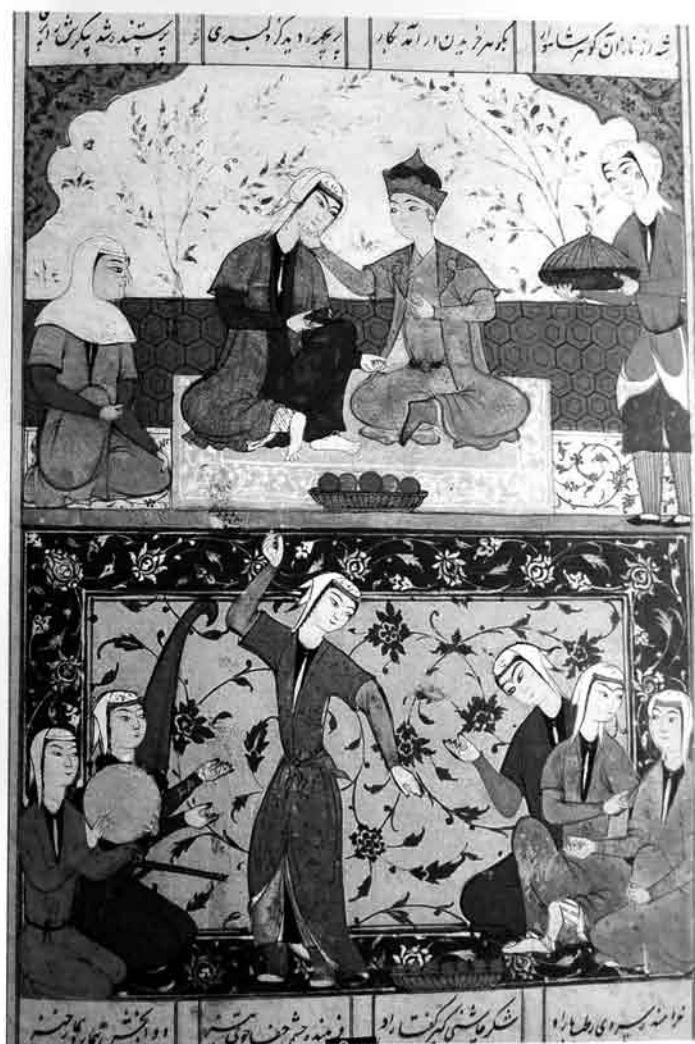
Iskandar and Rovshanak's Wedding Party

No. 117. „Khamse“ 1578. Bukhara, SPL, NPV 272, f. 202.

After his victory over Dara, Iskandar possesses Iranian throne, normalizes life in the country and marries Dara's daughter at his behest.

The palace nobility organize a luxurious wedding party. Every-where was in luxury and festivity.

Music and singing made them alive and gay. After their wedding Iskandar comes to the throne in Istakhr and sends his young wife to Greece with Aristotle.

Искандарин заҳидин жанмина қомлоси

120. «Хамсе», 1543—1544-ҷу Ҳалар. Шираз, ШИАШ, Д-212, В. 285.

Дарбанд шаҳриро қирмақ учун Искандор Юдан кечондари гарот оди гулдурларин қилладдин аминиз галайн одо кечиромандар. Искандарин Юданларин ғарусу ғарк ару қурӯса аз галайн ала биланд. Искандор оғирин қи дугатарда дивар бар заҳид Ҷашар. О, гочави гаранамг қобуло ташир одди қомқ истоғир. Заҳидин дувары ала галайн диварларин учур ва Искандор гулдурларин зойа одир.

Искандар у отшельника

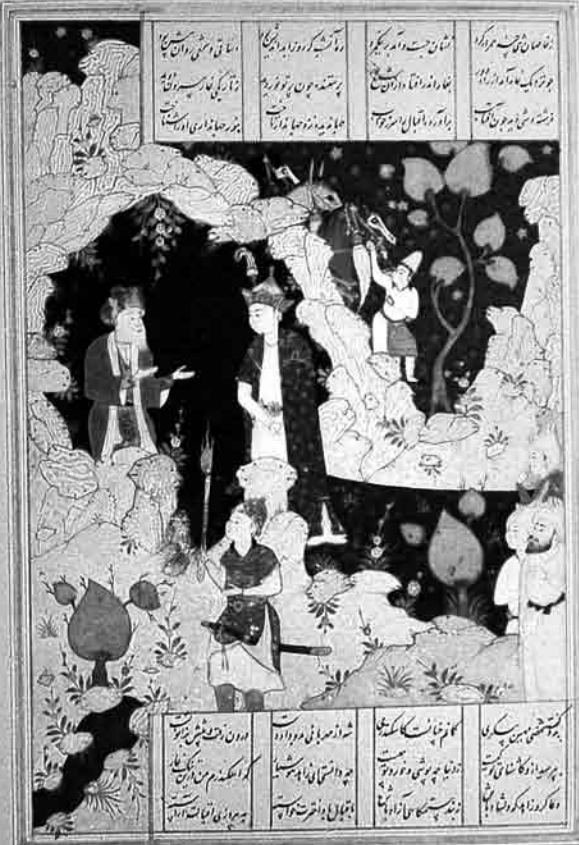
120. „Хамсе“, 1543 г. Шираз, ЛОИВ, Д-212, л. 285.

Чтобы пройти через Дербентский проход, Искандер необходимо взять неприступный город замок, в котором укрывается разбойника, грабители путников. Столь значная армия Искандера 40 дней штурмует крепость, но не может ее взять. Искандер узнает, что в горах живет отшельник. Он находит его и просит у него помощи. Молитва отшельника приносит чудное действие: стены замка рушатся, и Искандер уничтожает разбойников.

Iskandar Visits an Old Hermit

No. 120. «Khamsa» 1543, Shiraz, IOS, D-212, f. 285.

In order to enter the city of Darband, Iskandar is to capture an impenetrable mountainous castle of pirates who rob the passers-by. Though his huge army fight for forty days, still they cannot invade the castle. Iskandar learns that there lives an old hermit in a dark cave and asks for help. The hermit's prayers destroy the walls of the castle and then Iskandar annihilates the enemy.

121

Хасанья Искандария гонаг етмиси

121. «Хамса», 1524-чү ил, Табриз, Нью-Йорк, Метрополитен музейи.

122. «Искандарнаме», 1560—1570-чи иллор, Исфахан, ҚАЖ Дорн 344, В. 75.

Хасанья Искандария гонаг чагарий дубдублаи мохаме гурӯҳ, ода бир мукоссе ки, сатрида ва гадар кода некист вад, басмаидаи бағрава гызма хончалар, ода бир мукоссе ки, нисалии қонивотида вез аж қормайд. Таноминиш мусиқичилар чалар, готобари ошкандар манаъилор охурулар. Маънасида Исхандар чокут гиритгай Вадайд и чумлади динуи азм, ов гартам ки кода, конак реверлар.

Зафарот сойналариния аксиришти кино, бу сюжет да оғозини формада тасвир садламандар. Минивтур буни үзүн иттиҳозини савидаи халқуструсира саямда билар.

Искандер ипрует у хасана

121. «Хамса», 1524 г. Табриз, Нью-Йорк, Музей Метрополитен.

122. «Искандернаме», 1560—1570-е года. Исфахан, ГИИ, Дорн 344, л. 75.

Популярно Искандера в гости, хаган устраивает роскошный пир, где «от полноты меда глаза золотятся», где «было все, что же ласно, как будто в раю». Знаменитые музыканты играют на различных инструментах, много плеванище серца нести. Во время пира Искандер плеванище эночичес-кимак дара, в том числе дарат боевои кино, охотничьего сокола и красавцу-рабину. Этот сюжет, как и большинство ирвинственных сцен, трагичен в традиционной форме, и поэтому эпична гора чомек скармак на-дирасиней и любовну аналитичнону интиду.

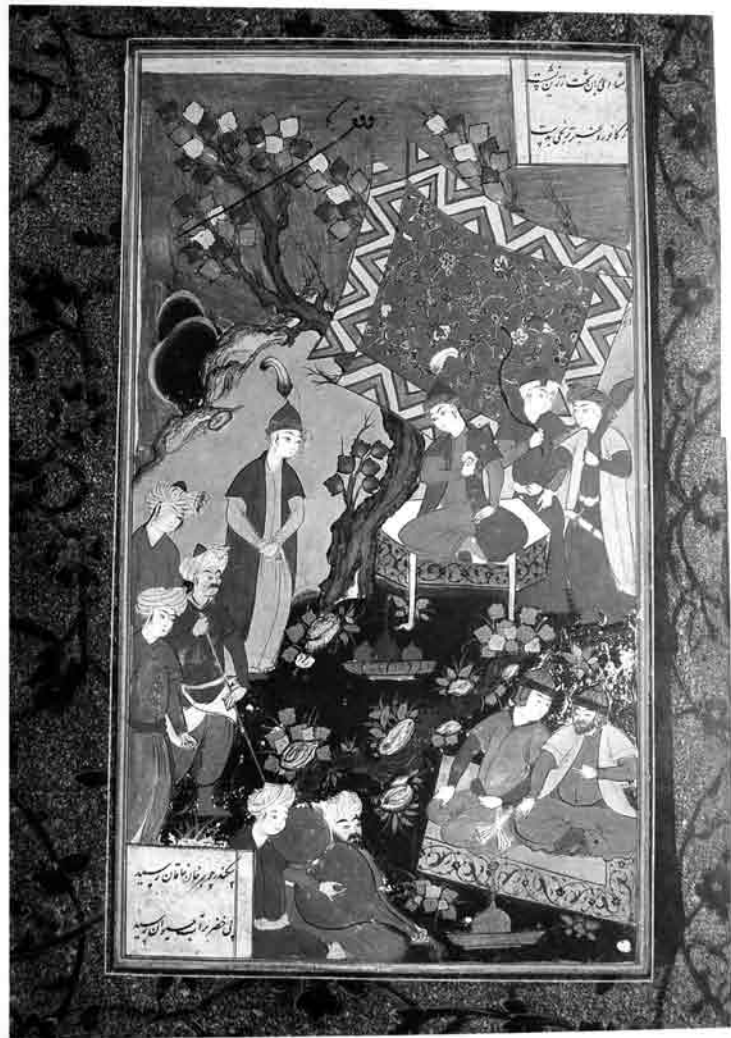
Iskandar at a Feast in Khagan's Palace

No. 121. «Khamsa» 1524. Tabriz. New York, Metropolitan Museum.

No. 122. «Iskandar-Namehs» 1560—1570. Isfahan. SPL. Dorn 344, f. 75.

Khagan invites Iskandar to his palace and organizes a luxurious feast where «the golden trays are full of all earthly blessings, a feast «that cannot be compared to any even in paradise». Popular musicians play in various instruments «fascinating the hearts of men». Iskandar is given many precious gifts here: a battle steed, an eagle for hunting and a beautiful maid servant.

As the most of feast scenes, this plot has also a traditional description. It may also serve as an illustration to any plot of this kind.

122

Искандер ождабаја галиб калир

125. «Хамса», 1508-чи на. Шираз. ҚДК. Дорн 340, В. 260.

Искандер, ғалибик эсир алдығы чәсур дөлушчүни халқия она бығалдыды Бажы қалиб одағуны коруб, өзү ождаба ила дөлушә қарар ва оны қимакка дам елар. Ондавалдин фарған оларат, бу миниатюрдақ ождаба алақ цуқары ождаба қимә жук, дам қимә гәжир едвалиндар.

Искандер побеждает чудовище

125. «Хамсе», 1508 г. Шираз. ГПБ. Дорн 340, л. 260.

Увидев, что бесстрашный воин, захваченный в плен чудовищем, — в сачин рабыни, которую похитил ему хаган, Искандер сам бросается в бой с чудовищем и ловит его араканом. Чудовище изображено на этой миниатюре в традиционном образе змея, а не огыдылшащего дракона.

Iskandar Defeats the Dragon

No. 125. «Khamsa» 1508. Shiraz, SPL, Dorn 340, f. 260.

Seeing that the warrior taken captive by the dragon is the maid given to him by the khagan, Iskandar begins combating with the dragon and lassoes him.

Unlike the previous miniature, here the dragon is described not as a fire-spitting one, but in the form of a monster.

Эждаһанин мејдана атыламасы во «җаирсиэ ко-
зо»ни шүчаоти

126. «Хамсе», 1648-чи ил. Бухара, ҚДК, Дори
66, В. 394.

Руслары гарми муҗаррибдо олхачы дотун эи чотин до-
тун иди. Бу дојундо мејдана довшотай илхачи атылар во ич
кисе она галиб кала билмир. Бирдон-бире Гурн госурундин ич
кисе тавилладагы бир бабадир «рлалыб дојун» кявар. Узу
судон дојундои соира аждаһа илхачыи оудин чокяб салыр.
добялго оуви башмадин дотур во Искондор жорур ки, иволки
дојунлардо фотгалон чосур ожаб хатаныи оии багилладагы
кыла конвалдыр.

Нападение дракона и подвиг Нистандаржихан

126. „Хамсе“, 1648 г. Бухара, ГПБ, ПНС 66,
л. 394.

В войне против русских особенно трудным был шестой бой,
когда в рядах русских появилось страшное чудовище, победить ко-
торое никто не может. Вдруг из рядов русских воинам выступает
якобы неведомый воин и вступает с ним в схватку. После
долгого боя воин становится выше с воин, издег его па-
дает, и Искандер видит, что бесстрашный воин, отпавший
подвигами и в предыдущих боях, — та самая красавица рыцаря
Нистандаржихан, которую ондарил ему каган.

Dragon in Battle-Field and Heroic Deed of
Nistandarjahan

No. 126. »Khamsa» 1648. Bukhara, SPL, NPV 66,
f. 394.

The sixth battle against the Russians was the heaviest and blood-
iest. A terrible dragon appears in the battle-field and nobody is able to
win over him. Suddenly an unknown young Komala warrior attacks the
dragon. After a long fight the dragon overthrows the warrior down from
the saddle, his helmet drops down from his head and Iskander sees that
this is the maid servant presented to him by the Chinese Khan, who
also was distinguished in the previous battles.

ئەست از دەمی دەر
 شەرزاز این گیمناخت
 بنیاس از شاه کفت
 جو قاروره در مردم
 ز دست پور پدید کفت
 ککونه نماید مادم کمال
 آنسی کو بران زد هانکند
 بنیاس و حبیب نازنا
 خردمست کفت سخن
 همان عشق پاک شد یاد
 ئەصاحبلمست ب سارا
 نداند نمودن از فونکری

Искандер нао чобанан дастаны

127. «Хамса», 1491-чи ил. Шираз, КДК, ЭФС 83, В. 327.

128. «Хамса», 1543—1544-чу иллдр. Шираз, ШИЛШ, Д-212.

Севкалеси кысталмагачи учур Искандерни гымы гарадар. Колорени гомат учур о, севкал чымыб чалларди сефди сефди ватт жетуну асгалта бир чобан юрттур. Искандер ову на лавани чачурдамару ва ордан бир сержушт дашымагымы кашип сар. Точа, шабады ва овуна дасто севкалеси магымалды бикаретины туртарон кими, Искандеро хабар колер ки, яри шафр талыб севкалениддер.

Беседа Искандера с чобаном

127. «Хамсе», 1491 г. Шираз, ГПБ, ППС 83, л. 327.

128. «Хамсе», 1543 г. Шираз, ЛОИВ, Д-212.

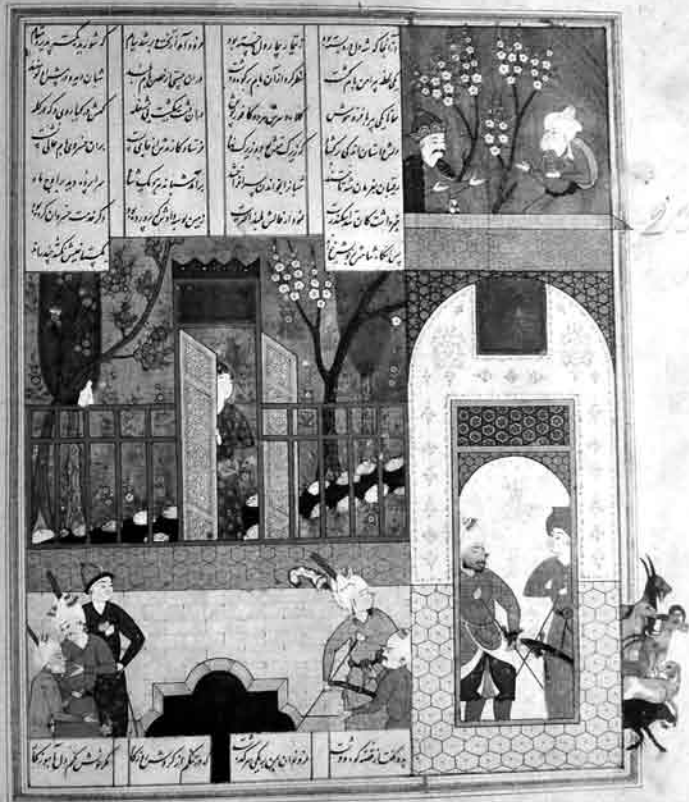
Искандер удручен болезнью возлюбленной. Чтобы отвлечься от тоски, он возманимается на кровлю дворца, чтобы оттуда селбирозити старика-чобана и вконец привести его во дворец с тем, чтобы тот рассказал какому-нибудь историю. Как только старик замечает свои рассказ об одном шахзаде и его большой возлюбленной, Искандеру вспоминает, что опасность миновала — болезнь отступила, и его возлюбленная поправится.

Iskandar's Conversation with a Shepherd

No. 127. «Khamsa» 1491. Shiraz. SPL, NPV 83, f. 327.

No. 128. «Khamsa» 1543. Shiraz. IOS, D-212.

Iskandar is depressed by his beloved's illness. To do away with his grief, he goes to the balcony and begins to watch the fields, and his eyes catch an old grey-bearded shepherd. He orders the shepherd to be taken to him and to retell him a story. The old man relates him the story of a prince and his sick mistress. As the story approaches to the end news comes that Iskandar's beloved has recovered.

Искандарин Једди авни вал соботи

129. «Хамса», 1491-чи ил. Шираз, ҚДК, ЗФС
83, В. 339.

130. «Хамса», 1508-чи ил. Шираз, ҚДК, Дорн
340, В. 290.

Бир кун Искандар тахта чықарат йерин, кюну миншарин
миллатини мушавир отагон учун Једди философи — Оресту,
Буллунас, Сократ, Валес, Фалатун, Фарфурдус ва йирмузу јамин
ни чакырар. Тажабурудон, бадалан узак бу махали колда бир
чакыландир. Једди шарар, шафин дувренин йагмайи собот
сдир.

1508-чи авни огазимасина човканин миншотур баггалар
рамани композициясинин динамиклиги, чавми, экспрессия
суратларини афдалламини вал фаргаллар.

Беседа Искандера с семью мудрецами

129. „Хамсе“, 1491 г. Шираз. ГПБ, ПИС 83,
л. 339.

130. „Хамсе“, 1508 г. Шираз. ГПБ, Дорн 340,
л. 290.

Искандер приглашает в свои палаты ученого, чтобы обсу-
дить вопросы происхождения земли и неба. Собираются Аристо-
тель, Сократ, Буллиас, Платон, Валес (Фалес), Фарфурий (Пор-
фирий Тарсий) и Хермес. Собирают они просветителей, их нева-
жно внешне стариков, но больше ван. Мудрецы окружали
царя и ведут с ним провозглашенную беседу. Миниатора рукопись
1508 года отличает от других динамичной композицией, выра-
зительностью, экспрессией образов.

Iskandar's Conversation with Seven Scholars

No. 129. «Khamsa» 1491. Shiraz. SPL, NPV 83,
f. 339.

No. 130. «Khamsa» 1508. Shiraz. SPL, Dorn 340,
f. 290.

Once Iskandar invites seven scholars-philosophers to his palace.
There assemble Aristotle, Socrates, Bullias, Plato, Phalace, Porphyria
and Ormazd to discuss the origin of earth and heaven. There is no lavary
and wise. The seven wise men have circled the shah and talk. This mi-
niature refers to a manuscript of 1508. It is distinguished by dynamism
of its composition, vividness and expressiveness of images.

Искандар ва хатганим ова чхкмаси

131. «Хамса», 1648-чи н.д. Бухара, ҚДК, ЈФС 66, В. 385.

Чанда, хатганим جاميда оларон Искандар вахтганим тохуви зинафотаро ва ода кечерар. Бу миниатюра Искандар хатганим вахти вахти чхкмаси тасвир олувчундур. Композицияни марказида Искандар вахти куланим вахти вахти. Тасвир олувчи сюжетни композицияни бахажамар; овар вахти ода омавчи миниатюра саросани дахадар. О бар вахти бар баша номада истихали он сабики вахти вахти ода бидар.

Искандер и хаган на охоте

131. „Хамсе“, 1648 г. Бухара. ГТБ, ПНС 66, л. 385.

В Китае, будучи в гостях у ханга, Искандер часто проводил время в играх и на охоте. На данной миниатюре изображены охота Искандера и китайского ханга на диких зверей. В центре композиции — поединок Искандера со львом. Несмотря на конкретность иллюстрируемого сюжета, миниатюра относится к числу тех, которые могут с равным успехом служить иллюстрацией к аналогичному эпизоду из любой другой поэмы.

Iskandar and the Chinese Khagan on Hunting

No. 131. «Khamse» 1648. Bukhara. SPL, NPV 66, f. 385.

As a guest of the Chinese khagan, Iskandar spends his time mostly in feasts and hunting. This miniature describes Khagan and Iskandar's hunting scene of wild beasts. In the centre Iskandar has been painted fighting with a lion. Though the plot is definite to some degree, but still it refers to the group of independent miniatures. It may serve as an illustration to any poem on hunting theme.

Искандер ов замани

132. «Хамса», XVI ғасыр 70-чи ыллари. Хорасан. ҚАК, Дорн 341, В. 282.

Хорасани узун мударат журти замани Искандер ва дундуқлари тез-тез ова чыгарыар. Министр конкерт эдиби чинтоқла алақадар дейди. Минго ажа, ошман миникетти киме, сарф девокатта селкети дашылар во бурда саифана бозма-максалда керамидлар.

133—134. «Искандарнаме», XVI ғасыр 70-чи ыллари. Исфахан, ҚАК, Дорн 344, В. 96 б.—97 а.

Тога министр посамани мушун сюжети кал бағам дейди. Ошарда министр роскамалда ясени јаксаман, шайма он стиски собижис тасвар едгамидлар. Бутунлуқар динтик ва ошуи јри-јри чыгарыар еји мовата бор һамси бир синкода, онг баттада бор һамси бир посамани ва ја тасвири жери калу, страјисја сјајла бозар. Динтикай бор ики торофи муштага, ва батмажи конкертисе ажи шаймада ле, бутларан эрдисада торофи бор алақ мидлар. Булар бир бағам тамамидларга, шайма ова чыгарысанни кийин моваросани верер.

Искандер на охоте

132. «Хамса», 70-е годы XVI в. Хорасан. ГПБ, Дорн 341, л. 282.

Во время длительного похода войско с царем Искандер часто занимались охотой. Министры не связаны с какой-либо определенной литературной эпикой, она носит чисто декоративный характер и лишь для украшения листа.

133—134. «Искандернаме», 70-е годы XVI в. Исфахан. ГПБ, Дорн 344, лл. 96б, 97а.

Двойная миниатюра не связана с определенным сюжетом, взятым из поэмы. На ней изображена шашская охота — тема, широко распространенная в миниатюрной живописи.

Динтик и ошони и одисальде ети сторони мушт муштаји для моваросани тоғони андалогичного эпизода. Хотя каждая сторона динтика реалити ким самостоителыя законченая композиция, однако они отлични сочетаются и, дополнив друг друга, создают развернутую картину шашской охоты.

Iskandar on Hunting

No. 132. «Khamasa», the 70th of the XVI century. Khorasan. SPL, Dorn 341, f. 282.

During his long march to Khorasan Iskandar and his warriors very often go hunting. This miniature is not connected with a definite literary episode. As an independent miniature it is absolutely decorative and has been painted to decorate the page.

Iskandar on Hunting

No. 133—134. «Iskandar-Namehs», the 70th of the XVI century. Isfahan, SPL, Dorn 344, f. 96b, 97a.

This double miniature is not connected with the plot of the poem. It is a widely traditional hunting scene of a prince. The whole flyleaf and its parts may serve as an illustration to any love story or historical work. The two parts of the flyleaf form two independent complete compositions, but still there is an amazing relation between them. Complementing each other they reveal a wide panorama of shah's hunting scene.

Искандарин су парварди яло растанимасы

135. «Xamsa», 1491-чи йил. Шираз, ҚАҚ, ҶФС 83, В. 357.

Чин хагани Искандар су парвардини чадмига себди сайлабди отурди.

Сиря Искандар азу гомустих, ҳамин Ҷеро қолди орда бир ҳеҷма гурӯҳ. Бу дам бир-барини даҳмига донишдан чилди бир даста қолди шарини қолди. Қолди ва, «торош охуру амак ило ошди, бар соҳа, вағмада бағга зилот аер». [Кортур, Низами] ошарини қонашанин набадди тасрир бағмада рақиди моҳуи доғлашди.

Искандер встречает сирен

135. „Xamsa“, 1491 г. Шираз, ГТБ, ПНС 83, л. 357.

Китайский хаган провожает Искандера на волшебную землю, где обитает морские змеи — сирены.

Давным Искандер сам, без помощи и помощи едет и берет, разбитый у самого моря небольшой павтер и жет наступиле ночи. Вдруг он видит, что из глубины моря выходят женщины прекрасных лиц. Они поют песни «прекраснее соловьиных, и слышит любовь». (Назидно, предание о губительности песни сирен Низами не было известно).

Iskandar Encounters Water Nymphs

No. 135. „Khamsa“ 1491. Shiraz, SPL, NPV 83, f. 357.

The Chinese khagan sees Iskandar off up to the magic shore where the water nymphs live. Iskandar comes to the shore alone and makes himself a tent shelter. Suddenly he sees a group of beautiful nymphs coming out of sea. He hears that they sing with great delight, and each of the songs has quite a different gratification (Nizami seems to be unaware of the mortal effect of the nymphs' song).

Искандарин доғиз саёратини

136. «Хамса», 1543—1544-чу алаар, Шираз, ШИМШ, Д. 212, В. 373.

Ушун сурач доғиз саёратини заманы Искандар Чинага гажымет узун ја табухкалди ва узун јол кетимди, ја да жамини ашир ашма аждаһи буржуладан кесиримди сурач. Искандар табухкалди јолу сечир ва мухари болонимди бахрамаддыгъ тасмади конари кала онун жамини тон дороча табухкалди су буржуладан ади саламат чыгар.

Зијафат

Гоша миниатурлар-фронтиспелар

137—138. «Искандарнаме», XVI асрини 60—70-чи алаары, Исфahan, КДК, Дорн 344, В. 16—2а, 139—140. «Хамса» 1578-чи аил, Бухара, КДК, ДФС 272, В. 26—3а.

Морское путешествие Искандера

136. „Хамса“, 1543—1544 гг. Шираз, ЛОИИВ, Д. 212, г. 373.

Во время длительного морского путешествия Искандер, чтобы попасть в Китай, необходимо выбрать или безопасный, но длинный путь, или же рисковать, прорваться сквозь губительный вихорь, но выиграть — «платной целью». Искандер выбирает этот рискованный путь, и с помощью чер, привлечен мурашам булхана, борется Искандер благополучно пройти смертельно опасное место.

Пиршество

Двойные миниатюры — фронтиспелы

137—138. „Искандарнаме“, 60—70-е годы XVI в. Исфahan, ГИИ, Дорн 344, г. 16—2а, 139—140. „Хамса“, 1578 г. Бухара, ГИИ, ДИС 272, г. 26—3а.

Iskandar's Sea Voyage

No. 136. «Khumsa» 1543—1544. Shiraz. IOS, D-212, f. 373.

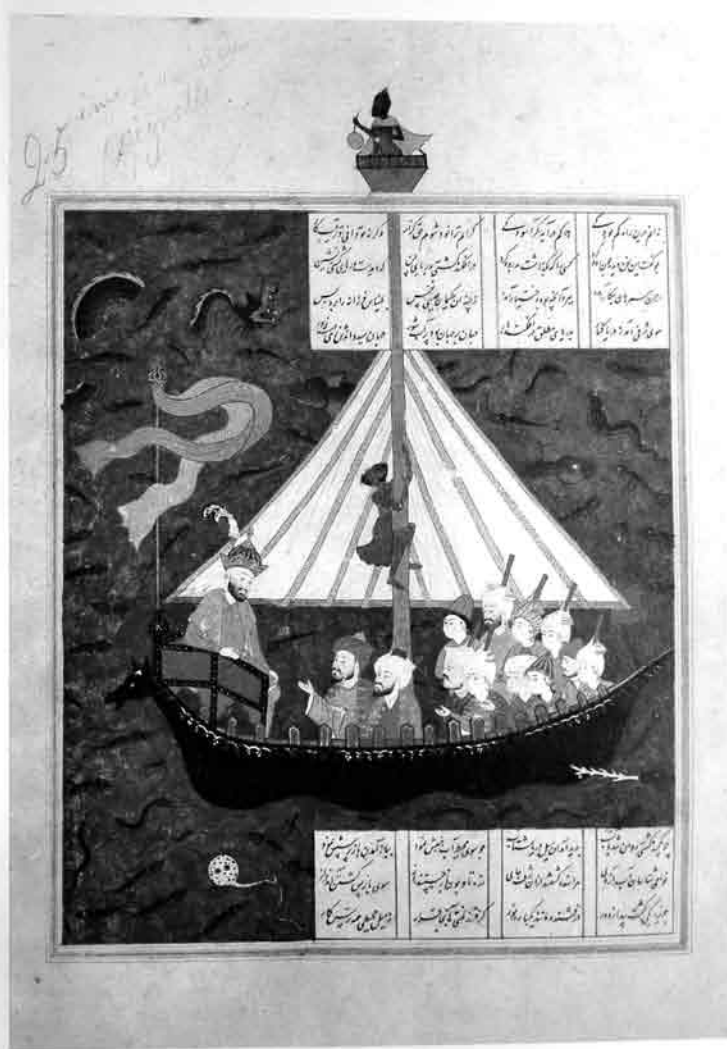
While returning to China from his long sea voyage, Iskandar is to choose either a long but safe way or go through a terrible water whirl called stone's mouth. Iskandar chooses the latter. Mesmeres taken by wise Bulhans help Iskandar easily pass his ship through this dangerous whirl.

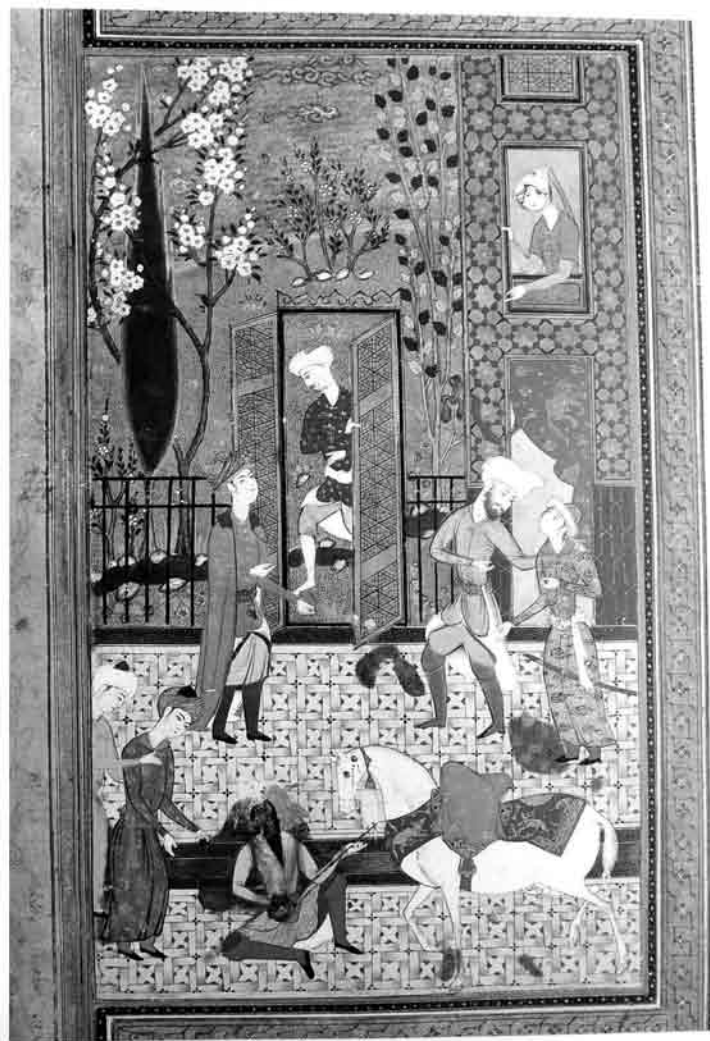
A Feast Scene

Double miniatures — frontispieces

No. 137—138. «Iskandar-Nameh», the 60—70^s of the XVI century. Isfahan. SPL, Dorn 344, f. 1b—2a.

No. 139—140. «Khumsa» 1578. Bukhara. SPL, NPV 272, f. 26—3a.

- Азаде Р. — Низами Канчави, Баку, 1979.
- Азербайжан адабијати тарихи. I Ҷилд. Баку, 1958.
- Араслы Ҳ. — Низами Канчави, Баку, 1947.
- Заманов Н. — Низами поезијасы ва тасвири санат, Баку, 1981.
- Низами Канчави — Сирлар хазинаси. Филоложии тарҷума. Р. Ғалиев, Баку, 1981.
- Низами Канчави — Хосров ва Ширин. Филоложии тарҷума. Ҳ. Маммадзаде. Баку, 1981.
- Низами Канчави — Деда ва Мачун. Филоложии тарҷума. М. Ғлизаде. Баку, 1981.
- Низами Канчави — Леда киза. Филоложии тарҷума. М. Пашаев. Баку, 1941.
- Низами Канчави — Шарофнам. Баку, 1940.
- Низами Канчави — Игбалнамо. Баку, 1947.

- Алиев Г. Ю. — Легенды о Хосрове и Ширин в литературах народов Востока. М., 1960.
- Ашрафи М. М. — Персидско-таджикская поэзия в миниатюрах XVI—XVII вв. из собрания СССР. Душанбе, 1974.
- Бертельс Е. Э. — Низам. Творческий путь поэта. М., 1956.
- Бреганский Л. С., Веймарн Б. В. — Искусство Азербайджана, М., 1976.
- Веймарн Б. В. — Искусство арабских стран и Ирана VII—XVII вв., М., 1974.
- Восточная миниатюра в собраниях Института востоковедения им. А. Беруни АН Уз. ССР. Составители Э. Исмаилова, Е. Полякова. Ташкент, 1980.
- Денке Е. П. — Живопись Ирана. М., Л., 1938. Сюжеты „Хамсе“ Низами Гинджевии в искусстве Азербайджана и Востока в XV—XVII вв. — Сборник „Низами“, IV, Баку, 1947, с. 71—102.
- Дьяконов М. М. — Рукопись „Хамсе“ Низами 1421 г. и ее значение для истории миниатюрной живописи на Востоке. — ТОВЭ, III, Л., 1940, с. 275—287.

История искусства народов СССР, т. III, М., 1974.

- Казиев А. Ю. — Миниатюры рукописи „Хамсе“ Низами 1539—1543 гг. Баку, 1964. Художественное оформление азербайджанской рукописной книги XIII—XVII вв., М., 1977.
- Керимов К. Д. — Султан Мухаммед и его школа. М., 1970. Азербайджанские миниатюры. Баку, 1980.
- Уникальные миниатюры рукописи „Хамсе“ Низами из музея Топкапы (Стамбул) „Изв. АН Азерб. ССР“, серия литературы, языка и искусства, 1980, № 3, с. 115—126.
- Персидские миниатюры XIV—XVII вв. Вступительная статья О. Акмушнина и А. Иванова. М., 1968.
- Пугаченкова Г. А. — Миниатюры „Хамсе“ Низами 1562—1563 гг. Самаркандского музея. Труды Академии наук Таджикской ССР, т. XII, Душанбе, 1956.
- Искусство Афганистана. М., 1963.
- Пугаченкова Г., Галеркина О. — Миниатюры Средней Азии. М., 1979.
- Рафили М. — Низами. Баку, 1939.

Саламзаде А. В. — Искусство Азербайджана. „Искусство стран и народов мира“, т. I, М., 1962.

Среднеазиатские миниатюры XIV—XVII вв.

Вступительная статья Н. В. Дьяконовой. М., 1964.

References

- Aga Oglu M. — The «Khosrow wa Shirin» Manuscript in the Trezor Gallery. — «Ars Islamica», IV, 1937, pp. 479—483.
- Arberry A. Minoši m. Blochet E. — The Chester Beatty Library. A Catalogue of the Persian Manuscripts and Miniatures. Vol. I—III, Dublin, 1959—1962.
- Arnold T. W. — Painting in Islam. Oxford, 1928. 2 ed. New York, 1965.
- Binyon L. — The Poems of Nizami. London, 1928.
- Dimand M. S. — Handbook of Muhammadan Art. New York, 1958.
- Gray B. — La peinture Persane. «Skira». Geneve, 1961.
- Grube E. J. — The World of Islam. London, 1967.
- Guest G. D. — Shiraz Painting in the Sixteenth Century. Washington, 1949.
- Kühnel E. — Miniaturmalerei im Islamischen Orient. Berlin, 1922.
Dogu Islam memleketlerinde minyatur. Ankara, 1952.
- Marteau G., Vever H. — Miniatures Persanes. Paris, 1913.
- Martin F. R. — The Miniatures Painting and Painters of Persia, India and Turkey from the 8th to the 18th century. Vol. I—II, London, 1912.
- Meredith-Owens — Persian Illustrated Manuscripts in the British Museum. London, 1965.
- Rice D. T. — Islamic Art. London, 1965.
The Islamic Painting. A survey. Edinburgh, 1971.
- Robinson B. W. — Persian Miniatures. Oxford, 1957.
A Descriptive Catalogue of the Persian Paintings in the Bodleian Library. Oxford, 1958.
Persian Miniature Paintings from Collections in the British Isles. London, 1967.
- Robinson B., Grube E., Meredith-Owens, Skelton R. — The Keir Collection. Islamic Painting and Arts of the Book. London, 1976.
- Sakisian A. — La miniature persane du — XII au — XVII siècle. Paris-Bruxelles, 1928.
- Sctulz Ph. W. — Die Persisch-Islamische miniatur-malerei. Bd. I—II. Leipzig, 1914.
A Survey of Persian Art From Prehistoric Times to the Present. Ed. A. U. Pope, London-New York, 1939. 2 ed. Tokyo, 1960—1969.
- Stchoukine I. — Les peintures des manuscrits Safavis de 1502 a 1587. Paris, 1959.
— Les peintures des manuscrits de Shah Abbas Ier a la fin des Safavis, Paris, 1964.
- Zaki M. H. — Tarih-e sanaje-e Iran bad az Islam. Tehran, 1320 (1942).
- Yetkin S. K. — Islam Sanati Tarihi. Ankara, 1954.

Ихтисарлар

Список сокращений

- ШКИДМ — Шари Хауслари Иншооти Довлат Музеји
- КДК — Ленинград М. Э. Салтыков-Щедрин адына Кутлави Довлат Китобханаси
- ЖФС — Лени фарс серијасы Шогртумаси Институтунун Ленинград шо басы
- ШИЛШ
- РЭФ — Республика ајазма лары фонду
- ДОРН — Catalogue des Manuscrits et Xulographes Orientaux de la Bibliotheque Imperiale de St. Petersburg. 1952
- ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде
- Дорн — В. Dorn. Catalogue des Manuscrits et Xulographes Orientaux de la Bibliotheque Imperiale de St. Petersburg, 1982.
- ЛОИВ — Ленинградское отделение Института востоковедения Академии наук СССР
- ГМИИВ — Государственный музей искусства народов Востока в Москве
- ПНС — Персидская новая серия
- РРФ — Республиканский рукописный фонд Академии наук Азербайджанской ССР

List of Abbreviations

- SPL — State Public Library (Leningrad)
- SMOA — State Museum of Oriental Art (Moscow)
- IOS — Institute of Oriental Studies (Leningrad)
- NPV — New Persian Version
- Dorn — В. Dorn. Catalogue des Manuscrits et Xulographes Orientaux de la Bibliotheque Imperiale de St. Petersburg, 1852
- RMF — Republican manuscripts fund of Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR

Редактор издательства
Аждар Ханбабаев

В подготовке текстов на языках
принимали участие
Исмихан Рагимов
Гылымджан Байрамов
Интизар Алиева

Художественный редактор
Эхтирам Лазымов

Технический редактор
Сима Багирова

Подписано к печати 22/VII-82 г.
Формат 70 x 100/8 Бум.
Мелованная 120 г. Уч.-изд. л. 51,
Физ. печ. л. 30 Усл. печ. л. 38,7.
Переплет № 7, Заказ; Тираж 25000.
Цена — 25 руб.
Государственный Комитет Азербайджанской
ССР по делам издательства, полиграфии и книжной
торговли.
Издательство „Язычы“. Баку, пр. Кирова, 18.
Мелованные оттиски азербайджанского текста
изготовлены в типографии им. 26 бакинских
комиссаров.

Отпечатано в Югославии: Югославияпублик, г. Белград.
Типография Горенски тисак, г. Крапье.

A-22943

